

ПАРФЯНЕ

Последователи пророка Заратустры

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)
К60

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Загадки древних цивилизаций»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Колледж Малькольм

К60 Парфяне. Последователи пророка Заратустры /
Пер. с англ. Т.Л. Черезовой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. — 190 с. — (Загадки древних цивилизаций).

ISBN 5-9524-1023-5

В книге рассказывается об истории, правителях, политике, экономике, традициях, быте, архитектуре, искусстве и религии древнего народа — парфян. Они почти не оставили письменных свидетельств о своем государстве. Дошедшие до нас официальные документы удивительно немногочисленны. В исторических источниках о них упоминается как о воинственных, заносчивых, враждебных и лживых варварах со странными обычаями. Автор, используя данные археологических раскопок и научные исследования, приводит обширные, ранее неизвестные сведения, которые трудно найти в других источниках.

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2004
© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2004

ISBN 5-9524-1023-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выражение «парфянская стрела» приобрело статус поговорки, но о самих парфянах известно сравнительно мало. Упоминания об этом таинственном восточном народе, живущем за рекой Евфрат, можно встретить у поэтов и историков Древнего Рима. Однако поражает, что все они почти единодушны во враждебном отношении к своим восточным соседям. Парфяне сходят со страниц их книг как лживые, воинственные и заносчивые варвары со странными и отвратительными обычаями. Кто же были парфяне на самом деле, какой была их цивилизация и откуда появилась вся эта враждебность?

Пытаясь найти ответы на эти вопросы, я тщательно изучал материалы ежегодных археологических раскопок, другие исторические свидетельства, имеющиеся в распоряжении многих институтов и музеев. Я поставил себе целью дать по возможности более полное представление о парфянах: рассказать об особенностях их географического положения и исторических событиях, повлиявших на характер бытования этой цивилизации; о ее общественно-политическом устройстве, экономическом уровне развития, религии и культуре, а также об архитектуре и искусстве, которые прежде были практически неизвестны и до недавнего времени понимались совершенно неправильно. Однако относительно Парфии сохраняется еще множество вопросов, тем более что многие ее города остаются совершенно неисследованными.

Я глубоко признателен работникам музеев и институтов, которые в течение ряда лет оказывали мне помощь и дали разрешение воспроизвести их материалы. Чрезвычайно благодарен тем, кто оказал мне помощь при подготовке этой книги; в их числе Энтран Ивен, Тереза Гоулл, Рустам Кавусси, миссис Могадам, Джулиан Рид, Джон Стейли, Дэвид Стронак и профессор Дж.М.С. Тойнби. Я выражаю благодарность также доктору Глину Дэниэлю и работникам издательства, а также Г.А. Шелли за чудесные карты, нарисованные по моим эскизам. В недостатках же книги виноват только я сам.

Настоящая книга, конечно, не дает исчерпывающих знаний о парфянах, это всего лишь набросок. Но я очень надеюсь, что читатели получат пользу и даже удовольствие от знакомства со сложной и все еще малоизвестной цивилизацией.

М.А.Р.К.

Глава I

ГЕОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ УПОМИНАНИЯ

В древние времена живописные горные хребты и пустыни Ирана служили природной преградой для перемещения и контактов. Эта преграда была велика, поэтому жители и захватчики всегда шли по определенным путям к своим целям. Высоко расположенное каменистое плато Ирана состоит большей частью из двух огромных соляных пустынь, Деште-Кевир и Деште-Лут, и окружено горами, высота которых часто превышает три тысячи метров. На востоке высится Гиндукуш, на севере — хребет Эльбурс, на северо-западе — горы Азербайджана и Кавказский хребет, а на западе — горы Загрос, которые выходят на широкие долины Месопотамии. На северо-востоке и юго-востоке Иран граничит с более низменными и гостеприимными землями. Вокруг Каспийского моря в прибрежных районах произрастает пышная экзотическая растительность, хотя по мере продвижения на северо-восток эти земли быстро переходят в более суровые степи Туркменистана и места обитания кочевников Центральной Азии. На юго-западе лежат самые богатые земли — плодороднейшие наносные долины Тигра и Евфрата (рис. 1). Это был один из тех районов, где примитивные общины впервые стали получать излишки продуктов, и в течение многих тысячелетий он оставался призом, который старались завоевать пришельцы. Почти на всей территории Ирана количество осадков очень невелико. Температура значительно изменяется, от сильной жары на плоскогорьях и в пустынях в течение лета до суровых морозов на нагорьях и в горах. По всему Восточному Ирану

каждое лето проносится ужасный ветер «Ста двадцати дней».

Такова была географическая форма, в которой происходила деятельность населения Западной Азии (фото 2). Люди могли преодолевать иранские горные цепи только по небольшому числу перевалов. Наличие обширных пустынь еще больше затрудняло свободное передвижение. Так что захватчики северо-востока Каспия из-за соляных пустынь были вынуждены поворачивать либо на запад в Иран, либо на юго-восток в Афганистан и Индию. Торговцы, желавшие пересечь Иран с товарами Средиземноморья или Индии, вынуждены были следовать древним путем (позже получившим название Великий шелковый путь), который проходил севернее иранских пустынь в Бактрию, а затем поворачивал на северо-восток, пересекая Центральную Азию от оазиса к оазису. Что до деятельности населения, то большая часть территории пригодна исключительно для кочевой жизни. Оседлые поселения росли только в немногочисленных долинах, орошаемых реками или озерами. Сельское хозяйство было нелегким и требовало искусственного орошения; по всему Ирану строились системы подземных каналов для сохранения воды. Единственным значительным районом, не требовавшим ирригации, была северо-западная провинция Азербайджана (Атропатена), где обширные и относительно плодородные долины кормили довольно многочисленное население, занимавшееся сельским хозяйством.

Эти условия оставались постоянными факторами истории Ирана с момента вторжения иранских конных отрядов на территорию Большого Ирана (это удобный термин для обозначения культурного района Ирана в древности). Само слово «Иран» говорит об арийских захватчиках этих земель. Персия была древнегреческим эквивалентом названия ахеменидской провинции Парса — современный Фарс. Благодаря тому, что название Персия было расширено, включив в себя весь Иран, удобнее отличать провинцию, именуя ее более поздним названием Персида. Парфия также употребля-

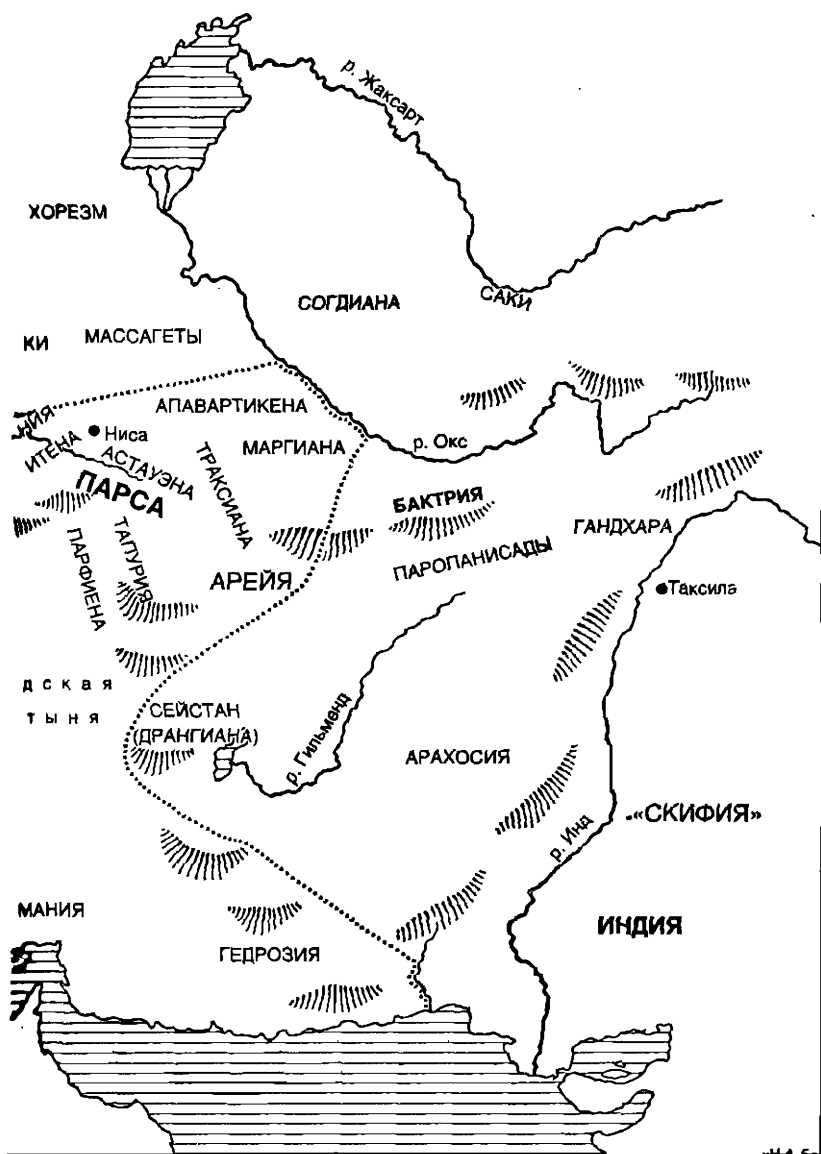
лась древнегреческими и ранними эллинскими авторами в отношении ахеменидской сатрапии Парфии. Когда иранские кочевники парны, которые нас интересуют, попали в провинцию Парфия, греческие и римские авторы стали считать их парфянами. После того как они покорили весь Большой Иран, значение термина расширилось вместе с их империей, так что необходимо проводить различие между сатрапией и царством, которое носило то же название.

Сами парфяне почти не оставили письменных свидетельств о своем государстве. Поэтому парфянские монеты служат самыми ценными из существующих документов династии. Надписи на них, как и немногочисленные сохранившиеся официальные документы, обычно выполнены по-гречески. Однако сохранились многочисленные документы подданных парфянских правителей в виде надписей, пергаментов и глиняных записей, которые находят преимущественно в районах западной Парфии. Они написаны клинописью, арамейским и греческим письмом, а изредка также на парфянском и латинском языках и на иврите. Хотя эти документы обычно касаются местных дел, иногда в них содержатся важные факты.

К счастью, эту довольно скудную информацию можно дополнить значительным числом отрывков и упоминаний, которые щедро разбросаны по произведениям греческих и латинских авторов, но они мало знали о начале парфянской истории. Полибий, Страбон, Юстиниан и Арриан жили позже и писали о начальном периоде истории Парфии очень мало. Но с 141 г. до н. э., когда парфяне оккупировали Вавилон, их история становится больше известна. Очевидно, что доверия в первую очередь заслуживают авторы, которые сами знали Парфию. Грек Аполлодор из Артемиды (к востоку от Тигра) — историк, на которого полагался Трог Помпей. Его труд сохранился в кратком изложении Юстиниана, в нем выражена точка зрения парфян на катастрофу Красса у Карр. Они именно такие люди. Их работы утрачены, но ими пользовались (порой весьма широко) Страбон, Юстиниан, Плутарх

Рис. 1. Провинции Парфянского царства и соседние с ним территории

и другие авторы, чьи книги сохранились. Пересказ Трога, сделанный Юстинианом, дает связный рассказ о раннем периоде истории Парфии. Исидор из города Харакса в верхней части Персидского залива, видимо, был еще одним автором, который знал Парфию. Его небольшая работа «Парфянские станции» сохранилась. В ней он перечисляет основные места остановок вдоль главной сухопутной дороги через Иран. Современные ученые обвинили его в обмане. Он включил в Парфянское царство некоторые провинции Восточного Ирана, не подозревая о том, что в его время они уже, как минимум, сто лет были утрачены парфянами. Видимо, он обратился к отчету, составленному около 100 г. до н. э. Но, несмотря на эти недостатки, свойственные многим древним работам, его путеводитель остается чрезвычайно ценным.

Письма Цицерона, стихи Горация, работа Веллея Патеркула и «Стратегемы» Фронтинуса содержат упоминания о современной им Парфии. Они, как и большинство западных писателей древнеримского периода, тяготеют к враждебной точке зрения. Ранние контакты парфян и римлян часто были неудачными, споры о границах не позволяли давним ранам зажить. Более пространственные сообщения о Парфии и Риме можно обнаружить у Тацита, Плутарха и Диона Кассия; они часто касаются военных кампаний. Многие другие историки также приводят описания и факты, среди них можно отметить Аппиана, Арриана, Геродиана, Фронта, последователей Ливия, биографа Светония и создателей истории Августа. Однако большинство из этих авторов воспроизводят информацию, полученную из вторых и третьих рук, так что их рассказы следует сверять с другими источниками. Написанная Филостратом биография мистика Аполлония Тианского, совершившего длительное путешествие по Парфии в середине I в. н. э., при первом прочтении кажется полным вымыслом, но не перестает удивлять обилием скрытых в ней фактов. Отрывки из Лукиана, относящиеся к Месопотамии, к сожалению, совершенно тривиальны, хотя он родом из

тех мест — из города Самосаты. И наконец, Сивиллины книги дают некоторую информацию, особенно те, которые были составлены задним числом.

Восточные источники также содержат немало информации. Самыми хорошими из них являются еврейские, сирийские и китайские, поскольку они написаны современниками событий или базируются на рассказах современников. Талмуд проливает некоторый свет на отношения евреев с парфянами; одним из самых надежных историков того периода был близорукий еврей, который писал по-гречески, Иосиф Флавий. Сирийские писатели пользовались надежными источниками, часто написанными при парфянском правлении. Со II в. до н. э. и позже китайские путешественники и купцы начали добираться до Парфии и привозить оттуда информацию о событиях, которые были тесно связаны с историей Ирана. Их рассказы трезвы и информативны; они станут еще полезнее, если удастся установить соответствие между именами из китайских и западных источников.

Более поздние восточные источники не столь полезны. После падения Парфии все сведения о ней были быстро утеряны или уничтожены. Армянские авторы (например, Мовсес Хоренаци) склонны к серьезным неточностям и даже выдумкам. Арабские историки и географы говорят прискорбно мало. Книги и комментарии к зороастризму содержат некоторую существенную информацию. К IX—X вв. н. э., когда творили персидские писатели и поэты, подлинная история Парфии была забыта, и легенды подавались как исторические факты. Великий персидский эпос, посвященный правителям Ирана с древнейших времен, «Шахнаме» («Книга царей») Фирдоуси говорит о парфянах меньше, чем Гомер — о микенцах. Легенды арабов и персов любопытны, но приходится признать, что они мало могут дать тому, кто стремится к исторической достоверности.

Глава 2

ПРИХОД ПАРНОВ

Тройное поражение, которое Александр Македонский нанес Дарию III (336—330 гг. до н. э.), последнему правителю Ахеменидского государства, и установление эллинистического правления после ухода завоевателя, стало поворотным пунктом в истории Западной Азии. В пожаре Персеполя погиб старый мир. После того как в Азии появились и обосновались македонские и греческие солдаты, жизнь в Месопотамии и Персии не могла не претерпеть серьезных изменений. Сам Александр выдвинул идею сплава греческих и восточных элементов в своей новорожденной империи и предпринял практические шаги к ее воплощению. В его правительстве иранцы получали самые высокие посты наряду с греками. Солдаты-ветераны селились в новых колониях, поощрялись межнациональные браки. После внезапной смерти Александра в 323 г. до н. э. его полководцы начали борьбу за наследство. В схватках между диадохами (наследниками) в центре событий находился выдающийся военачальник Александр Селевк. Его первоначальные неудачи закончились, когда он вошел в Вавилон осенью 312 г. до н. э. С этой даты ведется отсчет эры Селевкидов. В течение следующих десяти лет Селевк отразил нападения своих соперников и создал Восточную империю, которая простиралась от Месопотамии до Афганистана. Ее новой столицей стала Селевкия на Тигре. Сражение при Ипсе, состоявшееся в 301 г. до н. э., подтвердило власть Селевка в своей империи, к которой он прибавил не только Сирию и еще одну столицу — Антиохию на Оронте, но и позднее Малую Азию (рис. 1).

Правление, которое установили он и его сын, первый Антиох, во многом походило на ахеменидское. Огромные сатрапии сохранились и были разделены (предположительно) на семьдесят две епархии, которые, в свою очередь, делились на гипархии. Система сбора налогов работала, по существу, так же, как прежде, причем в разных областях использовались разные методы. Единицы мер и весов не изменялись, но Селевкиды наряду со старой системой ввели аттическую. Местные религии не только не ущемлялись, но иногда даже поощрялись. Сами правители-Селевкиды заняли положение ахеменидских монархов как абсолютные правители, так что их власть в опасной степени зависела от их личных качеств. Для многих своих подданных они были объектом поклонения. Царю принадлежала вся земля (очевидно, включая храмовые земли), за исключением той, что принадлежала свободным городам. Правление осуществлялось в основном через придворных, чиновников и поддерживалось армией, распространяясь на множество городов, племен и вассальных государств, причем правители последних обычно имели собственные дворы, построенные по образу центрального. Но если теоретически Селевкидам принадлежала почти вся земля их империи, это не означало, что они эффективно контролировали всю свою собственность. Больше всего их интересовали Сирия и Месопотамия, где были основаны столицы, а также Великий шелковый путь, проходивший через империю от Месопотамии до Бактрии, по которому шла вся связь и торговля. Области за пределами этих районов контролировались хуже — или не контролировались вообще. Власть Селевкидов держалась в основном на поселениях ветеранов-солдат и других греков, чьи колонии размещались в стратегически важных точках. Создание этих поселений способствовало тому, что греки хранили верность династии Селевкидов. Эта верность в более поздние трудные времена стала важным фактором. Колонии имели разный размер и статус, но их функции были одинаковыми: они хранили и защищали империю

Селевкидов. Будучи центрами греческой культуры, эти города со временем оказали сильное эллинизирующее воздействие на окрестные области. Греческий язык, законы и греческое искусство в большей или меньшей степени принимались или усваивались местными культурами Ирана и Месопотамии. Таким образом, намеченное Александром слияние стало реальностью при Селевкидах, хотя те особой поддержки ему не оказывали. Сам Селевк был женат на согдийке, так что в жилах его преемников текла иранская кровь. Начавшееся в то время слияние эллинской и восточной культур сохранялось и долгое время после падения династии Селевкидов.

Основание столиц — Селевкии, а затем Антиохии на дальнем западе империи Селевкидов — подчеркивает переко́с, царивший в стране и интересах ее правителей. Более того, древние историки, писавшие о Селевкидах, в основном интересовались их войнами с правителями Египта и других эллинистических государств. Имея такие интересы на западе, Селевкиды неизбежно пренебрегали востоком. Страбон отмечает этот недостаток, говоря о Гиркании: Селевкиды управляли ею короткое время и, будучи заняты войнами, не могли следить за другими территориями. Однако такая концентрация внимания на западе имела и свои преимущества. Потери целых областей в восточных регионах могли переживаться без крушения центральной власти. Однако Селевкиды не могли предугадать, что оборона далекой сатрапии Парфии в конечном счете будет немало способствовать их падению.

В середине III в. до н. э. ситуация в восточных сатрапиях Селевкидов стала напряженной. Северо-восточным границам постоянно угрожало вторжение кочевников из Центральной Азии. Тем не менее, сатрапы были вынуждены тратить ценные ресурсы, помогая центральному правительству вести войну в Египте. Действовали и другие факторы. Распри между греками и македонцами и личные амбиции побуждали сатрапов стремиться к независимости. Ситуацию там обострило присутствие полу-

кочевого иранского племени парнов. Когда в племени появился выдающийся вождь Аршак, сцена была полностью готова к первому акту. Происшедшие события по-разному освещались в различных древних источниках. Два самых ранних отчета — Страбона и Трога (в пересказе Юстиниана) — не только достоверны, но и подтверждают друг друга. Поэтому можно восстановить события на основе того, что говорится в них. Начало яростной гражданской войны на западе в 245 г. до н. э., которая повлекла за собой военные действия в Египте, дала возможность восстать сатрапу Парфии, которого, скорее всего, звали Андрагор. За его изменой последовало восстание Диодота, правителя Бактрии (возможно, в 239 г. до н. э.). Тем временем Аршак и парны следили за ходом событий. Поражение, которое правящий монарх Селевк II потерпел около 238 г. до н. э. от кельтов при Анкире, позволило Аршаку изгнать Андрагора и занять Парфию. Целая сатрапия Селевкидов оказалась в руках иранцев.

Племя парнов, которое теперь начало играть важную роль в делах Селевкидов, согласно Страбону и Трогу было одним из трех небольших племен, составивших союз даков, живших на восточной стороне Каспия. Возможно, что парны переселились в области Парфии и Бактрии после смерти Александра Македонского, когда на юге бывшей территории СССР начались стычки племен. Обосновавшись там, они вели полукочевой образ жизни, а их язык смешался с местным. Основатель династии Аршакидов упоминается на черепке, найденном в Нисе (в Туркмении) — древнем парфянском городе. Значит, Аршак был историческим лицом, хотя легенды приукрасили его возвышение в качестве царя парнов. Более того, позднее его имя было превращено в титул, использовавшийся последующими царями, как имена Цезарь и Август у римлян. Однако это делалось при исключении их личных имен, так что идентификация отдельных монархов сильно затруднена, особенно по монетам. Позже парфяне использовали эры для отсчета лет в подражание Селевкидам, но начинался отсчет с 247 г. до н. э. — с воцарения Аршака.

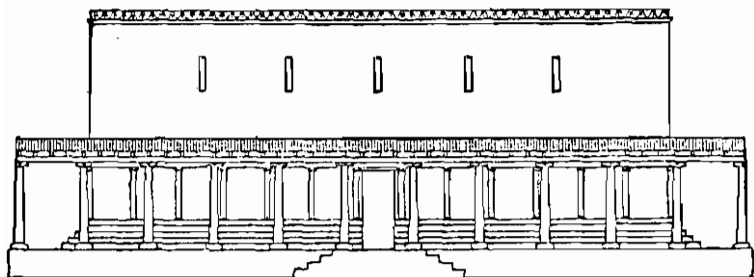

Рис. 2. Фасад мавзолея в Нисе. Раннепарфянский период

Первые годы Парфянского царства были заняты сражениями и присоединением части Гиркании. В это время Аршак погиб и, согласно поздней классической традиции, царем стал его брат, второй Аршак. Такой тип наследования наблюдался и в других иранских общинах. Этот брат якобы носил имя Тиридат, хотя некоторые историки ставят под сомнение эту атрибуцию. Столицей стала Дара на горе Апаортенон, которая сейчас обнаружена вблизи Абиварда. Юстиниан живописно характеризует ее как неприступную и прекрасную, окруженную плодородными землями, ручьями и лесами, изобилующими дичью. В отношении этого раннего периода Исидор добавляет, что Аршак (возможно, основатель династии) был коронован в Асааке — в области парфянской сатрапии Астауэне, а царская усыпальница располагалась в Нисе (или Партенисе). На этом месте (в Туркестане) археологические раскопки обнаружили крупные строения, надписи и разграбленную сокровищницу, однако царской усыпальницы пока найти не удалось (рис. 2, 3). Положение второго Аршака было не очень надежным, но два счастливых обстоятельства позволили его царству устоять. Во-первых, Селевк II был слишком занят ведением войны на западе, чтобы обратить внимание на это восстание; во-вторых, был заключен союз с Диодотом, сыном и наследником восставшего сатрапа Бактрии. Аршак — Тиридат успел навести порядок в своем государстве и

Рис. 3. Мраморная статуэтка из Нисы, видимо изображение богини. Масштаб примерно 1:2. II в. до н. э.

создать армию до прихода карательной экспедиции Селевка II. Она состоялась только около 228 г. до н. э. Тиридат был вынужден отступить на северо-восток, в далекие степи Центральной Азии, где жили племена апасаков — водяных саков. Но Селевка срочно вызвали в Антиохию — улаживать новые внутренние конфликты, так что территория осталась за парфянскими правителями. Однако ни один из первых парфянских монархов не чеканил собственных монет, а пользовался деньгами Селевкидов. Это может служить свидетельством того, что они находились в таких отношениях с Селевкидами, которые представляли собой форму вассалитета.

Далее пробел в истории Парфии вплоть до 217 г. до н. э., когда Тиридат занял Гирканию и Комитену, получив богатые земли у юго-восточных берегов Каспия. После этого он перенес свою столицу в селевкидский город Гекатомпил, местоположение которого до сих пор не обнаружено, но известно, что он находился на главном торговом пути через Иран. После его смерти около 211 г. до н. э. царем стал его сын; по-видимому, первый Артабан. К 209 г. до н. э. парфянам принадлежала территория, простиравшаяся до Экбатаны в Мидии, но в этот момент преемник Селевка Антиох III получил возможность отвоевать взбунтовавшиеся провинции. В ходе долгой кампании он снова взял Экбатану, обратил в бегство парфянских всадников, отправленных Артабаном разрушить драгоценные подземные каналы у соляной пустыни, и без труда занял Гекатомпил. Затем он с жестокими боями прошел через Тапуру в восточном Эльбурсе, отвоевал Гирканию и, наконец, заключил союз с Артабаном. Антиох завершил свои успехи, заставив признать свое главенство и Евти-

дема, правителя Бактрии. Затем, чтобы продемонстрировать восстановление правления на востоке, Антиох прошел дальше, следуя по пути Александра Македонского по Гиндукушу, через перевал Хибер в Пенджаб, и вернулся в Селевкию на Тигре через Сейстан и Карманию. Его экспедиция уменьшила размеры Парфии, однако государство сохранилось.

Парфии вскоре предстояло пережить новые территориальные потери в результате нападения царя Бактрии, но она оправилась после поражения и вскоре снова расширилась. Когда умер Артабан I (возможно, около 191 г. до н. э.), царем стал Приапат, который правил пятнадцать лет и оставил двух сыновей, Митридата и Фраата. Власть перешла к старшему сыну Фраату, который снова начал активные военные действия. Антиох III только что потерпел сокрушительное поражение от войска расширяющейся Римской республики при Магнесии и был слишком слаб, чтобы защищать свои владения. Фраат напал на племена, населявшие Эльбурс, вновь занял Гирканию и другие территории, отодвинув границы Парфии к западу от каспийских ворот и поселив часть покоренного населения в городе Харакс вблизи от Персидского залива. Однако целиком результат поражения Антиоха стал виден только через несколько лет. Сначала против правления Селевкидов восстали армянские царства, затем — Мидия Атропатена. Смерть Антиоха III и бездействие его преемника спровоцировали целый ряд восстаний. Селевкиды теряли провинции Ирана, которые одна за другой становились независимыми монархиями. В разгар дробления Ирана умер Фраат I, оставив Парфию не одному из своих многочисленных сыновей, а своему любимому младшему брату Митридату (фото 6, а, аа).

Поразительный военный дар Митридата, которого обычно считают подлинным основателем Парфянского царства, сочетался с осмотрительностью, поэтому он не проявлял этот дар до смерти Антиоха IV в 163 г. до н. э. (фото 1). На востоке грек Деметрий покорил Пенджаб и правил афганскими и индийскими территориями.

Бактрия оказалась в руках Евкратиды. Эти два правителя сражались так яростно, что ресурсы Евкратиды были полностью истощены; он не смог помешать Митридату захватить Тапурию и Траксиану вскоре после 160 г. до н. э. Проблемы Евкратиды вскоре закончились: его убил собственный сын, который проехал по трупам отца на колеснице и запретил его хоронить. Спустя некоторое время эллинистические государства долины Кабула и Инда были объединены в крупную империю, где предстояло править знаменитому царю Менандру (около 155—130 гг. до н. э.), которого индийцы называют Малинда. Он принял буддизм, и память о нем сохранилась в буддийских преданиях.

Митридат решительно продвигался на запад. Мидия, которой правил взбунтовавшийся царь Тимарх, была, видимо, полностью оккупирована к 148/47 г. до н. э., и ее правителем был назначен некто Вакас. Затем внимание завоевателя снова было направлено на восток — возможно, из-за нападений на его границы. Судя по упоминаниям классических авторов, которые склонны к вымыслам, он, возможно, вел военные действия в Арахосии и завоевал территории вплоть до границ Индии. Будучи занят этими завоеваниями, Митридат также отчеканил первые парфянские монеты, и этот шаг мог означать полный и окончательный разрыв с Селевкидами (фото 6, а, аа).

На западе Митридат уже приблизился к аллювиальным равнинам Месопотамии и Вавилонии, усеянным городами, некоторые из них существовали уже тысячи лет. Богатство эти города черпали из двух источников — сельского хозяйства и торговли. Восшествие на трон Селевкидов юного Деметрия II и последовавшая за этим борьба с узурпатором Трифоном предоставили Митридату необходимый шанс. К июлю 141 г. до н. э. в результате стремительной кампании он уже присоединил к своему царству большую часть Вавилонии и Месопотамии и вошел в Селевкию на Тигре. Потрясение, испытанное Деметрием и вавилонянами при внезапном появлении Митридата, отражено в глиняных

табличках Вавилонии, относящихся к тому периоду. Однако пребывание Митридата в Вавилонии было недолгим. Ему пришлось спешить на восток, чтобы отразить вторжение бактрийцев. В то же время Деметрий мощно контратаковал его в Вавилонии, где ему помогали проживавшие там и в Западном Иране греки, хранившие верность его династии. Существует интересная теория относительно сговора между Деметрием и Гелиоклом Бактрийским, который позволил им совершить одновременное нападение. Однако Митридат разбил бактрийцев, после чего вернулся и нанес поражение Деметрию. С помощью хитрости он захватил царя Селевкидов живым и отправил в почетную ссылку в Гирканию, дав ему в жены свою дочь Родогуну. Затем он утвердил власть парфян в Центральном Иране и Двуречье. В Селевкии он отчеканил качественные и датированные монеты, используя чеканы Деметрия. К 140/39 г. до н. э., как указывают монеты, он был также правителем Элимаиды и Персиды, которые оставались вассальными провинциями Парфии на протяжении нескольких веков (фото 6, b, bb).

К моменту своей мирной кончины около 138 г. до н. э. Митридат превратил Парфию из мелкого государства в уголке Ирана в крупную империю, простиравшуюся от Вавилонии до Восточной Бактрии. Он выпустил первые парфянские монеты по образцу греческих и на этих монетах по праву именовал себя «великим царем». Утверждают, что он пытался создать свод иранских законов. Переименование Нисы в Митридаткерт, видимо, тоже произошло во время его правления. Неудивительно, что Арриан воздает хвалу ему словами, сходными с теми, которые он посвятил Александру Великому. Однако расширение Парфянского царства в дальнейшем принесло новые конфликты. Когда преемником отца стал юный Фраат II, его мать стала регентом. Деметрий дважды пытался бежать из своего комфортабельного плена в Гиркании. Оба раза его ловили и возвращали обратно, в первый раз — с суровым выговором от Фраата, второй — с оскорбительным подарком в виде золотых игральные кости,

как достойной награды за его ребячество. В 130 г. до н. э. на царство Фраата напали одновременно с запада и востока. Антиох VII расправился с претендентом на престол Трифоном, объединил Иудею и Сирию и решил вернуть себе другие территории. Размер его армии вошёл в легенды, как и ее роскошное снаряжение: ее сопровождало множество поваров, пекарей и актеров. В трех сражениях Антиох победил парфянских военачальников и вернул себе Вавилонию, а затем и Мидию. К нему присоединились несколько подвластных Парфии территорий, и он попытался продиктовать Фраату неприемлемые условия мира. Однако приближалась зима, которая оказалась для него роковой. Он расквартировал свою армию в Экбатане и ее окрестностях. Солдаты вели себя отвратительно, и население обратилось против них. Весной был отпущен на свободу пленный Деметрий, что заставило сторонников Селевкидов разделиться; в то же время разъяренное население Мидии напало на армию Селевкидов. К этому моменту Фраат удачно приурочил собственную контратаку, в результате чего Антиох потерпел поражение и погиб. Его тело отправили в Сирию в серебряном гробу, его сына Селевка оставили в плену, а его племянницу Фраат взял в свой гарем. Правителем Вавилонии стал фаворит царя Гимер. Это стало последней серьезной попыткой монарха-Селевкида вернуть себе Иран.

Однако события на восточной границе угрожали Парфии еще больше. В начале II в. до н. э. нападение сюнну (гуннов?) на юэчжи, обитавших в северо-западной провинции Китая Ганьсу, привело в движение кочевые племена Центральной Азии. Примерно в 160 г. до н. э. юэчжи вытеснили племена саков на запад, в направлении Дася (Бактрии). Основные массы вторгающихся племен (преимущественно саки и массагеты) напали на северо-восток Парфии около 130 г. до н. э. Греческое царство Бактрия исчезло под напором кочевников около 120—100 гг. до н. э., а сохранившиеся мелкие греческие государства северо-запада Индии затопили новые волны саков к 50 г. до н. э. Парфия также пострадала. Во время сражений примерно в 128 г. до н. э. греческие наемники

Фраата внезапно обратились против него, и во время нападения был убит и сам Фраат. Худшее было еще впереди. Когда на троне оказался дядя (или двоюродный дед?) Фраата Артабан II, кочевники, двигавшиеся на запад, захватили провинции Парсу и Гирканию, а другие повернули на юго-восток, чтобы основать царство Сакастан (Сейстан). Артабан также был убит во время сражений на востоке около 124 г. до н. э. В то же время арабский принц Гиспаосин расширил свое царство Мисену (или Харакену) в верхней части Персидского залива, включив в него большую часть Вавилонии и обратив плохое правление парфянского наместника Гимера себе на пользу.

Положение парфян было не слишком завидным, когда их царем стал Митридат II, сын Артабана. Это произошло примерно в 124/23 г. до н. э. Однако он быстро показал себя достойным обладателем именованного «великий царь». Сначала он вновь завоевал Вавилонию и перечеканил бронзовые монеты Гиспаосина (датированы 121/20 г. до н. э.) в качестве сурового напоминания о своем успехе. Он также напал на царя Армении Артавазда и захватил в плен его сына Тиграна. Так в истории Парфии впервые появляется Армения. Парфяне завоевали Месопотамию и к 113 г. до н. э. вошли в Дура-Европос. Однако самый большой успех ждал Митридата на востоке. Он получил обратно провинции Парсу и Арею и сделал Сейстан, по крайней мере номинально, вассальным государством. Китайские документы, основанные преимущественно на информации, полученной послом Чжан Ценем, который побывал в Бактрии около 129 г. до н. э., считают Митридата правителем степей к востоку от Каспия, включая оазис Мерв и племена массагетов. Митридат добился периода мира на востоке, который длился на протяжении последующих лет его царствования.

Есть указания на то, что во время его правления прошла широкая реорганизация администрации. Был составлен географический реестр, который позднее использовал Исидор из Харакса. Скальный рельеф, высеченный между 123-м и 110 гг. до н. э. в Бехистане

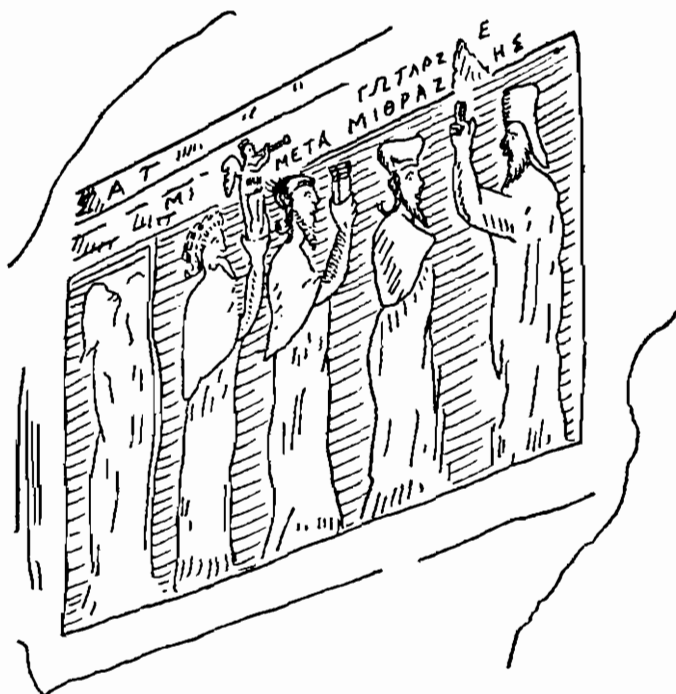

Рис. 4. Скальный рельеф, изображающий царя Митридата II перед четырьмя его вассалами. Бехистан, высечен между 123-м и 110 гг. до н. э. и сильно разрушен в XVIII в. Изображение в рост человека

в Западном Иране, изображает Митридата, перед которым стоят четыре другие фигуры. Греческая надпись говорит, что это Готарз, сатрап сатрапов, Митрат, Кофасат и еще кто-то из сатрапов (рис. 4). Рельеф запечатлел дарование власти или поместий этим аристократам. Его расположение под барельефом с триумфом Ахеменида Дария I не может быть случайным. Первое в парфянской истории появление ахеменидского титула «царь царей» на монетах Митридата и публичное заявление о том, что род Аршакидов происходит от Артаксеркса II (это утверждение сменило более раннее — о происхож-

Рис. 5. Денарий с головой Суллы, отчеканенный Помпеем Руфом около 59 г. до н. э. Примерно 3:1

дении от селевкидского сатрапа Персиды), демонстрируют политически мотивированную попытку соединить династии Аршакидов и Ахеменидов (фото 6, с). Престиж Митридата поднялся еще выше после приезда посольства Китая, отправленного императором династии Хань У-ди. Когда послы отправились обратно, с ними поехали парфянские посланники, которые везли подарки в виде «страусовых яиц и ловких гирканских фокусников». Открылась дорога на восток, которая стала известна как Великий шелковый путь.

Около 94 г. до н. э. Митридат снова вмешался в политику на западе. Умер царь Армении, и Митридат посадил на трон своего заложника Тиграна, получив в качестве платы семьдесят долин. Затем парфяне вторглись в Месопотамию, присоединив мелкие государства Адиабену, Гордиену и Осроену и сделав своей западной границей Евфрат. Однако с противоположной стороны приближалась новая сила. В 92 г. до н. э. римский полководец Сулла также вышел к Евфрату (рис. 5). Митридат отправил посла Оробаза просить о союзе с Римом для обороны и нападения. Сулла явно не представлял себе мощи и размеров Парфии, поскольку обошелся с Оробазом презрительно. Договор о согласии был заключен, но затем несчастного посла казнили за то, что он не сумел поддержать престиж

Парфии. Посольства Митридата к Сулле и У-ди создали связь между Римом и Китаем.

Последние годы Митридата были омрачены восстанием. Таблички из Вавилона, датированные примерно 90 г. до н. э. и более поздними годами, внезапно начинают называть царем Готарза. Обычно в парфянских документах правящего монарха называют только по титулу — Аршаком. Сатрап сатрапов Митридата, возможно, захватил Вавилонию как самостоятельный правитель, и его личное имя приводится для того, чтобы отличить его от законного Аршака. Митридат не сумел вернуть себе эту территорию. В 88 г. до н. э. его внимание отвлекла новая вспышка родственных неурядиц в семействе Селевкидов, и он получил неудачливого Деметрия в заложники. Последние монеты Деметрия датированы 88/87 гг. до н. э.; видимо, в 87 г. до н. э. «царь царей» умер. Его смерть стала сигналом к началу новых неприятностей. Тигран Армянский немедленно атаковал Парфию, захватил Северную Месопотамию и присвоил себе титул «царя царей». Готарз I, который, вероятно, стал к этому времени правящим Аршаком (в Вавилонии его сменил Ород I), исчез, когда в дела Парфии вмешались племена саков. Они посадили на трон престарелого Синатрука (Санатрука). Тот отказался помогать Митридату IV Понтийскому в его борьбе против Рима, о чем его попросили в 73 г. до н. э., и умер около 70 г. до н. э. Его сын Фраат III получил царство в сильно урезанном виде. Власть парфян над массагетами и каспийскими степями была потеряна. Что еще хуже, были потеряны Сакастан и Арахосия, составившие независимое Индо-Скитианское царство. Однако самые значимые события правления Фраата произошли не на этой арене, а на западных границах его империи. Там шел окончательный распад государства Селевкидов, а появление Рима ставило новые вопросы международной политики.

Глава 3

ПАРФИЯ И РИМ

Отношения между Парфией и Римом, к несчастью, слишком часто становились враждебными. В этом виноваты были территориальные споры. Существовали две главные области постоянных разногласий. Первой была Армения, а второй — земли между реками Тигр и Евфрат. Эти районы много раз становились предметом ожесточенных споров и разрушительных войн. Удивительно, что римляне и персы продолжали воевать за Армению и в VI в. до н. э., спустя шестьсот лет после первых столкновений. Тем не менее именно этим конфликтам мы обязаны сведениями Парфии; они привлекали внимание римских авторов. Периоды и события мирного времени не внушали такого интереса.

Римское продвижение в Малую Азию, потери, которые в результате этого понесли цари Митридат Понтийский и Тигран Армянский, вскоре побудили парфян к активным действиям. Поначалу царь Парфии Фраат III благосклонно выслушивал призывы о помощи от соседних монархов, но никаких действий не предпринимал. В 66 г. до н. э. Помпей был назначен командующим римскими армиями в Малой Азии вместо Лукулла, чтобы продолжать военные действия против царей Понта и Армении. Он поспешил заручиться содействием Фраата, обещая ему дружбу и земли. Но затем Помпей заключил договор с Тиграном и передал ему Гордиену, которая была обещана Фраату и даже оккупирована им. Парфяне были изгнаны, а протесты Фраата были встречены оскорблениями. Парфяне не простили Помпею обмана. Что еще хуже, заместитель Помпея Габиний игнорировал пожелание Фраата о том, чтобы Евфрат счи-

тался границей Парфии, и возглавил грабительский поход за него до Тигра. Наконец, и сам Помпей начал планировать вторжение в Парфию. В 64 г. до н. э. вопрос был временно улажен: Фраат и Тигран согласились принять решение Помпея относительно границ, поскольку оба осознали необходимость объединиться против своего главного врага на западе.

Примерно в 59/58 г. до н. э. Фраата III убили его собственные сыновья Митридат и Ород. Затем они начали бороться за трон. Митридат безуспешно пытался заручиться помощью римлян, однако сумел захватить Вавилонию. Ород II (называемый Гиродом на монетах и в работах некоторых историков) преследовал своего брата, который добровольно сдался ему в 55/54 г. до н. э. (фото 6, d, dd). То, как с ним обошлись, было явной неожиданностью. Ород приказал, чтобы Митридата убили у него на глазах. Монеты, которые Митридат выпустил в Селевкии, были перечеканены сценой, на которой персонифицированная Селевкия преклоняет колени перед Ородом (фото 6, e, ee). Теперь Ород стал бесспорным правителем парфян.

Хорошо, что эта борьба закончилась, потому что Парфии угрожала новая опасность. В Риме республиканская система правления стала разрушаться, и аристократы боролись за власть. На политической сцене того времени доминировали три влиятельных аристократа, которые вместе образовали триумвират: Цезарь, Помпей и Красс. Двое последних занимали две важнейшие римские должности, предоставлявшиеся на год, — в течение 55 г. до н. э. они были консулами. Затем Крассу предстояло получить управление Сирией; он был намерен воспользоваться этим назначением, чтобы начать войну с Парфией. Оппозиция в Риме была сильной. Нападение на Парфию оправдать было нечем. Однако немолодым Крассом, которому было уже больше шестидесяти, руководило желание повторить военные успехи Цезаря и Помпея. Его победное продвижение на восток должно было превзойти даже поход Александра. То, что случилось на самом деле,

живо описано в биографии Плутарха. В течение 55 г. до н. э. Красс набирал армию, в случае необходимости применяя силу. Ему доставались мужчины, не востребованные двоими его коллегами. В ноябрьские дни он вышел со своими рекрутами из Рима. Отношение толпы в Риме было угрожающим. В воротах города сидел трибун Кай Атий, глава оппозиции, установив рядом с собой жаровню и проводя древний обряд отправки своего противника к богам преисподней. Это было подходящим началом для рокового похода. В течение апреля—мая 54 г. до н. э. Красс без помех добрался до Сирии и взял под свое командование сирийские войска, так что в его армии к этому моменту было, видимо, семь легионов — более сорока тысяч человек. Конница у него была немногочисленная; он рассчитывал, что этот недостаток восполнят его союзники: зависимые от Рима цари Месопотамии и Арме-

Рис. 6. Графическое изображение парфянских тяжелых (слева) и легких (справа) всадников из жилых домов Дура-Европос. Начало III в. н. э.

нии. Среди офицеров его армии находились квестор Кассий, будущий убийца Цезаря, и его собственный сын Публий Красс, который был легатом.

54 г. до н. э. прошел в небольших операциях. Римские войска пересекли Евфрат и немного продвинулись в глубь Месопотамии, рассеивая немногочисленные парфянские отряды и оставляя гарнизоны в некоторых греческих городах. Ород воспользовался этим временем для того, чтобы начать подготовку сопротивления. Он отправил посла к Крассу с вопросом, получило ли начавшееся вторжение официальное одобрение Рима или же является частной войной Красса. Разгневанный Красс ответил,

что даст свой ответ в Селевкии. При этом парфянский посол протянул руку и сказал: «Раньше моя ладонь обратит волосами, чем ты увидишь Селевкию, Красс».

Поскольку Красс оставил гарнизоны в нескольких городах Северной Месопотамии, для нападения на Парфию ему пришлось следовать этим маршрутом. Тем самым он лишился конницы и солдат царя Артавазда Армянского, который обещал их с условием, что в Парфию Красс войдет через холмы Армении, среди которых страшная конница парфян действовала бы менее эффективно. Весной 53 г. до н. э. Красс пересек Евфрат недалеко от Зевгмы. Поскольку его ближайшей целью была Селевкия на Тигре, Кассий посоветовал ему двигаться вниз по течению Евфрата. Однако союзник римлян, царь Осроены Абгар сообщил, что силы парфян находятся поблизости и отступают на восток через Месопотамию. Красс решил немедленно начать преследование. И вот в истории впервые четко появляется парфянская армия. Конные отряды численностью примерно в десять тысяч человек под командованием Сурена, молодого и очень талантливого аристократа из Восточного Ирана, были единственной силой, которой Ород поручил защищать Месопотамию (рис. 6). Сам он повел парфянскую пехоту в Армению, где ожидал нападения Красса. Тем временем Сурен с конным отрядом телохранителей, составлявшим тысячу всадников в доспехах, и многочисленными наложницами задержался в Северной Месопотамии. Красс со своим войском двинулся на восток по открытой местности, усеянной оазисами и поселениями (римские авторы описывают ее как пустынное бездорожье), преследуя якобы отступающего Сурена. 6 мая они достигли реки Балих (Балисс) ниже города Карры (Харрана). Отряды были голодными и уставшими после перехода, и офицеры просили о привале. Однако Красс настаивал на том, чтобы продолжить преследование, и позволил своим людям только наскоро поесть в строю, после чего повернул на юг за парфянами, чьи следы были видны на земле. Неожиданно появилась разведка Красса, сооб-

жившая о том, что парфяне их заметили. Оставшиеся союзники-цари немедленно сбежали со своими конными отрядами, оставив римлян почти без конницы. Красс приказал своим войскам построить огромный квадрат. Этот маневр еще не был завершен, когда началась атака. Парфяне появились из-за небольшого подъема. Под гром литавр копейщики в доспехах поскакали вперед, оттесняя легковооруженных римлян назад, в сторону колонны. После этого тяжелая конница отошла, пропуская вторую, еще более смертоносную, часть конницы — легких лучников. Римляне оказались в окружении, и их осыпал дождь стрел. Парфянские луки имели большую дальность боя, чем римские, их стрелы ударяли с большей силой, пробивая римские доспехи. Легионеры начали падать. Если они делали вылазку, чтобы отбить парфян, конные лучники просто отступали, продолжая при этом стрелять. Это и были парфянские стрелы. Солдаты ничего не могли достичь, их оттесняли обратно в построение. Однако пока римляне еще не слишком тревожились. Он рассчитывали на то, что у лучников вскоре опустеют колчаны и у них появится шанс нанести ответный удар, пока не увидели верблюжьих обозы Сурена, нагруженные запасами стрел. Дух войска начал падать. Конницы Красса было недостаточно, чтобы атаковать верблюдов. Кроме того, построение римлян не было полностью завершено, и противник, уступая в численности более чем в три раза, угрожал флангу римлян. Со своими тринадцатью сотнями конницы, пятьюстами лучниками и четырьмя тысячами пеших солдат сын Красса начал теснить многочисленных парфян, находившихся напротив него. Он и его люди с громкими воинственными криками исчезли в облаке пыли. Красс получил передышку, чтобы завершить свое построение, но немалой ценой. Публий вскоре обнаружил, что его заманили в ловушку. Как только его отряд оторвался от основных сил, парфяне окружили его и начали скакать по периметру, осыпая скопление солдат стрелами. Солдаты отступили на какой-то холм. Крассу послали мольбу о помощи. Но едва он

начал передвижение своих отрядов, как «бежавшие» парфяне вернулись обратно, неся голову Публия на острие пики. Было взято только пятьсот пленных, и командиров среди них не было.

Вид головы Публия не способствовал подъему духа римлян, но Красс держался храбро и достойно. Он обходил ряды своих солдат, говоря, что это — его личная потеря; воины должны продолжать сражаться за Рим. Однако сражаться под дождем стрел было невозможно. Только наступление ночи принесло передышку от ранений и потерь. Однако самому Крассу темнота утешения не доставила. Он предался отчаянию, и его командирам пришлось своей властью скомандовать отступление. Ночная тишина была нарушена криками четырех тысяч раненых, которых оставляли на поле боя. Этот шум сказал расположившимся неподалеку парфянам о том, что происходит, однако они были не в состоянии провести атаку ночью. К рассвету Красс с большинством оставшихся в живых римлян уже находился под защитой стен расположенной поблизости Карр. Парфяне убили отставших и раненых римлян, а потом окружили город. У Красса не было ни провизии, ни подкреплений; ему нужно было срочно отходить на соседние холмы. Римляне вышли ночью, но их проводник предательски задержал и запутал их. Один из подчиненных Крассу командиров, Октавий, ушел вперед с пятью тысячами солдат и добрался до безопасных мест. Кассий с небольшим отрядом конницы бежал в Сирию. На следующий день Сурен окружил отряд Красса и, желая захватить их живыми, предложил встречу для обсуждения условий сдачи и безопасного возвращения. Красса его уловка не обманула, и он медлил со встречей, пока его собственные люди не стали кричать на него и толкать на встречу. Тогда он в одиночку мужественно пошел навстречу своей судьбе. Тем временем Октавий вернулся на помощь Крассу и с несколькими командирами последовал за ним. Сурен предложил Крассу коня, чтобы поехать к Евфрату для записи договора, «потому что у вас, римлян, плохая память на соглашения». Эти слова были едким напоминанием об обмане

Помпея. Красс сел в седло, но Октавий, подозревая предательство, схватил уздечку. Началась схватка, в которой погибли и Красс, и его сопровождение. Из оставшихся римлян многие были взяты в плен, а других перебили арабы. Сурен якобы устроил в Селевкии пародию на римское триумфальное шествие. Как рассказывается далее, голову и руку Красса отсекли и отправили в Армению Ороду. Ород и Артавазд Армянский праздновали политическую помолвку своих детей, устраивая пиры и чтения греческой литературы. Актер Ясон читал «Вакханок» Еврипида. Когда принесли голову Красса, он схватил ее и под радостные крики пропел бешеную речь Агавы над головой Пентея. «И говорят, что этим фарсом закончился трагический поход Красса».

Для Рима это действительно было трагедией. Из армии численностью более сорока тысяч человек в Сирию удалось бежать только десяти тысячам. Еще десять тысяч были пленены парфянами. Остальные погибли. Военные штандарты Рима — орлы оказались в руках парфян. Пленных отвели в Мерв, в противоположную часть Парфянского царства, и разместили там. Волнения и недовольство воцарились на восточных территориях Рима среди евреев, которые давно поддерживали дружеские контакты с парфянами, и там пришлось подавлять мятежи. Кампания Красса вошла в римские анналы как одна из величайших катастроф в истории Рима. Мир убедился в мощи Парфии: с этого момента в течение более ста лет Евфрат считался границей с Римом.

Однако основных противников Красса ждала не более счастливая судьба. Первым погиб Сурен: его предательски убили по приказу Орода, который опасался столь талантливое подданного. В 51 г. до н. э. парфяне с запозданием попытались воспользоваться своей победой, начав вторжение в Сирию под командованием царевича Пакора, однако это был лишь масштабный рейд конницы, который успешно остановили Кассий и Цицерон. Пакора вскоре отозвали назад, поскольку его действия вызвали подозрения у его отца Орода. К 50 г. до н. э. пар-

фяне отошли за Евфрат, но активно вмешивались в римскую политику. В их интересах было поощрять гражданскую войну, которая в то время начиналась среди римлян, как для собственной безопасности, так и для возможного приобретения новых территорий. Поэтому Ород поддерживал отношения с Помпеем, пока тот не был побежден и убит, после чего Цезарь начал планировать мощную восточную кампанию, чтобы положить конец парфянскому вмешательству. Убийство Цезаря спасло парфян от этой угрозы; после этого они играли весьма незначительную роль в гражданской войне. В 40/39 г. до н. э. царевич Пакор, которому отец вернул свое расположение, и Лабен, изменивший римлянам командир, отличились во время экспедиции в Сирию и Малую Азию, захватив обе эти земли. В Палестине парфян встретили радостно: им содействовала партия, действовавшая среди евреев. Но к 38 г. до н. э. удача им изменила: Лабен был убит, парфян изгнали из Сирии, а Пакор погиб в бою.

По словам Юстиниана, Ород был так расстроен потерей блестящего Пакора, что повредился рассудком. Примерно в 37 г. до н. э. он решил передать правление одному из своих тридцати сыновей (фото 6, f, ff). Его выбор пал на самого старшего, Фраата IV, и оказался неудачным. Чтобы укрепить свое положение, Фраат убил сначала отца, а затем всех своих братьев. Когда его зверства затем стали распространяться на знать, немало ее представителей бежали за границу. Среди них был вельможа по имени Монаэз. Он убедил Марка Аврелия в том, что сможет провести римскую армию по Парфии, а также в том, что парфяне готовы восстать против Фраата. Привлеченный перспективой легкого завоевания, Антоний приготовился к вторжению. Царь Артавазд Армянский был вынужден выступить в союзе с римлянами и предоставить им конницу. Весной 36 г. до н. э. Антоний перешел Евфрат у Зевгмы и, по совету Артавазда, повел свою армию, которая уже насчитывала около ста тысяч человек, в Мидию Атропатену. Чтобы двигаться быстрее, он разделил свои силы. Двум легионам под командованием Стациана было поручено

сопровождать обоз, в котором находились драгоценные осадные орудия; ему было приказано следовать за основными силами как можно быстрее. Антоний поспешил в столицу Мидии Атропатены Фрааспу. Ее необходимо было осаждать, но, поскольку осадные орудия еще не прибыли, пришлось создавать огромные земляные насыпи, заменившие привычные осадные башни. Воспользовавшись разделением сил противника, Фраат напал на обоз. Примерно десять тысяч солдат были убиты, остальные были захвачены в плен, припасы и осадные орудия были уничтожены, а Артавазд Армянский в очередной раз изменил римлянам.

Антоний оказался в трудном положении. Его фуражиров убивали, его солдаты проявляли трусость, римляне постоянно испытывали трудности из-за тактики парфянских конных воинов и лучников. Стала приближаться зима; поскольку все попытки переговоров не дали результата, Антонию пришлось отступить. Неприятности римлян усиливались. Антоний шел по холмистой местности в сторону Армении. Его отряды постоянно терпели налеты парфян и страдали от голода и жажды. Буханка хлеба стоила не меньше серебряной монеты, голодавшие солдаты были вынуждены пить грязную воду и на ходу жевать выкопанные среди камней корни. В результате такого питания многие умирали. Какой-то дружелюбно настроенный парфянин предупредил Антония, что, если его отряды уйдут из холмов, их постигнет судьба Красса. Отступление шло медленно, со все большими потерями солдат и боевого духа. Наконец они вышли к реке, находившейся недалеко от границы Армении. Здесь парфяне прекратили свои атаки, сняли с луков тетивы и ускакали, превознося мужество и выносливость римлян. Спустя еще шесть дней (и почти через месяц после ухода от Фрааспы) римляне оказались в Армении. Антоний обследовал свое войско: сражения и болезни унесли тридцать пять тысяч человек. Хотя ни одно сражение не закончилось поражением, треть его армии погибла, и по числу убитых потери Антония были больше, чем у Красса.

Но и теперь римляне не были вне опасности: Антонию приходилось обращаться с ненадежным Артаваздом по-дружески, чтобы получить припасы, отчаянно нужные его людям. Еще восемь тысяч человек были потеряны при переходе в Сирию из-за начала холодов. Антоний провел зиму в Египте, приходя в себя в Александрии в обществе Клеопатры.

Это было первым серьезным вторжением римлян в высокогорный Иран — оно оказалось и последним. Чтобы возвестить о своей победе, Фраат IV переческанил монеты Антония, обнаруженные в римском обозе. Позже Антоний смог на короткое время снова подчинить себе Армению и вышел на границу с Мидией. Но как только он оттуда ушел, парфяне и армяне снова вернули себе свои территории, а еще через три года он умер. Вскоре Фраата постигла новая беда. Открытый мятеж поднял узурпатор Тиридат II. Фраату пришлось укрываться у «скифов» (в древности этим неопределенным термином обозначали кочевые племена, жившие к северу от Ирана). С их помощью он изгнал Тиридата в Сирию, но тому удалось похитить сына Фраата, с которым он бежал к римлянам. Этого сына затем отправили обратно с условием, что Фраат вернет римские штандарты, захваченные в Каррах. Парфянский царь выжидал. В 26 г. до н. э. Тиридат стремительно вторгся в Месопотамию, и Фраату перед отступлением пришлось убить свой политически важный гарем. В монетных мастерских Вавилонии Тиридат выпустил собственные монеты; на некоторых была надпись «*Philo-romaeus*» — «друг Рима». Однако к лету 25 г. до н. э. его окончательно изгнали из Парфии. Наконец, в мае 20 г. до н. э. Фраат вернул римские штандарты и многих римлян, взятых в плен во время кампаний Красса и Антония. Для Августа, первого римского императора, это стало крупнейшим дипломатическим успехом, достойным того, чтобы его публично и широко отмечали (рис. 7). Этот жест значительно улучшил отношения Парфии и Рима. Август перестал притворяться, будто собирается вторгнуться в Парфию, и подарил Фраату для его гарема италийскую рабыню по имени Муза. Возможно,

Рис. 7. Сцена возвращения римских штандартов, потерянных при Каррах в 20 г. до н. э., с нагрудного доспеха на статуе Августа, найденной в Риме

он понял, как трудно вести военные действия в Парфии, а также слабость парфянской монархии.

Невозможно сказать, предвидел ли Август будущую поразительную карьеру Музы. У нее от Фраата родился сын — будущий Фраат V, обычно называемый Фраатаком. Из наложницы Муза превратилась в царицу. Около 10 г. до н. э. она убедила Фраата IV отправить четырех старших сыновей с семьями в Рим, где они могли жить, как подобало их положению в безопасности. Возможно, этот поступок был связан с тем, что в это время ненадолго появился новый узурпатор Митридат.

После этого ничто не могло помешать Музе во 2 г. до н. э. отравить Фраата и посадить на трон своего сына Фраатака (фото 6, г). К 1 г. до н. э. парфяне и армяне объединились, чтобы изгнать с трона Армении ставленника Рима, и посадить на его место своего кандидата, Тиграна и его сестру-жену. Это заставило Августа организовать для восстановления порядка военный поход, который возглавил его внук Гай. Некоторые считают, что Исидор Харакский составил свои «Парфянские станции» по информации, полученной от Гая. К счастью, Фраатак и Гай смогли решить вопрос мирным путем в пользу Рима на пиру, состоявшемся на обоих берегах Евфрата. Молодой римский командир, присутствовавший при этом, Веллей Патеркул, позже описал Фраатака как славного юношу. Во 2 г. н. э. Фраатак женился — на своей матери Музе (фото 6, gg). Это действие, несомненно, было таким же политическим актом, как более известный союз Эди-

па, однако он наполнил греков и римлян ужасом. Головы Музы и ее сына-мужа появились на парфянских монетах. Однако в 4 г. н. э. Фраатак был убит или изгнан, а о необыкновенной Музе больше никаких сведений не появляется. Их не пользовавшегося популярностью преемника-Аршакида Орода III убили через три года после восшествия на престол.

Скорость, с которой Фраатак и Ород III лишились своей жизни и трона, свидетельствовала о все большей слабости парфянской монархии. Эти проблемы усугублялись постоянными спорами относительно трона Армении. И Парфия, и Рим утверждали, что стратегически важное Армянское царство находится в сфере их влияния. Поэтому обеим сторонам было важно, является ли царь ставленником Парфии или Рима. Пытаясь в первую очередь решить проблему опустевшего парфянского трона, парфянская знать обратилась к Августу с просьбой послать им одного из четырех сыновей Фраата IV. Они получили старшего в качестве царя Вонона I. Однако западные манеры Вонона вскоре настроили вельмож против него. Его нелюбовь к пирам и охотам (обязательным атрибутам аристократической жизни Парфии), его равнодушие к лошадям вскоре привели к появлению нового кандидата на трон Артабана III — аршакидского царя Мидии Атропатены (фото 6, i, ii). После первой неудачной попытки Артабан нанес Вонону поражение и был коронован около 12 г. В течение своего долгого царствования ему удалось во многом восстановить централизованную власть (фото 6, ii). В 35 г. его трону угрожал заговор, с помощью которого его хотели сменить еще одним сыном Фраата IV, которого тоже звали Фраатом: он к тому моменту прожил в Риме почти полвека. Однако Фраату не удалось добраться дальше Сирии, где он умер, потому что не смог приспособиться к условиям жизни на Ближнем Востоке или в результате действий Артабана. Не смущенный этим обстоятельством Тиберий, преемник Августа, отправил в Парфию внука Фраата IV, Тиридата III. В самой Парфии так успешно были розданы взятки, что Артабану пришлось бежать и укрыться у племен к

постоку от Каспийского моря. Греческие города запада Парфии приветствовали Тиридата, и он был коронован в Селевкий, а затем осадил крепость, в которой находились сокровищница Артабана и его наложницы. Но оримлянившийся ставленник снова оказался непопулярным. Группа вельмож отправилась искать Артабана в Гиркании, где нашла его одетым в лохмотья и добывающим себе пропитание с помощью лука. Откликнувшись на их зов, он собрал небольшой отряд из саков и даков, изгнал Тиридата и заключил официальный договор с римлянами. Радость по поводу возвращения Артабана не была всеобщей. Примерно в 35 г. большой торговый город Селевкия восстал против парфянского правления (или, вернее, его отсутствия) и в одностороннем порядке объявил себя независимым. Эту независимость Селевкия продолжала отстаивать, несмотря на возвращение Артабана и осаду парфян. Дело не поправило и якобы временное отречение Артабана в пользу некого Киннама.

После смерти Артабана, последовавшей вскоре после этого, приблизительно в 38 г., ему унаследовал, вероятно, Готарз II. Как и его предшественник, он не принадлежал к прямым наследникам Аршакидов, а относился к боковой ветви семьи — к аристократическому дому Гью из Гиркании. Некоторые его дела в героической форме отражены в «Шахнаме», что свидетельствует о беспокойном характере его царствования: в мирное время эпические произведения рождаются редко. Готарза быстро отправил в изгнание его брат Вардан, который продолжил осаду Селевкий, обосновавшись, видимо, в Ктесифоне, который из гарнизонного городка превратился в зимнюю столицу. В конце концов примерно в 40 г. братья поделили империю между собой. Вардан взял большую часть, а у Готарза остались Гиркания и другие северные провинции. В разгар этой сложной ситуации, весной 42 г., философ Аполлоний Тианский проехал через Месопотамию и Вавилонию, направляясь в Западную Индию. Интересно, что он не посетил Селевкию, которая по-прежнему находилась в осаде. Но в июне 42 г. город добровольно сдался Вардану после семилетней независимости. Вско-

ре после этого монаршие братья поссорились, и в последовавшей за этим войне Готарз одержал победу. Вардан был убит во время охоты, вероятно в 47/48 г. Тем не менее уже через год Готарзу пришлось бороться с новым соперником. Партия аристократов вызвала из Рима очередного внука Фраата IV Мехердата, так что война стала неизбежной. Готарз тянул время, принес жертву на горе Санбулос и победил. Он пощадил своего соперника, но приказал обрезать ему уши: с искалеченным лицом Мехердат уже не мог претендовать на престол. В честь победы по приказу Готарза около 50 г. в Бехистане был создан скальный рельеф. Царь изображен на нем верхом, убивая копьем врага, а сделанная по-гречески надпись называет его Готарзом, сыном Гью. На следующий год он уже был мертв.

Вонон II, преемник Готарза II, правил всего несколько месяцев, а ему унаследовал Вологез I, сын греческой наложницы (фото 6, j). Он благоразумно предоставил своему брату Пакору трон Мидии, а брату Тиридату трон Армении, на который тот был посажен примерно в 54 г. Это не могло не спровоцировать вмешательство римлян, поскольку Рим также заявлял права на Армению. Советники молодого Нерона стали готовиться к войне; задачу возвращения Армении возложили на опытного военачальника Корбуло. Он обнаружил, что восточные легионы Рима из-за долгого безделья находятся в прискорбном состоянии, поэтому начал превращать их в настоящую армию. Во время его обучения солдаты страдали не меньше, чем в течение последовавшей затем кампании. После двух летних учений началась зима в Армении, которую войска проводили в палатках. На пронизывающем тело морозе воины и часовые умирали на постах из-за переохлаждения. Дезертиров казнили. Весной 58 г. кампания началась. Тиридату не удалось помешать Корбуло захватить его столицу Арташат и разрушить ее. Вологез, поглощенный внутренними мятежами (отделением Гиркании и действиями узурпатора (Вардана II?)), был не в состоянии помочь брату. На следующий год Корбуло двинулся ко второму крупному городу Армении Тигранакерту.

Жители закрыли перед ним ворота. Чтобы заставить их быстрее сдаться, Корбуло казнил у себя в лагере пленного армянского аристократа и выстрелил его головой в город. Голова приземлилась прямо посреди военного совета, после чего город поспешно сдался. В 60 г. Тиридат начал контрнаступление, но был легко вытеснен из страны. Армения оказалась в руках у римлян, и на трон посадили римского ставленника, а Корбуло отошел в Сирию. Во время нового наступления парфян командование войсками римлян в Армении было передано Пету, а Корбуло защищал Сирию. Пет вошел в Армению в 62 г. При приближении зимы он решил, что время кампании истекло, и отправил многих солдат в отпуск. Неожиданная мощная контратака Вологеза вынудила римляна покинуть Армению, отступлением командовал сам Пет. Отряды проходили по сорок миль в день, бросая раненых. Наконец, в 63 г. был достигнут компромисс. Тиридат получал корону Армении, но из рук Нерона в Риме. Так были удовлетворены и гордость римлян, и претензии парфян. Три года спустя Тиридат отправился в Рим. Как волхв (жрец), он обязан был соблюдать закон своей веры, который запрещал ему осквернять воду, так что он путешествовал по суше. В Риме, на пышной церемонии, Нерон возложил на голову Тиридата корону Армении, а при его возвращении отправил с ним команды рабочих для восстановления Арташата.

Во время Вологеза I, который царствовал, видимо, до 80 г., в парфянской культуре стали заметны восточные черты. Впервые на царских монетах появились арамейские надписи (фото 6, j). На официально отчеканенных монетах появляется огненный жертвенник. Открытое признание поклонения огню подтверждает предание зороастризма, которое приписывает собирание сохранившихся манускриптов священной книги Авесты царю Валахшу (Вологезу), который может быть Вологезом I. Вологез также основал в Вавилонии новый город Вологезию, расположенный вблизи Селевкии, с явным намерением подорвать значительное влияние этого, прежде бывшего греческим, города. Другие города, например

Сузы и Мерв, с этого времени именуются своими местными названиями, а не селевкидскими греческими.

В течение десятилетий, последовавших за кампанией Корбуло, отношения между Парфией и Римом оставались более или менее мирными, поэтому римские авторы почти не упоминают о Парфии. В этот период правления Веспасиана укреплялись границы империи, Евфрат был утвержден в качестве западной границы Парфии, а буферные государства, в том числе Пальмира, были надежно включены в сферу Римской империи. Около 72 г. кочевые орды алан ворвались в Парфию с северо-востока. Правитель ставшей независимой Гиркании благоразумно заключил с ними союз; возможно, при его поощрении они хлынули мимо его царства в Северный Иран. В Мидии они захватили гарем правителя Пакора, в Армении разбили войска царя Тиридата и чуть было не захватили его в плен, умело используя аркан. Просьбы к Риму о помощи ничего не дали, и парфяне должны были почитать за счастье то, что аланы, нагруженные добычей, затем добровольно повернули на восток.

Примерно в 80 г. Вологез I исчезает из истории. В 77/78 г. в Селевкии чеканили свои монеты Вологез (II?) и царь по имени Пакор (II); там снова началась смута. Еще один претендент на парфянский престол, Артабан IV, чеканил монеты в Селевкии в 80/81 г., но вскоре был побежден; видимо, единоличным правителем стал Пакор, хотя ненадолго. Некоторые монеты, выпущенные в 89/90 г., сейчас приписывают Вологезу II, так что нумерацию царей, наверное, следует пересмотреть. Мимолетное появление лже-Нерона, выдававшего себя за недавно умершего римского императора, на Евфрате в 79 г. и еще одного лже-Нерона в 89 г. может свидетельствовать о попытках парфян обратить политические методы римлян против них самих. Император Домициан обдумывал возможность вторжения в Парфию, о чем свидетельствуют поэты того времени. Но хотя убийство Домициана избавило Парфию от этой угрозы, одному из командующих Домициана предстояло осуществить сходный план.

К этому моменту внутреннее положение Парфии стало чрезвычайно сложным. Монеты дают общее представление о том, как должна была идти борьба. Пакор II чеканил деньги до 87 г., затем снова в 92—96 гг., наконец, со 115-го по 133 г. Царь Осро (названный на монете Хосроем), брат Пакора II, время от времени чеканил монеты между 89/90-м и 127/128 гг. Деньги его соперника Вологеза (вероятно, III) появляются между 105 г. и концом 140-х гг. В письменных источниках о том периоде можно найти только краткие упоминания. Гань Йин прибыл в Мисену из Китая в 97 г., а в 101 г. некий царь Парфии, названный Маньцзю, посылает в Китай дар — львов и страусов.

В 113 г. н. э. проблемы Парфии усугубляет римский император, наметивший поход на восток. Несколько его предшественников были готовы игнорировать уроки Карр и Фрааспы, но не шли дальше слов. Траян, настоящий воин, был прежде всего человеком действия. Конкретные мотивы, заставившие Траяна напасть на Парфию, широко обсуждались, но самым разумным и понятным остается аргумент Диона Кассия: императором руководила «страсть к славе». Непосредственным предлогом для вмешательства стали события в Армении. Парфянский монарх Осро сверг царя Армении без согласия Рима. Таким образом, Осро нарушил давнее соглашение относительно армянских правителей. В 113 г., получив известие о приближении Траяна, Осро отправил послов к императору в Афины с просьбой о мире и согласии на воцарение Партамасира, сына Пакора. Ответа ему не дали. На следующий год Траян вошел со своими войсками в Армению, где не встретил сопротивления. Местные цари спешили с ним встретиться. В Элегии он в присутствии всей армии принял Партамасира. Царевич снял свою корону и положил ее к ногам Траяна, рассчитывая, что император снова возложит ее ему на голову, как Нерон сделал это по отношению к Тиридату. Вместо этого Траян во всеуслышание объявил о своем намерении сделать Армению римской провинцией. Эта сцена изображена на римских моне-

тах (рис. 8, А). Партамасира вывели из лагеря, а вскоре он таинственным образом умер; многие говорили, что он был убит по приказу Траяна. В Армении был назначен римский губернатор. Затем Траян повернул на юг, возможно, чтобы проверить верность царей Северной Месопотамии. Абгар VII, правивший в Эдессе, хорошо знал о сомнениях римлян в его преданности, поэтому отправил к Траяну в качестве посла своего красивого сына, рассчитывая завоевать расположение императора. Другие правители бежали, и Траян занял Месопотамию, которую также превратил в провинцию Рима. Укрепление завоеванных позиций шло в течение 115 г. Удовлетворенный ходом событий, Траян на зиму 115/16 г. вернулся в Антиохию. Пока он там находился, в городе произошло сильнейшее землетрясение, разрушившее треть построек. Сам Траян едва спасся и был вынужден разбить лагерь на ипподроме.

На следующий год Траян обнаружил новые амбиции. Неясно, как долго он лелеял свои планы. Возможно, одно действие просто влекло за собой другое. Весной 166 г. н. э. он пересек Евфрат на специально сооруженных для этого лодках, покорил Адиабену и оставил там своих людей, чтобы те превратили ее в римскую провинцию Ассирию, а сам двинулся за дальнейшей славой. Теперь его целью был Ктесифон, столица Парфии. После сравнительно недолгого сопротивления город пал, а среди добычи Траяна оказались дочь и золотой трон Осро. Завершая кампанию 166 г., Траян прошел до Мисены и получил признание своего главенства от Аттамбела V, после чего сюзеренитет Траяна распространился на торговые пути Месопотамии, Вавилонии и на процветающий город Харакс, расположенный поблизости от портов Персидского залива. Оказавшись там, Траян стоял на берегу залива и смотрел, как какой-то корабль отплывает в Индию. Он сожалел о том, что возраст не позволяет ему дальше подражать Александру.

До этого момента Осро не мог защищать свои владения из-за внутренних конфликтов. Однако к середине 166 г. он смог организовать сопротивление. Парфян-

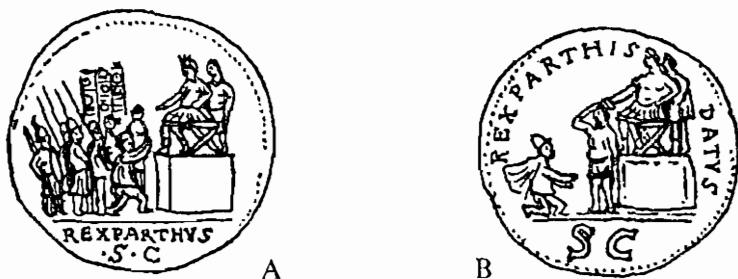

Рис. 8. Бронзовые сестерции, выпущенные Траяном в честь своих военных успехов на востоке. Примерно натуральный размер
 А — реверс: Траян, сидящий на возвышении, протягивает руку стоящему перед ним на коленях царю Партамасирису, а римские солдаты наблюдают за происходящим. 114—115 гг. REX PARTHVS S(ENATVS) C(ONSULTO). В — реверс: Траян, сидящий на возвышении, возлагает диадему на голову царя Партамаспата. На земле на коленях стоит фигура, символизирующая Парфию. 116—177 гг. н. э. REX PARTHVS DATVS. S(ENATVS) C(ONSVLTO)

ские силы атаковали захваченные Траяном территории в ключевых пунктах, и некоторые из вассальных царей, в том числе Абгар VII, начали восстание. Сам Траян узнал о мятеже в Вавилоне, куда отправился для того, чтобы поклониться комнате, в которой умер Александр. Благодаря энергичным действиям вскоре были отвоеваны Месопотамия и большая часть Армении. Но Ассирия была потеряна, Вавилония также представляла собой проблему. Траяну необходимо было действовать быстро и решительно. Он сохранил Месопотамию и Армению как провинции, но Вавилонию с Ктесифоном передал парфянскому царевичу армянского происхождения, которого звали Партамаспатом (рис. 8, В). Он должен был править как ставленник Рима. Возвращаясь в Сирию, Траян свернул в сторону, чтобы осадить мятежный пустынный город Атру. Жара, жажда и бесчисленные мухи заставили римлян уйти, хотя им удалось проникнуть за стены города. Траян ушел в Антиохию, оставив Атру в руках мятежников. Весной 117 г. Траян приготовился снова войти в Месопотамию, однако его здоровье пошатнулось, и к началу августа он умер. Про-

явив мудрую прозорливость, его преемник Адриан вернул только что завоеванные территории их правителям и царям, преданным Риму. Армения осталась за парфянским монархом. Партамаспат, изгнанный из Ктесифона, получил в качестве компенсации Осроену, а Осро вернули его дочь. Еще полвека римляне не вмешивались в политику на востоке, и парфяне могли в мире заниматься своими династическими неурядицами.

Глава 4

ЦАРЬ И ПРАВИТЕЛЬСТВО

По словам Тарна, парфяне пришли в готовое царство. Имея в прошлом кочевой уклад, они не внесли значительных изменений в сложное правительство Селевкидов. Отсутствие официальных парфянских документов серьезно затрудняет изучение их государственных институтов, поскольку большинство греческих и римских авторов не обращали на них особого внимания. Даже название, которое сами парфяне дали своему государству, нам неизвестно. Ахемениды называли себя арийцами. Преемники парфян в Иране Сасаниды называли свое государство Эраншахр, что значит «царство арийцев». Возможно, парфяне поступали так же. Греческие источники путают арийцев с ариями, населением восточной иранской провинции Арейя.

Парфяне правили своим царством почти половину тысячелетия, в течение этого периода там происходили огромные перемены. Поначалу сохранялось территориальное деление Селевкидов, основанное на крупных ахеменидских провинциях — сатрапиях (рис. 1). Селевкиды делили их на епархии, гипархии и укрепленные поселения — статмосы. Однако крупные сатрапии имели сильную тенденцию распадаться на более мелкие епархии, которые к I в. н. э. стали основными административными единицами. Аппий, писавший во II в. н. э., говорит об семидесяти двух «сатрапиях», под которыми подразумевает именно епархии. Однако в империю входили не только сатрапии, но и царства. Плиний упоминает о существовавших в его дни восемнадцати (конец I в.), в том числе одиннадцати «верхних» и семи «нижних», царств. В число этих зависимых государств вхо-

дили влиятельные царства Мидия (с городами Экбатаной и Рагой) и Мидия Атропатена (со столицей Фрааспой и Газакой). Армения долгое время находилась в сфере влияния Парфии и в 50-х гг. попала в рука Аршакидов, после чего Аршакиды правили ею в течение многих веков. Главная столица Армении располагалась в Арташате. Область вдоль западной границы Парфии после распада империи Селевкидов была усыпана мелкими царствами, многие из которых были равны селевкидским епархиям. Царство Адиабена до начала I в. управлялось царями, называвшимися Изатами, там находился город Арбела, где якобы хоронили парфянских царей позднего периода. Осроеной правила из Эдессы династия арабских царей Абгаров, арабы же правили царством Атра в Северной Месопотамии. Среди тех, кто восстал против последнего правителя парфян, был царь Киркука Домициан. Вдоль верхней части Персидского залива тянулось царство Мисена, или Харакена, где цари с именами различного происхождения правили важнейшими морскими портами, лежавшими ниже Харакса. На востоке располагались царства Элимаида и Персида. Правители последней, вероятно, считали себя преемниками Ахеменидов (фото 6, n). Условия в остальной части империи практически неизвестны, поскольку эта ее часть была далека от западных писателей. Возможно, Гиркания на какое-то время становилась независимым царством, поскольку в I в. в Рим попадают гирканские послы, однако монет там не чеканили. Не существует и монет, которые прояснили бы ситуацию в Восточном Иране. Многочисленные мелкие царства, которыми правили местные вожди, должны были существовать в более отдаленных и труднодоступных частях государства, а кочевые племена перемещались по его территории так же, как они делают это в наши дни.

Города империи управлялись парфянскими правителями. Греческие города и военные колонии, прежде бывшие «свободными», обычно сохраняли местную автономию и свои особенные уложения и законы. Судьи по-прежнему избирались горожанами, и городские со-

Рис. 9. Рисунок, изображающий парфянского царя. Дура-Европос. II или начало III в. н. э.

веты продолжали работать, как видно по Сузам и Селевкий. Совет и ассамблея Суз принимали указы. Судей выдвигал совет, но за них нельзя было голосовать, пока их квалификация не была подвергнута проверке. После этого граждане могли избрать судей из кандидатов совета. Власть и роль этих городов оставалась значительной до начала I в., после чего они начали снижаться.

Взаимоотношения между различными частями государства и центральным правительством далеко не ясны; они, вероятно, часто изменялись, поскольку местные правители и цари обладали разными объемами власти. Однако в течение двух последних веков парфянского правления можно наблюдать общую тенденцию к большей децентрализации.

Парфянский царь занимал положение, которое поначалу очень напоминало положение многих монархов эллинистической Греции (рис. 9, фото 6). Будучи владельцем и абсолютным правителем своей империи, он находился в окружении телохранителей и почетных друзей по эллинистическому образцу. На его монетах присутствуют знакомые селевкидские титулы: Спаситель, Благодетель, Победитель и другие. Семья и родство имели для короны жизненно важное значение. Знать блюла верность и повиновалась только семейству Аршакидов. Любой мужчина из рода Аршакидов, из любой ветви семейства мог рассматриваться в качестве кандидатов в

монархи при условии, что он не имел физических недостатков. Оспаривать можно было (и часто действительно оспаривалось) только то, какой конкретно Аршакид должен занять трон. Правители укрепляли свои позиции с помощью различных манипуляций родственными связями. Во-первых, они повышали престиж своей ветви, объявляя своим предком сначала селевкидского сатрапа Парфии, а позже — ахеменидского монарха Артаксеркса II Мнемона. Во-вторых, мы слышим о назначении членов рода Аршакидов царями, троны которых находились в подчинении империи: например, в Мидию или Армению. Далее: важность, придававшаяся царскому гарему, не была простым подражанием восточному укладу или демонстрацией развращенности монарха. Почти все наложницы были принцессами, дочерьми вассальных царей и вельмож, или, подобно Музе, дружескими подарками другого монарха. Таким образом, гарем представлял собой династический союз или удостоверение дружбы, показывающие важность установленных политических связей. В гареме могли находиться сестры царя, как мы узнаем из пергаментов, найденных в Авромане (Курдистан), и, по крайней мере в одном случае, его мать (фото 5). Хотя в древних источниках мало говорится о деятельности или влиянии цариц, они могли играть немалую закулисную роль, сравнимую с положением любой египетской царицы или римской императрицы. При датировании документов имена цариц иногда соединялись с именем монарха. При необходимости царица могла играть роль регента; удивительная карьера бывшей рабыни Музы показывает, чего могла добиться по-настоящему решительная женщина.

Способы определения преемника после смерти монарха остаются туманными; по-видимому, оставалось место для разногласий. Это являлось одной из слабых сторон государства Аршакидов, о чем свидетельствуют частые династические споры. Юстиниан рассказывает, что обычно царю наследовал его старший сын, но порой преемником мог стать брат: так Митридат I сменил Фраата I. Другие случаи наследования престола братом

имели место позднее; возможно, это был один из обычаев кочевников, сохранившихся в парфянском обществе. Страбон добавляет, что царей в Парфянском царстве назначали два совета: один — родичей (монарха, то есть высшей знати), а второй — мудрецов и вождов, но он не говорит, как именно это осуществлялось.

Парфянская аристократия, как и ахеменидская, судя по всему, состояла из семи самых знатных семейств и некоторого числа средних и мелких кланов. С цифрой семь можно спорить, однако удалось установить главные уделы и политические интересы нескольких влиятельных фамилий. Бехистанский скальный рельеф Митридата II, возможно, показывает, как он дает поместья главам четырех таких семей (рис. 4). Семейство Сурен жило в Сейстане и имело наследственную привилегию возлагать на царя венец во время коронации. Когда царей, имевших прямое аршакидское происхождение, сменила ветвь Артабана III, который был Аршакидом по матери, клан Сурен продолжал поддерживать претендентов «более чистого» аршакидского происхождения. Наиболее знаменитым подвигом этого семейства был, конечно, разгром Красса в 53 г. до н. э. Семейство Карен, чьи поместья находились, видимо, в Нихаванде (Мидия), также временами противостояло правящему монарху. Семейство Гью базировалось в Гиркании, а Михран — в Раге. Эти «феодальные» властители правили своими собственными территориями и имели дворы по образцу царского. Страбон говорит, что у царей Мидии было принято иметь много жен — то есть обычный царский гарем. Сурен взял свой гарем в поход против Красса, что было публичной демонстрацией его политической значимости. Плутарх описывает десять тысяч всадников Сурена при Каррах как нахлебников и рабов, то есть армия Сурена была сформирована из его сейстанских подданных. Надо полагать, что и остальные аристократы имели похожие армии. Такой аристократией мог править только сильный Аршак.

Изучение парфянской администрации и правительственных учреждений чрезвычайно затруднено из-за

крайне малого числа и неясности сохранившихся документов. Сведения можно получить из разрозненных надписей и документов, большинство из которых были найдены в Дура-Европос, Нисе и Сузах. Греческие и римские авторы упоминают о парфянских чиновниках, однако этот термин используется довольно свободно, его трудно применить к парфянским учреждениям. Титулы и церемониал были очень сложными. Различия в титулах в рамках империи свидетельствуют об отсутствии сильной, централизованной и унифицированной администрации, какую создали римляне. В результате этого сейчас невозможно дать ясное описание учреждений Парфии. Предположительно, главным государственным органом был совет родичей, который Юстиниан называет сенатом. В нем должны были бы состоять вассальные цари и главы важнейших семейств. Несомненно, его роль усиливалась по мере снижения значения монархии в позднепарфянском периоде. Однако в политической истории Парфии не фигурирует ни этот совет, ни совет мудрецов и волхвов.

В числе главных правителей государства находился маршбан, или генерал-губернатор, который в нисских документах ставится выше сатрапа. Среди самых высоких титулов были телохранители, друзья и скипетроносцы — сановники, существовавшие в империях Ахеменидов и Селевкидов. Важный пергамент с контрактом, составленным по-гречески, из Дура-Европос, датированный 121 г. н. э., упоминает другие высокие посты. Манес, сын Фраата, был «одним из батез и свободных, сборщиком налогов и стратегом Месопотамии, Паропотамии и Арабарха». Само число постов Манеса поражает, но, видимо, было вполне обыкновенным в Парфянском царстве. Термин «батез» — несомненно, ранг, он появляется во многих формах на северо-Западе Ирана, в Армении и Хатре; видимо, означает «лорд» или нечто похожее. Ранг свободного — перевод иранского термина «ацатан» — тоже был высоким. «Стратег», термин, оставшийся от Селевкидов, означал правителя, а «арабарх», правитель арабов или полицейский офицер пустыни, особых проблем не представляет. Манесу подчи-

нялся евнух Фраат, аркапат (еще один высокий ранг или должность). Пост сатрапа — наместника провинции в эпоху Ахеменидов — в парфянский период потерял свою прежнюю значимость. Титул «сатрап» фигурирует на скальном рельефе Митридата II в Бехистане, где эта должность все еще представляется значимой (рис. 4). Позднее в парфянских документах он уже означает только правителя города — например, Хвасак, сатрап Суз в 215 г. (фото 73). Замаспа называют как сатрапом, так и статиархом (этот синоним стратега использовался для сохранения ритмической структуры) Суз в греческой стихотворной надписи 1/2 г. Западные авторы продолжали использовать этот титул произвольно, обозначая различные посты. Сатрапу подчинялись различные младшие чиновники: например, дицпти в Нисе — глава укрепленного поселения. Эти чиновники для заверения документов использовали царские, а не личные печати.

Евнухи играли в администрации довольно большую роль. Аполлоний Тианский встречал их во время своего путешествия через Парфию. Тацит знал, что они могли занимать посты как в гражданской, так и в военной сферах. Более того, не всем известно, что жители Римской Сирии также порой становились должностными лицами на Западной Парфии. Между 130-м и 140 гг. Иархай Пальмирский был сатрапом Тильваны, области в малом царстве Мехердата, царя Мисены. Аабей Пальмирский был судьей, или архоном, в той же местности, а Соад, сын Волиада, занимал пост в Вологезии. Парфянская военная иерархия включала в себя важные посты, хотя постоянная армия была небольшой. Мы встречаем упоминания о командирах гарнизонов — например, в Дура-Европос. То, что Филострат называет главу гарнизона в Вавилоне сатрапом, только запутывает парфянскую терминологию.

Мовсес Хоренаци дает краткий набросок Армянского государства, организованного аршакидским правителем Тиридатом по образцу Парфии вскоре после 60 г. Посты, приближенные к царской особе, а также важные

должности главного царского охотничьего, казначея, главного жреца, сокольничего, хранителя летних резиденций и другие распределялись между членами самых знатных семейств. Вассалам Тиридата давались ленные владения, назначались четыре смотрителя границ, по одному на каждую сторону света. Армия делилась на постоянные приграничные гарнизоны и «феодалыные дружины», собиравшиеся только в периоды войны. Местные судьи назначались для городов и сельских местностей; существовали определенные даты для царских аудиенций, совещаний и развлечений. Наверное, в рассказе Мовсеса есть крупная правда: царевич Хатры между 130-м и 140 гг. действительно носил почетный титул «царского охотничьего». В целом по всей Парфии наблюдается удивительный сплав «феодалыного» иранского и селевкидского управления.

Огромная трехязычная надпись сасанидского монарха Шапура I (около 240—272 гг.) на так называемой каабе Зороастра в Нагши-Рустаме перечисляет наиболее важных членов царского двора Арташира, первого сасанидского правителя, в порядке их значимости. Первыми идут четыре царя Восточного Ирана (Парсы, Мерва, Сейстана и Кермана), затем три царицы, битахш Арташир и высокопоставленный сановник по имени Папак — видимо, все они члены правящей фамилии. Следующими названы главы аристократических семейств Ирана, главный писец и оружейник, другие сановники и знатные лица. Этот порядок, несомненно, был унаследован со времен последних парфянских правителей. Бросается в глаза отсутствие централизованной царской бюрократии: «феодализм» стал доминирующим.

В парфянской армии, похоже, также отсутствовало сильное централизованное командование. В Центральной Азии парны привыкли к условиям, когда большую часть боевого отряда составляли многочисленные конные лучники, а в ближний бой вступали только знатные всадники в доспехах. Они поначалу могли использовать селевкидскую тактику, которая требовала использования наемных отрядов легкой и тяжелой пе-

хоты и конницы. Успехи Митридата I во многом были определены такими отрядами. Но в войне с саками около 130 г. до н. э. царь Фраат II имел серьезные проблемы с наемниками; вскоре после этого (возможно, во время Митридата II) в парфянской тактике произошел переворот. Построения и вооружение селевкидов были почти полностью отброшены. Наемники были ненадежными: селевкидская конница не могла пробить цепь тяжело вооруженных копейщиков, а у конных лучников часто кончались стрелы. Теперь парфянская армия стала развиваться в соответствии с иранскими традициями. Пехоту сохранили для сражений в гористой местности и для гарнизонов. Но главной силой стала конница, делившаяся на два основных вида: конных лучников и тяжелую конницу, клибанариев и катафрактов, вооруженных огромными пиками и луками (рис. 6). Тяжелые конники были закованы в доспехи с ног до головы, и на их конях тоже были железные кольчуги. К ним добавлялись серебряные и золотые украшения. Вес доспехов облегчали, потому что всадники не пользовались стременами и удерживались в седле коленями. Чтобы обеспечить большие потребности в лошадях, парфяне разводили особую породу огромных боевых коней. Основой для породы послужили нисские скакуны, свободно бродившие по равнинам Мидии. Эти кони вызывали зависть у китайцев и были великолепным даром для Сасанидов. Со временем эта тяжелая конница появилась по всей Азии. Однако в руках талантливого полководца конные лучники также могли стать смертоносным оружием. Тяжелая конница могла успешно атаковать сильно вооруженную пехоту, однако потери среди знатных всадников и коней были значительными. Подвижные конные лучники с мощными дальнобойными луками могли без труда наносить не менее серьезный урон противнику. Ложное отступление и выстрел назад через круп — «парфянская стрела» (традиционный азиатский прием) — работали в случае наступления противника. Когда Сурен прибавил к ним преимущество огромного запаса стрел, доставленных на

верблюдах, чего не делал ни один полководец до него, парфяне получили армию, которая на равнинной местности могла окружить и полностью разгромить армию тяжело вооруженных легионеров, численность которых превышала их более чем в три раза. И при этом парфяне почти не понесли потерь! Тогда почему же поразительный успех при Каррах больше ни разу не был повторен при следующих вторжениях римлян? Ответ заключается в «феодальных» аспектах развитого Парфянского царства. Постоянная армия, имевшаяся в распоряжении монарха, никогда не была многочисленной или влиятельной — по крайней мере, начиная приблизительно с 100 г. до н. э. и далее. Главные силы империи состояли из слуг — «нахлебников и рабов» — крупных землевладельцев, которые шли в бой за своим господином. Верхом они превращались в конницу, пешие — в пехоту. Такое положение сохранялось в Иране в течение многих веков. При объявлении войны царь мобилизовал своих правителей и вассальных царей, которые приходили со своими отрядами. Если кампания длилась больше одного сезона, такую армию трудно было сохранять в целости, и осады редко оказывались успешными: Селевкия в течение семи лет сопротивлялась Артабану III и Вардану, а потом сдалась добровольно. Отряды сохраняли верность не царю, а своему непосредственному господину. Сигнал к началу сражения давали литавры, после чего бой обычно велся в соответствии с традицией. Специальное обучение если и существовало, то целиком находилось в руках землевладельцев. Сурен создал из своих десяти тысяч слуг внушительную личную армию и нанес поражение Крассу почти без помощи чужой конницы. Однако таланты и дальновидность Сурена были исключительными и поэтому пугали: через год после Карра по приказу Орода его казнили. После этого тактикой Сурена почти не пользовались, а значительную часть парфянских сил снова стали составлять наемники.

Кочевое происхождение парфян, столь заметное в их военной тактике, повлияло и на другие аспекты их об-

пественной жизни. Столицы и резиденции, по которым постоянно разъезжал царский двор, имелись во множестве. Первой столицей Парфии, возможно, была Ниса: Исидор из Харакса отмечает наличие там царских гробниц. Город Дара около Абиварда, согласно Юстиниану, был основан Аршаком II как столица, однако место его расположения оказалось неподходящим, и в качестве следующей столицы был избран Гекатомпил. Эта перемена произошла перед кампанией Антиоха III в конце III в. до н. э., и царской столицей Парфии многие классические авторы считают до сих пор ненайденный Гекатомпил. Также значительную роль в ранней истории Парфии играл город Асаак: в нем, по словам Исидора, Аршаков провозглашали царями, там горел вечный огонь. Затем при Митридате гарнизон был размещен в Вавилонии в деревне Ктесифон, чтобы наблюдать за греческим городом Селевкийей на противоположном берегу Тигра. По словам Аммиана Марцеллина, Пакор, сын Орода II, превратил Ктесифон в «главное украшение Персии», сделав его главной зимней столицей Парфии. Наконец, неподалеку от Селевкии была основана Вологезия, которая должна была отнять у греческого города всю торговлю, однако в качестве столицы она просуществовала не дольше своего основателя Вологе-за I. После этого царский двор мог проводить время в Ктесифоне, Экбатане, Раге и Гекатомпиле, как ахеменидские цари жили попеременно в Сузах, Персеполе и Экбатане.

При царе должны были состоять секретари, сановники и чиновники, однако центральной администрации не удавалось распространить однородное управление на всю империю. Где хранились царские архивы, неизвестно, хотя можно утверждать, что существовали местные центры документации. Китайские гости отметили, что документы пишутся по горизонтали (а не по вертикали) и на пергаменте. Язык тоже представлял собой проблему. В ахеменидской Персии было три официальных языка: староперсидский, эламский и аккадский, арамейский служил в качестве общего. Персидский — это

индоевропейский язык, относящийся к семейству индоиранских, или языков «сатам». Парны говорили на языке, который представлял собой северный диалект среднеперсидского с архаичными чертами. Его иногда называют аршакидским пехлеви, а Юстиниан описал его как «смесь скифского и мидийского». Аршакиды в качестве своего первого официального языка приняли греческий — язык селевкидской бюрократии. Более того, известно, что многие из них могли на нем говорить. Это был язык их монет, надписей Митридата II и Готарза II, переписки с такими городами, как Сузы. Угловатые формы букв входят в употребление задолго до того, как их приняли римские гравировщики. Греческий язык также широко использовался для полуофициальных и частных документов самого разного характера. По всему Западу Парфии был широко распространен семитский язык — арамейский. Курсивное арамейское письмо имело широкое распространение; в некоторых центрах, например Пальмире, начертания букв были ясными и изящными (рис. 10). Двухязычные надписи на арамейском и греческом находят очень часто; когда римляне захватили города на границе с Парфией, где говорили по-арамейски, иногда делались и трехязычные надписи (рис. 11). Сам парфянский язык встречается реже, чем греческий и арамейский. Используется арамейский шрифт (эту практику ввел в староперсидскую письменность Дарий), но теперь по большей части язык записывается иероглифически с включением арамейских слов. Такие гетерографические системы не были чем-то необычным для древнего Ближнего Востока (рис. 10).

Однако арамейское письмо имеет те же недостатки, что и большинство азиатских алфавитов, древних и современных: в нем представлены в основном согласные и всего два долгих гласных. Поэтому вокализация представляет проблему, особенно в отношении несемитских языков. Арамейские слова в парфяnskих документах читались по правилам парфяnskих слов. Так, в авромановском пергаменте большинство слов арамейские, но ос-

A	B	C	D
𐤀	𐤁	𐤂	𐤃
𐤄	𐤅	𐤆	𐤇
𐤈	𐤉	𐤊	𐤋
𐤌	𐤍	𐤎	𐤏
𐤐	𐤑	𐤒	𐤓
𐤔	𐤕	𐤖	𐤗
𐤘	𐤙	𐤚	𐤛
𐤜	𐤝	𐤞	𐤟
𐤠	𐤡	𐤢	𐤣
𐤤	𐤥	𐤦	𐤧
𐤨	𐤩	𐤪	𐤫
𐤬	𐤭	𐤮	𐤯
𐤰	𐤱	𐤲	𐤳
𐤴	𐤵	𐤶	𐤷
𐤸	𐤹	𐤺	𐤻
𐤼	𐤽	𐤾	𐤿
𐥀	𐥁	𐥂	𐥃
𐥄	𐥅	𐥆	𐥇
𐥈	𐥉	𐥊	𐥋
𐥌	𐥍	𐥎	𐥏
𐥐	𐥑	𐥒	𐥓
𐥔	𐥕	𐥖	𐥗
𐥘	𐥙	𐥚	𐥛
𐥜	𐥝	𐥞	𐥟
𐥠	𐥡	𐥢	𐥣
𐥤	𐥥	𐥦	𐥧
𐥨	𐥩	𐥪	𐥫
𐥬	𐥭	𐥮	𐥯
𐥰	𐥱	𐥲	𐥳
𐥴	𐥵	𐥶	𐥷
𐥸	𐥹	𐥺	𐥻
𐥼	𐥽	𐥾	𐥿
𐦀	𐦁	𐦂	𐦃
𐦄	𐦅	𐦆	𐦇
𐦈	𐦉	𐦊	𐦋
𐦌	𐦍	𐦎	𐦏
𐦐	𐦑	𐦒	𐦓
𐦔	𐦕	𐦖	𐦗
𐦘	𐦙	𐦚	𐦛
𐦜	𐦝	𐦞	𐦟
𐦠	𐦡	𐦢	𐦣
𐦤	𐦥	𐦦	𐦧
𐦨	𐦩	𐦪	𐦫
𐦬	𐦭	𐦮	𐦯
𐦰	𐦱	𐦲	𐦳
𐦴	𐦵	𐦶	𐦷
𐦸	𐦹	𐦺	𐦻
𐦼	𐦽	𐦾	𐦿
𐧀	𐧁	𐧂	𐧃
𐧄	𐧅	𐧆	𐧇
𐧈	𐧉	𐧊	𐧋
𐧌	𐧍	𐧎	𐧏
𐧐	𐧑	𐧒	𐧓
𐧔	𐧕	𐧖	𐧗
𐧘	𐧙	𐧚	𐧛
𐧜	𐧝	𐧞	𐧟
𐧠	𐧡	𐧢	𐧣
𐧤	𐧥	𐧦	𐧧
𐧨	𐧩	𐧪	𐧫
𐧬	𐧭	𐧮	𐧯
𐧰	𐧱	𐧲	𐧳
𐧴	𐧵	𐧶	𐧷
𐧸	𐧹	𐧺	𐧻
𐧼	𐧽	𐧾	𐧿
𐨀	𐨁	𐨂	𐨃
𐨄	𐨅	𐨆	𐨇
𐨈	𐨉	𐨊	𐨋
𐨌	𐨍	𐨎	𐨏
𐨐	𐨑	𐨒	𐨓
𐨔	𐨕	𐨖	𐨗
𐨘	𐨙	𐨚	𐨛
𐨜	𐨝	𐨞	𐨟
𐨠	𐨡	𐨢	𐨣
𐨤	𐨥	𐨦	𐨧
𐨨	𐨩	𐨪	𐨫
𐨬	𐨭	𐨮	𐨯
𐨰	𐨱	𐨲	𐨳
𐨴	𐨵	𐨶	𐨷
𐨸	𐨹	𐨺	𐨻
𐨼	𐨽	𐨾	𐨿
𐩀	𐩁	𐩂	𐩃
𐩄	𐩅	𐩆	𐩇
𐩈	𐩉	𐩊	𐩋
𐩌	𐩍	𐩎	𐩏
𐩐	𐩑	𐩒	𐩓
𐩔	𐩕	𐩖	𐩗
𐩘	𐩙	𐩚	𐩛
𐩜	𐩝	𐩞	𐩟
𐩠	𐩡	𐩢	𐩣
𐩤	𐩥	𐩦	𐩧
𐩨	𐩩	𐩪	𐩫
𐩬	𐩭	𐩮	𐩯
𐩰	𐩱	𐩲	𐩳
𐩴	𐩵	𐩶	𐩷
𐩸	𐩹	𐩺	𐩻
𐩼	𐩽	𐩾	𐩿
𐪀	𐪁	𐪂	𐪃
𐪄	𐪅	𐪆	𐪇
𐪈	𐪉	𐪊	𐪋
𐪌	𐪍	𐪎	𐪏
𐪐	𐪑	𐪒	𐪓
𐪔	𐪕	𐪖	𐪗
𐪘	𐪙	𐪚	𐪛
𐪜	𐪝	𐪞	𐪟
𐪠	𐪡	𐪢	𐪣
𐪤	𐪥	𐪦	𐪧
𐪨	𐪩	𐪪	𐪫
𐪬	𐪭	𐪮	𐪯
𐪰	𐪱	𐪲	𐪳
𐪴	𐪵	𐪶	𐪷
𐪸	𐪹	𐪺	𐪻
𐪼	𐪽	𐪾	𐪿
𐫀	𐫁	𐫂	𐫃
𐫄	𐫅	𐫆	𐫇
𐫈	𐫉	𐫊	𐫋
𐫌	𐫍	𐫎	𐫏
𐫐	𐫑	𐫒	𐫓
𐫔	𐫕	𐫖	𐫗
𐫘	𐫙	𐫚	𐫛
𐫜	𐫝	𐫞	𐫟
𐫠	𐫡	𐫢	𐫣
𐫤	𐫥	𐫦	𐫧
𐫨	𐫩	𐫪	𐫫
𐫬	𐫭	𐫮	𐫯
𐫰	𐫱	𐫲	𐫳
𐫴	𐫵	𐫶	𐫷
𐫸	𐫹	𐫺	𐫻
𐫼	𐫽	𐫾	𐫿

Рис. 10. Арамейские алфавиты

A — элѳантійскіе рукописи. V в. до н. э., B — Пальмира. Начало I в. н. э., C — Пальмира. Начало III в. н. э., D — Пальмира, курсивный

тальные слова и заключение — парфянские, так что документ должен был читаться как парфянский. Более того, свыше двух тысяч керамических черепков из Нисы, большей частью относящихся к I в. до н. э., надписаны исключительно арамейскими буквами и словами, но почти наверняка «читались» как парфянские. Парадоксально, но парфянский в качестве государственного языка появляется только на последних этапах парфянской истории и официально не употребляется до сасанидского периода. Он изредка используется на некоторых монетах с I в. н. э., и далее, в 215 г., Артабан V делает в честь Хвасака, сатрапа Сузы, парфянскую надпись.

Языки меньшинств империи включали в себя живой и мертвый языки Вавилонии, записывавшиеся клинописью по крайней мере до 6 г. до н. э., и, конечно, еврейский. В пустынях Сирии и Месопотамии говорили по-арабски. Для всех значимых языков у царя должен

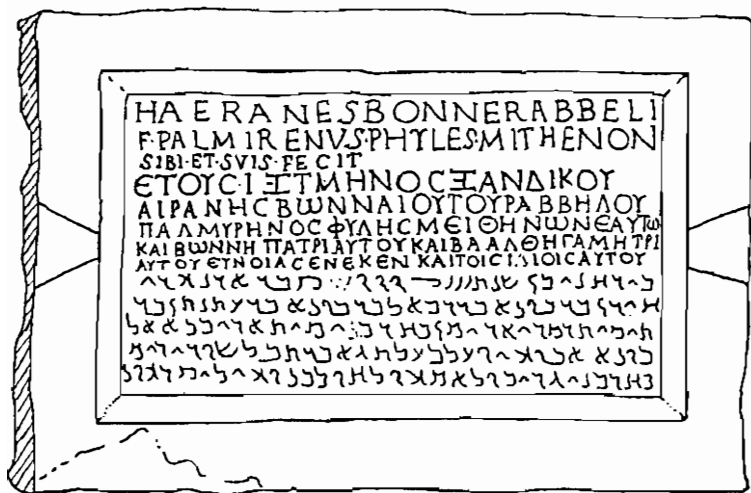

Рис. 11. Трехъязычная надпись из Пальмиры на латинском, греческом и арамейском в честь строительства гробницы Айрана, сына Бонна. Датирована апрелем 52 г. н. э. Высота 85 см

Рис. 12. Три черепка из Нисы с надписями арамейскими буквами, которые были, вероятно, этикетками винных кувшинов. Датированы началом I в. до н. э. Примерно 1:2

был существовать специальный секретарь: письмо от Артабана III городу Сузы, датированное 21 г. н. э., показывает, что греческие секретари знали эллинистические процедуры.

Парфянские методы летоисчисления были чрезмерно усложнены. Нормальная эра Селевкидов, годы которой отсчитывались с осени (1 диос, или гиперберетайос) 312 г. до н. э., использовалась довольно широко и применялась на монетах. Вариант этого летоисчисления использовался в Вавилонии, где новый год праздновался весной, а селевкидская эра отсчитывалась с весны (1 нисан) 311 г. до н. э. Затем началась эра царствования Аршакидов: вероятно, ее отсчитывали, как и вариант селевкидской, с весны. Эта эра началась с 247 г. до н. э. Ею пользовались в Нисе, а также на западе Парфии, где многие документы имеют две даты, поскольку города не желали отказываться от селевкидской эры. Так, пергаментный контракт из Дура-Европос начинается так: «В царствование Аршака, царя царей, в год 368 по счету царя царей, но по прежнему (селевкидскому) отсчету 432, на двадцать шестой день месяца дайсиоса...» (121 г. н. э.) Первое из известных использований аршакидской эры встречено на документе из Вавилона

141 г. до н. э., где имеются две даты. Вместе с этим летоисчислением существовали разнообразные лунные месяцы: македонские, греческие, вавилонские, арамейские, иранские и зороастрийские. Они менялись в зависимости от языка и местности, что еще сильнее осложняло дело. Датирование парфянских документов, в которых год проставлен без обозначения эры, бывает делом непростым.

Сходная проблема, по-видимому, существовала и в системе налогообложения, о которой известно очень немного. Скорее всего, поначалу была принята селевкидская система, которая сама являлась смесью старых и новых принципов. Налоги на землю, вероятно, собирались правителями областей и отправлялись в центральную казну, а другие виды налогов — пошлины, налог на рабов, соль и тому подобное — были обязанностью особых царских сборщиков налогов. Города, судя по всему, сами собирали свои налоги и отсылали их отдельно. К царским налогам добавлялись штрафы и военная добыча. Манес, правитель или стратег Месопотамии и Паропотамии в 121 г. н. э., в числе множества своих обязанностей имел и сбор налогов. В документах из Селевкии упоминаются разнообразные налоги: на соль, продажу рабов, перевозки по реке и так далее. Более поздние свидетельства, многие из которых содержатся в Талмуде, могут отражать ситуацию ближе к концу парфянского правления. Вероятно, в то время существовали земельный и подушный налоги, которые не платили представители высших слоев общества. Города, наверное, по-прежнему рассматривались отдельно. После того как человека регистрировали в каком-то городе или деревне, он регулярно платил налоги. Когда этих источников дохода оказывалось недостаточно для того, чтобы покрыть расходы царской казны, всегда можно было воспользоваться специальными сборами.

Парфянские законы также во многом остаются загадкой. Предположительно источником законов был монарх. Однако по немногим сохранившимся документам можно ясно видеть, что более древние восточные и эл-

Рис. 13. Пергамент II из Авромана в частично развернутом виде с изображением способа запечатывания внутренней части

линистические уложения почти без изменений существовали на протяжении целых веков парфянского правления без введения заметных новшеств в теории или практике. На западе Парфии продолжала существовать вавилонская практика. Например, в основе пергаментного контракта от 121 г. н. э. из Дура-Европос лежит вавилонский закон, по которому займы могли выдаваться под залог чего угодно: от горшков до земли, дома, персоны должника или его семьи. В этом документе некий Барлаас получает в долг крупную сумму денег на один год под залог своего имущества, а вместо выплаты процентов обязуется работать на заимодавца Фраата. Однако язык и формулировки документа являются эллинистически-греческими и имеют греко-египетские параллели. Контракт тщательно датирован, и к нему приложены имена свидетелей. К более старым временам восходит относительно распространенный метод составления «двойных» текстов юридических документов с «закрытой» и «открытой» версиями. «Закрытая» версия скатывалась и опечатывалась, ее полагалось вскрыть и прочесть только в случае, если возникали споры по поводу открытой (и теоретически идентичной) части. Типичным образцом таких документов являются пергаменты I и II из Авромана (Кур-

дистан) (рис. 13). Предметом является продажа виноградника в деревне Копанис. Документы составлены крайне небрежно, закрытая и открытая версии различаются в деталях и даже в цене. Тем не менее основа этих документов эллинистическая. Третий пергамент на парфянском (как и краткое дополнение на пергаменте I) касается того же виноградника, однако не отличается подробностью первых двух (фото 5). Три документа датированы годами 225, 291 и 300-м, но непонятно, в какой эре они отсчитывались. Копии подобных документов обычно хранились в городских архивах. Рескрипт Артабана III городу Сузам — каменная надпись на греческом с двойной датировкой, относящей ее к 21 г. н. э., — отражает решение царя по поводу спорных результатов муниципальных выборов. Формулировки и язык опять являются эллинистическими. Царский двор и царские судьи с громкими титулами упоминаются в пергаменте из Дура-Европос, а штрафы выплачивались как пострадавшей стороне, так и дворцу. Наказания порой были жестокими. В глинобитной стене Селевкии был погребен живым какой-то человек. Безуспешно пытаясь высвободиться, он сломал себе позвоночник. Это указывает на жестокий суд.

Парфянские монеты также создавались по эллинистическим прототипам (фото 6). До правления Митридата I Парфия не чеканила собственных монет и, видимо, использовала селевкидские. Для своих монет, как и Селевкиды, они приняли аттический стандарт в отношении металла и веса. Чеканили только серебряные и бронзовые монеты. Селевкидское золото оставалось в обращении какое-то время после парфянского завоевания, но затем не восполнялось. Широта использования денег прежней чеканки хорошо иллюстрируется кладом серебряных монет, закопанном в Мисене вскоре после 45/44 г. до н. э. В нем представлены самые разные монеты вплоть до афинских монет V в. до н. э.! Парфянские серебряные монеты выпускались двух основных достоинств — драхма и довольно редкая монета в четыре раза большей стоимости, тетрадрахма. Бронзовые

монеты имели разные размер и вес. Парфянский царь чеканил монеты на различных монетных дворах империи, а подчиненные ему цари выпускали монеты в своих столицах. Многие дворы ставили на свои монеты особые монограммы. Некоторые города, в особенности Селевкия, также чеканили свои городские деньги. На монетах присутствуют в основном селевкидские изображения, однако они претерпели важные изменения, в том числе фигуру Аполлона на реверсе сменила загадочная сидящая фигура с луком. Голова царя в различном уборе всегда появляется на аверсе — обычно в профиль, но иногда в фас. Любопытно сообщение китайских путешественников о том, что на реверсе изображено лицо царской супруги: это имело место только во время правления Фраатака и Готарза II (фото 6, gg). Греческий был официальным языком преданий; если в этих преданиях появляются даты, то они приводятся по обычному селевкидскому календарю. Сам царь контролировал выпуск монет, о чем говорит внесение слова «филэллин» Митридатом I и его устранение Артабаном III по политическим соображениям. Арамейские надписи начали сменять все более варваризованные греческие надписи на реверсах начиная с правления Вологеза I. Большинство монет зависимых царей близко повторяют монеты их сюзерена. Однако в некоторых областях, в том числе Парсе и Элимаиде, выбор рисунков и языка свидетельствует об определенной независимости. Когда в начале II в. н. э. качество серебряных денег стало серьезно ухудшаться — откровенно говоря, монеты стали посеребренной бронзой, — для сделок порой использовали более полновесные римские монеты. «Доброе тирийское серебро» (то есть римские монеты) оговорено в ссуде Барлаасу в Дура-Европос. Важные события иногда получали отражение в надписях или изображениях, но в отличие от римлян парфяне не были столь изощрены в использовании монет для политической пропаганды.

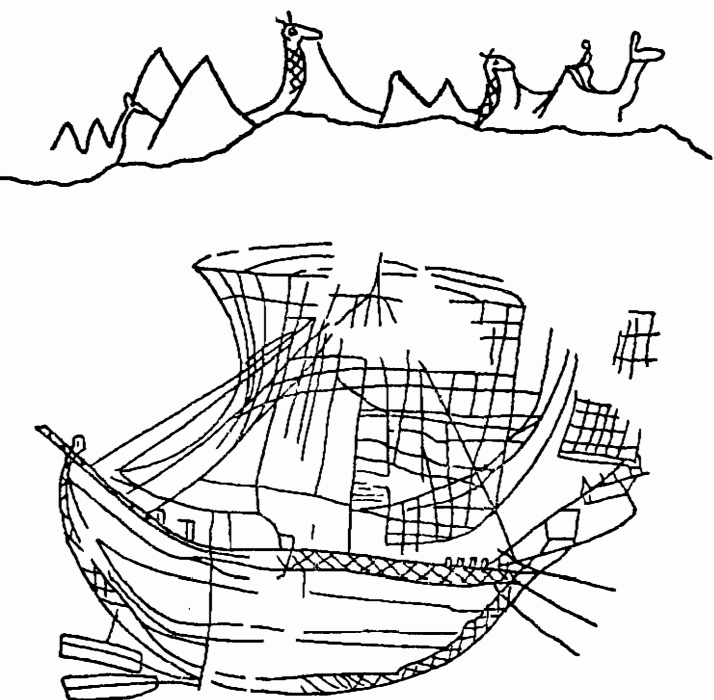
Парфянская система правления имела много слабых мест. Если бы парфянские правители позднейшего пе-

риода призвали себе на помощь консультантов из Римской империи, то римляне смогли бы указать на некоторые из них. Небольшой размер армии, находившейся в непосредственном распоряжении царя, наследственный характер власти подчиненных ему царей и сатрапов во многом способствовали внутренней нестабильности. Людей не связывали узы гражданства. Организация преемственности монархии была лишена тщательной проработки, которую предусмотрели римляне. Однако то, что подходило Риму, совсем не обязательно должно было работать у соседнего ему государства. Переиначивая слова Цицерона, можно сказать, что парфяне «не сохранили бы своей империи в течение пятисот лет, если бы управление в ней не было мудрым и искусным».

Глава 5

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

Основу экономики Парфии составляли сельское хозяйство и торговля. Промышленность играла очень маленькую роль. Большинство обитателей империи жили за счет сельскохозяйственных работ в качестве независимых земледельцев или пастухов, как «крепостные» крупных землевладельцев, в некоторых случаях — как рабы. Разводили овец, коз, крупный рогатый скот, свиней, лошадей, ослов и верблюдов, выращивали зерновые культуры, рис, фрукты и овощи. Большинство обрабатываемых земель империи требовали орошения, которое восполняло бы недостаточно обильные дожди и маловодные реки. Вот почему в Западной Азии орошение приобрело огромное значение. В самом Иране вода часто подводилась по подземным каналам. Именно такие каналы Артабан I пытался разрушить, отступая в сторону Парсы перед Антиохом III. Замасп, сатрап Суз в 1/2 г. н. э., был удостоен статуи и стихотворной надписи за то, что подвел воду реки Гондейсо к землям Суз (фото 7). Мельчайшие подробности относительно прав на воду в винограднике Копанис записаны в пергаменте из Авромана. Внимательное исследование Дьяльского района Ирака показало, чего можно было добиться с помощью разумного использования водных ресурсов в древности. В селевкидский и парфянский периоды состояние этих мест было значительно улучшено. Почти с полной уверенностью можно утверждать, что для подъема воды для орошения использовалась тяговая сила и по целой сети каналов вода уходила все дальше и дальше от главных рек. Такая обширная система, естественно, требовала очи-

с. 14. Рисунки из частных домов в Дуре-Европос, иллюстрирующие торговлю с помощью караванов и кораблей

ки и ремонта. По берегам Вавилонии уже тогда должны были расти сады, полные финиковых пальм.

Когда рассматривается общая картина торговых перевозок между Средиземноморьем и Дальним и Ближним Востоком после падения империи Селевкидов, парфяне выступают главным образом как посредники, а не как производители. В ранний период парфяне, сомненно, торговали с селевкидскими купцами. Коммерческие контакты с Китаем были прочно налажены (е до конца II в. до н. э. (рис. 14). Чжан Цень и другие сообщали о готовности парфян вести торговлю. Их возки, караваны и корабли появлялись в соседних

землях, они отправляли диковинные подарки — страусиные яйца и фокусников, чтобы возбудить любопытство китайского императора. Шелковый путь между Китаем и Средиземноморьем начал действовать. Дружественные посольства и подарки продолжают упоминаться в китайских источниках I и II вв. н. э. Китаичам были известны парфянские монеты: еще до 150 г. н. э. надпись с парфянской монеты была скопирована в качестве украшения китайской бронзы. Коммерческие контакты Парфии с Индией документированы не так хорошо. Тем не менее, индийские монеты стали использовать квадратные очертания греческой буквы омикрон в тот же период (I в. до н. э.), что и парфянские. Парфия была связана с Индией по суше большой дорогой от Бактры до Баригазы и морским путем от Харакса до устья Инда, и это путешествие занимало не менее сорока дней. К северу от Ирана парфянские монеты обнаруживаются во многих местах, а произведения искусства — на юге России, особенно в Ольвии, где была сделана важная находка — изделия из резной кости. На западе после 70—60 гг. до н. э. лежала Римская империя. Помимо обычных путей от Вавилонии до севера Сирии приобрел популярность более короткий караванный путь через сирийскую пустыню и римский оазисный город Пальмиру. Там огромное количество надписей освещают торговые пути этих мест. Пальмирцы регулярно посещали многие города запада Парфии: от Хатры в Месопотамии до Вавилона, Селевкии, Вологезии и Харакса в Вавилонии и Мисене. Упоминаются также лежащие дальше Сузы и даже северо-запад Индии (который называют Скифией из-за поселившихся там племен саков, или скифов).

В Парфии известны и другие торговые пути (рис. 15). Самый важный соединял два конца Великого шелкового пути. Стоянки и караван-сараи вдоль дороги указаны в «Парфянских станциях» Исидора, написанных приблизительно в I в. до н. э. или около 70 г. н. э. Исидор ведет нас от Антиохии на Оронте через Евфрат и парфянскую границу у Зевгмы, а затем на юго-восток в Селевкию (на

что уходило по меньшей мере пятнадцать дней). Затем мы поворачиваем на северо-восток к Экбатане, Раге, Нисе и Мерву. Оттуда Исидор ведет нас через бывшие парфянские территории в юге Афганистана до границы Индии. Однако китайское ответвление этого пути, которое Исидор игнорирует, отходило за Мервом в сторону Бактрии (Балха), «Матери городов», после чего шло к Каменной Башне (Ташкурган), Турфану, по китайскому Таджикистану к самому Китаю. Многочисленные менее значимые дороги и альтернативные пути ответвлялись от главной артерии в восточной части за Парфией и в особенности на западе Парфии, так что нижеприведенная карта приводит только основные направления дорог. Важный путь на западе Парфии, естественно, соединял Харакс с Селевкийей. Оттуда шла дорога на север в Хатру, где упоминается о Мисене. Монеты, обнаруженные в Сузах, чеканились главным образом в самих Сузах, Селевкии или Хараксе, что говорит об оживленной торговле, которая шла по этой дороге. Наконец, Страбон неоднократно упоминает еще об одной дороге от Персеполя до Кармании. Действительно, около Кермана было обнаружено парфянское поселение, расположенное в гранитных скалах. Логично предположить, что дальше эта дорога шла через Сейстан в Индию, однако фактов, которые бы это подтверждали, пока не найдено.

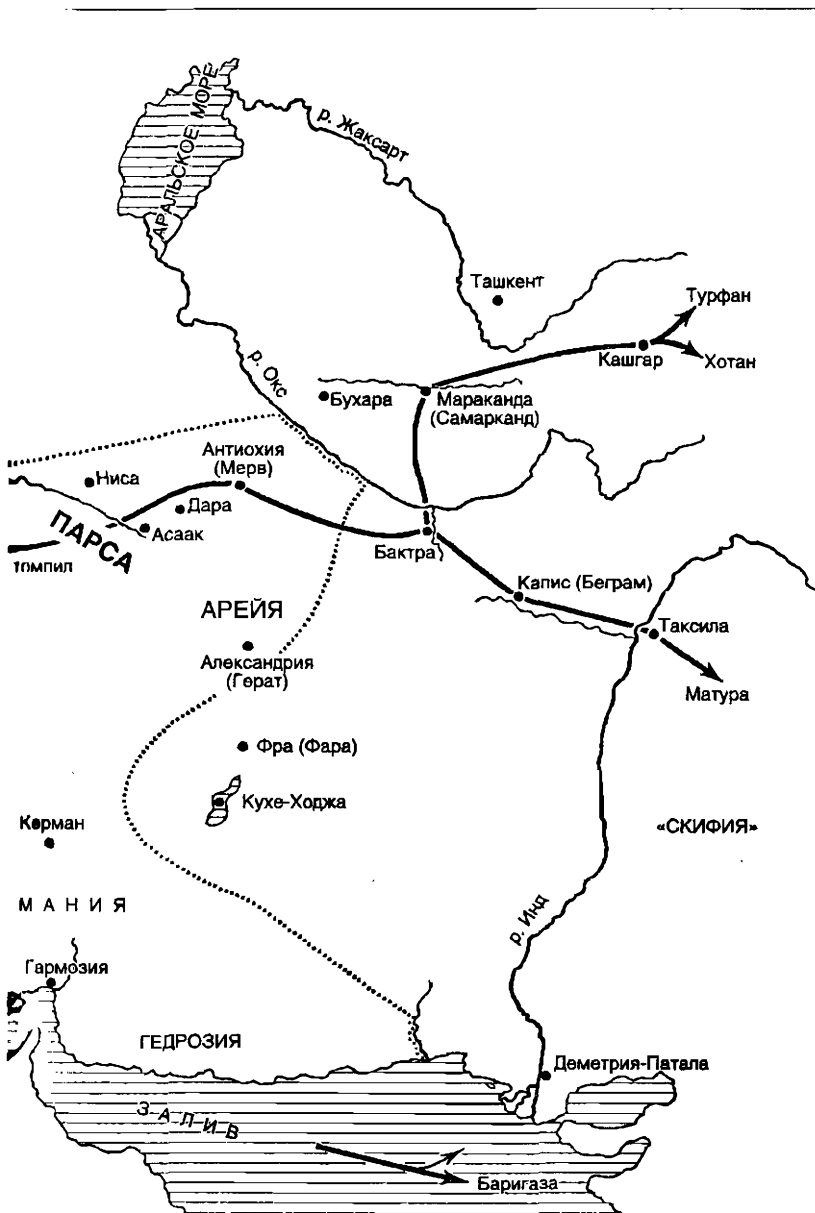
Отрывок официальных китайских записей часто цитируют для того, чтобы показать, что сухопутный Великий шелковый путь надолго закрывался или оказывался под угрозой со стороны враждебного парфянского правительства. Это чепуха. Этот отрывок в Хань-шу читается так: «[Римские императоры] всегда хотели отправить посольства в Китай, но Ань-ши [парфяне] хотели торговать с ними китайскими шелками и по этой причине останавливали их послания. Это длилось до 166 г. н. э., когда царь Та-циня (Римской империи) Ань-Тун (Марк Аврелий Антонин) отправил свое посольство... С этого времени начинаются прямые контакты с этой страной». Итак, китайцы говорят, что парфяне не позволяли им напрямую связываться с римлянами. Пар-

фяне не были так слепы к собственным интересам, чтобы уничтожить торговлю Востока и Запада, приносящую им большой доход. Они держали двух своих главных покупателей на расстоянии друг от друга во избежание неприятного для них сравнения цен. В китайских и пальмирских документах говорится о постоянном и мирном перемещении по территории Парфии, которое не зависело от политических соображений и границ. Конечно, внутренние неурядицы и нападение римлян на западные границы время от времени должны были делать торговые пути опасными и даже непроходимыми, но всегда ненадолго: экономические интересы обычно перевешивают политические. Если нужно окончательное доказательство того, что Великий шелковый путь оставался открытым, его дают богатые археологические находки на местах крупных парфянских городов по всей территории Парфянского царства. В Пальмире и Хатре по-прежнему стоят великолепные здания. Там и в других местах (от Мерва и Нисы до Суз, Селевкии, Ашшура и других) делались открытия в области архитектуры и искусства, причем настолько значимые, что заслуживают отдельных глав в этой книге. Парфянские цари не стали бы создавать скальные рельефы в Бехистане, если бы мимо них не проезжали люди, которые могли их видеть. Более старые города продолжали процветать, новые города возникали из поселков или даже, как Хатра и Вологезия, из ничего. Многочисленные скульптуры запада Парфии также свидетельствуют о богатстве местных торговцев и правителей, чьи откормленные тела и пухлые животы навсегда запечатлены в скульптурных изображениях (фото 45, 54).

Подробности работы купцов-караванщиков иллюстрируют надписи из Пальмиры. Типичным примером может служить одна, помещенная под почетным скульптурным изображением. Она звучит так: «Это статуя Таймарсу, сына Тайма, начальника каравана. Ее поставили караванщики, которые шли с ним из Харакса, потому что он дал им в долг 300 золотых динариев в ста-

Рис. 15. Города, области и торговые пути Парфянского царства

ром весе... в месяц нисан, 504 года» (апрель 193 г. н. э.). Таймарсу, как и многие другие, способствовал развитию торговли, давая деньги взаймы и обеспечивая охрану караванов и купцов, даже лично возглавляя караваны. Чиновник из Дура, занимавший должность арабарха, должен был также отвечать за наведение порядка в пустыне и защиту торговцев. Китайцы отмечали, что купцы Римской Сирии были честными и получали удесятенный доход от торговли с Парфией и Индией.

Некоторое представление о товарах, служивших предметом этой торговли, можно получить по документам того времени и археологическим находкам. Длинная надпись, известная как Пальмирский тариф и датированная 137 г. н. э., содержит перечисление городских налогов на ввозимые товары. Главной единицей измерения является поклажа верблюда. Груз одной повозки считается равным грузу, перевозимому четырьмя верблюдами, а поклажа осла составляет половину верблюжьей (рис. 14). Рабы, сухофрукты, пурпур, благовония (тщательно различаемые), оливковое масло, жир, животные и шкуры, соль, пищевые продукты, сосновые шишки и бронзовые статуи фигурируют в качестве объектов торговли. Китайские записи пополняют этот список экзотическими животными, золотом, серебром, драгоценными камнями, коврами, «всевозможными ароматами», тонкими тканями и, конечно, китайскими шелками. Из Китая парфянские купцы вывозили также железо, абрикосы и персики, а обратно посылали товары, в числе которых были продукты виноградарства, гранаты, страусы и другие необычные вещи. Фрагмент утраченного «Описания Парфии» Исихора рассказывает о получении еще одного ценного товара — жемчуга из Персидского залива. «Периплус Эритрейского моря», справочник, составленный около 60 г. н. э. для морских торговцев, курсирующих между Египтом и Индией, упоминает грузы в виде ценных пород дерева, тканей, текстильных красок и пряностей. В подтверждение этих сведений в гробницах и зданиях Пальмиры, Дура-Европос и других городов были обнаружены фрагменты тканого шелка и шелковых ниток из Китая, ин-

дийские ткани, стекло и камни — драгоценные и стразы. Эллинистические фигурки из Нисы, римские металлические изделия, стекло и гипсовые отливки из Бехрама в Афганистане могли проделать немалый путь в постоянно передвижающихся караванах.

Торговля предметами роскоши проливает некоторый свет на экономику Парфии, в которой проявляются определенные экономические параллели с римским западом. Богатство сосредоточивалось в верхах общества. Семьи знати были главными потребителями и имели относительно невысокие запросы. В результате этого общество в целом не имело стимула для крупномасштабного производства: в создании машин необходимости не появлялось. Имелись рабы, которые выполняли простую и однообразную работу, поэтому технические навыки оставались минимальными. Редким свидетельством таких навыков является странный керамический кувшин овальной формы из Вавилонии. В нем содержались медь, железо и битум; он, вероятно, когда-то использовался как гальванический элемент для нанесения серебряного покрытия на медь. Конечно, должны были существовать крупные мастерские для производства необходимых для повседневной жизни товаров (как керамические изделия), но процессы, связанные с их изготовлением, были крайне примитивными. Перевозки были медленными и дорогостоящими, их затрудняли опасности от войн, грабителей и диких животных. Хотя простые изделия, такие, как керамические емкости с растительным маслом и вином, иногда перевозились на значительные расстояния: фрагменты кувшинов с печатями с греческих островов Родос и Тасос найдены в Нимруде, Сузах и Селевкии, постоянными предметами торговли были те товары, которые могли принести значительную прибыль. Кроме того, Парфянское царство в целом было экономически неоднородным, с перевесом в сторону западной части. Эта неуравновешенность имела политические последствия: Вавилония оказалась излюбленным трамплином для узурпаторов. Однако расцвет искусства и архитектуры свидетельствует о немалом благосостоянии начиная

приблизительно с 50 г. до н. э., когда римляне осели в Сирии, до 150 г. н. э. Но прекращение использования тетрадрахм и значительное обесценивание серебряных монет с I в. н. э. и позже говорят нам о том, что экономические условия ухудшались. К 200 г. н. э. урон, нанесенный Римом, упадок многих городов, включая Вавилон, Селевкию, Ашшур и Сузы, полное обесценивание денег указывают на широко распространившийся кризис. Однако корабли и караваны продолжали свое движение по изменившимся маршрутам, и между 113 г. до н. э. и 164 г. н. э. в Дура-Европос не наблюдалось серьезного изменения уровня цен; Хатра, Пальмира и другие города продолжают процветать.

Во главе парфянского общества стоял царь. Как правило, он был недоступен. Его трон был золотым, он спал на золотом ложе. Те, кому была дарована аудиенция, обязаны были подносить ему дары. На монетах царский убор изменяется с островерхой шапки саков через простую диадему до высокой тиары с драгоценными камнями (фото 6, 30, 31, 50—52). Вассалы подражали этим головным уборам; по рельефам Нимруд-Дага в Коммагене (ориентировочно 69—34 гг. до н. э.) ясно видно, что их формы и узоры имеют определенное значение и тщательно соблюдаются. Шею царя охватывало крученное металлическое ожерелье, одежды были богато украшены. Его подданные, согласно Юстиниану и Плутарху, делились на немногочисленное свободное население и большое количество рабов или зависимых людей, однако эти авторы описывали армию. Основой иранского общества была расширенная семья (или клан) и племя. Свободные люди, или азатаны, включали в себя вассальных царей, знать, царских чиновников и их семьи. Зависимые люди и рабы — это прислужники аристократов и крестьяне, прикрепленные к земле, которую они обрабатывают, то есть крепостные. О подлинном рабстве в Парфии говорит очень немногое (если мы исключим преимущественно греческий приграничный город Дура-Европос), хотя оно должно было существовать. Возможно, уже тогда действовало разли-

чие между рабами, захваченными в плен во время войны, и людьми, проданными в рабство за долги. Но в целом рабство в Парфии имело меньшее значение, чем «крепостничество». Эти «феодалные» отношения касались преимущественно иранской части общества с его разнообразными социальными делениями. Правящие в тот период Аршакиды вышли из северной группы иранцев. В Персиде поселилась другая группа, которая говорила на юго-западном диалекте среднеперсидского, который возник из древнеперсидского эры Ахеменидов (фото 6, I, II). Здесь сохранялись многие традиции древней Персии, что видно по монетам местных правителей. Когда они были вассалами Селевкидов, их монеты продолжали походить на те, что чеканили Ахемениды: на них присутствовали храм огня и крылатый символ древнего бога Ахурамазды (фото 6, n, nn). Под властью Парфии начинают вводиться монеты парфянской чеканки, но греческий язык не используется никогда. Для надписей применяют арамейское письмо, а позже — гетерографическое среднеперсидское. Правители именуют себя царями; их имена, в числе которых есть Дарий и Артаксеркс, напоминают о прежнем имперском величии.

Рядом с иранцами жили другие народы и сообщества. На западе Парфии превалировали арамейцы, люди с семитским языком, которые населяли города и равнины вплоть до востока Элимаиды. В городах Вавилонии жили вавилоняне — тоже семиты. В пустыне под бдительным наблюдением парфянских властей кочевали арабы. Они постепенно просачивались в оседлые поселения Западной Азии и стали доминировать в обширных регионах Ближнего Востока. Например, в Пальмире половина личных имен уже арабская, но первым языком города еще остается арамейский, а правители Хатры на местных арамейских надписях носят титул «царь арабов». Еще один семитский элемент представляли собой евреи. Парфянами они были признаны как община и получили определенную местную автономию. Их было много на западе Парфии (это ясно

из Талмуда), особенно — в Северной Вавилонии, и по всему Ирану. Глава общины отвечал за сбор налогов, назначение судей и решал многие вопросы. Евреям разрешалось казнить членов собственной общины. Они поддерживали тесные контакты со своими сородичами в Палестине.

Греки жили в городах по всей империи, больше в тех, которые были основаны Александром и Селевкидами. В некоторых поселениях они, их культура и язык оставались доминирующими, по крайней мере до I в. н. э. Они составляли настолько влиятельный элемент империи, что лучшие правители со времен Митридата II считали разумным включать в свой титул определение «филэллин». Артабан III в знак недовольства греческими сообществами исключил это слово из своего наименования на монетах, хотя его преемники вскоре снова его вернули (фото 6, ii).

Парфяне, по словам Аммиана Марцеллина, были прекрасными строителями городов, что заставляет немедленно вспомнить Ктесифон, Вологезию, Хатру и перестроенные Нису и Мерв. Но даже самые крупные парфянские города в наши дни показались бы маленькими. Вероятная численность населения Селевкии, определенная Плинием в 600 тысяч, уменьшена до 800 тысяч при современной оценке, основанной на результатах раскопок. Во всех этих поселениях, древнейших или основанных греками или иранцами, население было сильно смешано как в расовом отношении, так и по политическим взглядам. Имена царей Мисены отражают большое разнообразие греческих и восточных этнических групп, из которых состояли и их подданные. Торговые города, такие, как Пальмира, сооружали базы и дома для своих братьев-пальмирцев во всех основных торговых городах на западе Парфии: Вавилоне, Селевкии, Хараксе, Вологезии и других. В Дура-Европос зарегистрирована смесь имен греческого, семитского и иранского происхождения; такая смесь наверняка была характерна для многих городских поселений этой космополитической империи. Ко-

нечно, многие из этих поселений долго сохраняли свои особенности — греческие, вавилонские, ассирийские и другие. В Нисе на керамических черепках встречается множество иранских имен. Однако этническая однородность сохранялась только в деревнях и племенах.

Что касается повседневной жизни парфянского общества, то древние авторы и археологические раскопки дают нам только отдельные, если можно так выразиться, кадры этой картины. Парфия, как и большинство азиатских культур, была миром мужчин. Юстиниан с наслаждением перечисляет дурные качества парфян. Они заносчивы, склонны к предательству и насилию, постоянно устраивают беспорядки. Мы узнаем и то, что они по природе молчаливы и склонны не говорить, а действовать. Женщины заперты в отдельных помещениях, а царских наложниц окружают охранники и евнухи. Юстиниан пишет, что женщинам не разрешается обедать с собственным мужем или появляться на людях. Безусловно, слова Юстиниана окрашены возмущением, но признаки притеснений женщин имеются (фото 35, 44). Из юридических документов Дура-Европос видно, что женщины, как правило, были неграмотны. Семитки уже носили накидки, однако видно, что лица они закрывали только во время религиозных обрядов. Любовь к детям отражают памятники, воздвигнутые по поводу их безвременной смерти.

Как мы увидим, большинство домов строились из глиняных кирпичей и включали в себя внутренний двор, как это бывает и сейчас (рис. 16). По ночам свет давали многочисленные небольшие масляные лампы. Горшки и кувшины в Парфии поначалу были имитацией восточных и селевкидских изделий (фото 9, рис. 17). Однако постепенно утонченность греческих форм исчезла, и керамика стала грубее. Использовались украшения в виде бороздок, геометрических узоров и орнаментальных голов. Теперь часто применялись глазури, обычно синие и зеленые, но порой желтые и коричневые. Игрушечная посуда и коробки-копилки с прорезями для монет, найденные в Селевкии, выглядят со-

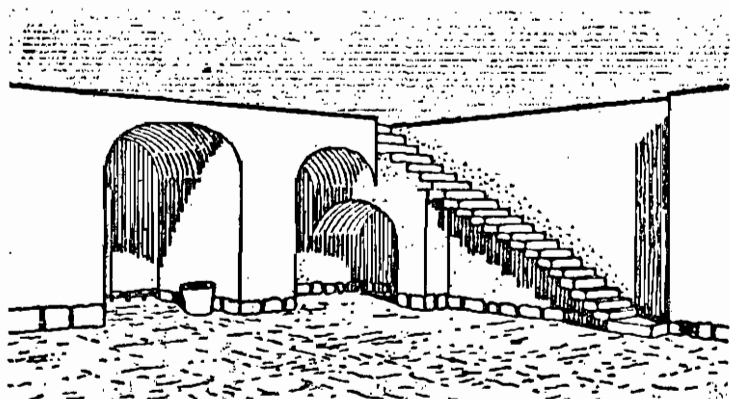

Рис. 16. Внутренний дворик дома в Ашшуре, демонстрирующий своды и плоскую крышу, на которую вела лестница. Начало III в. н. э.

вершенно современно. Иногда изготавливались действительно ценные сосуды. Хорошая мраморная ваза найдена в Сузах, а несколько прекрасных ритонов (рогов для питья), форма которых перешла от ахеменидских изделий, в Нисе и Демавенде (фото 8, 10, рис. 42). Парфяне много пили, но, по словам Юстиниана, в потреблении пищи себя ограничивали. В Нисе большое количество черепков, относящихся преимущественно к I в. до н. э., были найдены в винных лавках и вокруг них (рис. 12). На них записаны не только количество и год производства вина, но иногда даже указан виноградник, также упоминаются уксус и изюм. Там, где выращивались финики, производилось пальмовое вино. Парфяне ели мясо, добытое на охоте; хлеб, дрожжевой и пресный; свежие и сушеные фрукты и овощи. Те, кто мог, ели и рыбу. Им были известны свойства разнообразных трав и приправ, однако об их кухне ничего нельзя сказать.

Общественные сословия аристократов и купцов наслаждались высоким качеством жизни, основой которого были торговля и эксплуатация крестьянства. Пышные статуи объявляют об их превосходстве. Героическая

нагота могла сохраняться только для изображений вождей греческого и римского общества. Парфянская скульптура прежде всего являлась способом демонстрации богатства и роскошных украшений (фото 50, 52, 65). Как и царь Парфии, цари Хатры носят величественные головные уборы, обшитые жемчугом. Их туники и шаровары также покрыты драгоценными камнями (рис. 18, фото 4).

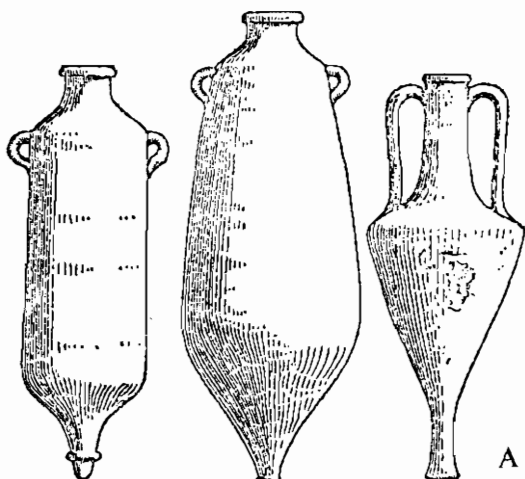

Рис. 17. Обычные формы керамических сосудов эллинистического и раннепарфянского периодов из Вавилона. А — амфоры, примерно в $\frac{1}{15}$ реального размера. В — меньшие сосуды, примерно $\frac{1}{4}$ реального размера

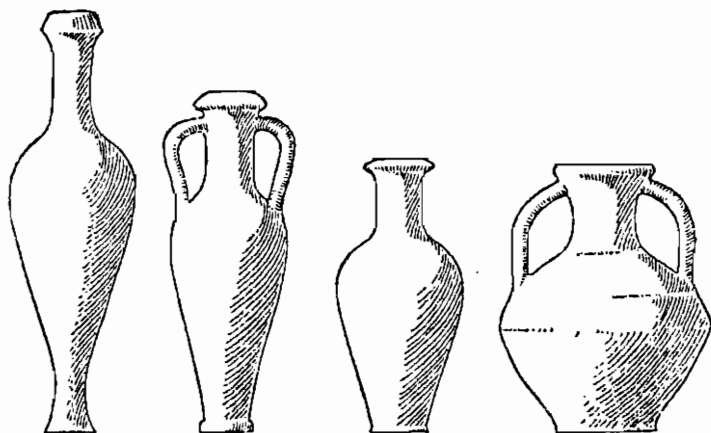

Рис. 18. Мозаичная золотая пряжка или украшение сбруи с изображением орла, терзающего молодое животное. Длина 9 см

В Пальмире туники у мужчин и женщин покрыты обильной вышивкой. Шаровары были одеждой кочевников, удобной для верховой езды и низких температур, превалировавших на большей части кочевых территорий. При ношении в более жарких областях туника и шаровары могли изготавливаться из относительно тонких тканей. Для верховой езды надевались гамашы из кожи или ткани, которые закреплялись сложной системой завязок. Парфянский костюм завершал кинжал, который носили на боку (фото 30). На западе Парфии многие мужчины носили греческую одежду: тунику (хитон) и плащ (гиматий) — просторные одеяния, более подходящие для жаркой погоды, но они не подходили крестьянам или ремесленникам. Изображений этих людей в парфянском искусстве почти нет, но в Пальмире они носили короткую тунику, к которой могло прибавляться странное одеяние вроде саронга (фото 34). Со времен Митридата I парфянские мужчины носили бороды. Волосы обычно были длинными, и на изображениях они искусно уложены в волнистые пряди или в несколько рядов локонов. Женщины тщательно закутывались, как было принято

в культурах Западной Азии. Они носили туники до лодыжек, накидку и часто вуаль. Очень популярным был головной убор, состоявший из металлической диадемы и высокого тюрбана, поверх которого надевались накидка или вуаль (фото 42, 43, 45, 46). Волосы у них обычно были уложены на греческий манер с пробором в центре.

Драгоценности дополняли эффект (фото 11). Многие сложные изделия продолжали выполняться в эллинистическом греческом стиле. Однако парфянскими нововведениями стали серебряные браслеты с зернью, серебряная филигранная работа и украшения с бусинами (обнаруженные в Дура-Европос), а также большее внимание к цвету. В Сирии мастерские стекольщиков выпускали украшения из стеклянной массы, которые соединялись в гибкие цепи ожерелий и браслетов (фото 42, 45). В изобилии встречались амулеты. Хорошо одетые парфянки обилием драгоценностей могли соперничать с самыми причудливо наряженными красавицами эпохи короля Эдуарда. Мужчины также унизывали пальцы перстнями, а их одеяния и мягкая обувь были усеяны камнями и жемчугом. Однако ношение серег мужчинами оставалось обычаем деревенским, а не городским (рис. 19). Последние штрихи костюма завершала косметика (фото 42). Следы раскраски на рельефах усыпальниц в Пальмире показывают, что «красавица Пальмиры» пользовалась красной помадой для губ, обводила глаза черными линиями и румянила щеки. Мужчины также пользовались косметикой: Сурен, победитель Красса, шокировал римлян своим раскрашенным лицом и женственно уложенными волосами. По свидетельству Плиния, цари и волхвы использовали снадобье, состоявшее из растения гелиант и львиного жира с добавлением шафрана и пальмового вина: эта мазь должна была улучшить их внешность (надеюсь, что они находили ее действенной). Еще более сложное умачение из двадцати семи ингредиентов использовалось во время коронации. Туалет завершали духи: сосуды для духов найдены в Селевкии.

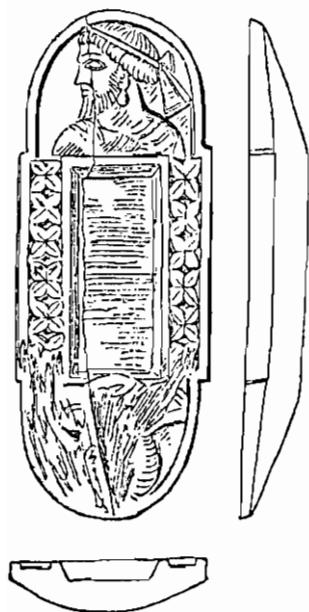

Рис. 19. Сланцевая палитра для косметики, украшенная головами правителя и царицы, имитирующими портреты с монет. Вероятно, I в. до н. э. или н. э. Чуть уменьшено по сравнению с реальными размерами

В дворцах и домах крупных купцов парфянские богачи пользовались золотой и серебряной посудой лучшего качества (фото 12—14). Сосуды украшали листовные узоры (лавр, акант и виноградные лозы) или розетки и фигуры. Можно увидеть формы, перешедшие от ахеменидской и селевкидской эр. Украшение шкатулки, найденной в Шами, состояло из инкрустированных перламутровых фигур (фото 15). Играли на музыкальных инструментах, в

том числе на лире, дудке, двойной дудке и барабане. Если верить Филострату, на стенах дворцов висели узорные gobelены; стены и полы покрывались лучшими коврами. Великолепный ковер IV в. до н. э. с ахеменидскими узорами, найденный в гробнице вождя в Пазырыке на юге России, и фрагмент ворсяного ковра из Дура-Европос говорят о том, что парфяне занимались этим благородным искусством.

Времяпрепровождение парфянского монарха и знати было типичным для многих индоевропейских аристократий. В соответствии со своим кочевым происхождением, большую часть своей жизни они проводили в седле. «На лошадях они отправляются воевать, пировать, по личным и общественным делам, — пишет Юстиниан. — На них они путешествуют, остаются на месте, занимаются делами и болтают». (Пешком ходили только рабы.) Их главной страстью была охота (фото 4, 69). Они так увлекались этим занятием, что царь

Вардан даже имел бестактность предложить изможденному философу Аполлонию Тианскому поехать на одnodневную охоту в окрестностях Вавилона. Диких животных часто держали в огороженном парке. Монарх, не любивший коней и охоту, был неприемлем, и Вонона, воспитанного в Риме, вскоре отвергли именно по этой причине. Когда Артабан III временно вынужден был бежать в области к востоку от Каспия, он вполне мог прокормиться с помощью своего лука. Парфянские аристократы, наверное, любили и воевать, потому что при отсутствии внешней угрозы часто начинались внутренние неурядицы. Парадные одеяния знати всегда были очень сложными; крайне любопытно наблюдать за тем, как в позднепарфянский период развивается геральдика. Различные знаки знатных парфян представлены на огромном скальном рельефе Фирузабада, высеченном для увековечения победы Сасанида Арташира над последним парфянским монархом (фото 75). Потери во время внутренних войн, вероятно, не были слишком большими. Ко II в. н. э. помимо своих обычных развлечений аристократы, возможно, играли в поло. Пирьы были еще одним очень популярным времяпрепровождением. На пирях барды исполняли героические баллады. Существовали целые эпические циклы, подобные тем, что легли в основу греческих поэм Гомера. Эти иранские баллады привели к появлению национального эпоса «Шахнаме» («Книги царей») Фирдоуси. О письменной парфянской литературе свидетельств нет, хотя весьма вероятно, что она существовала. Парфянские слова вошли в языки соседних народов. Некоторые монархи любили греческую культуру, и при их дворах шли представления греческих пьес. Греческий театр был открыт в Нисе; по легенде, Ород II устроил для армянского царя Артавазда представление «Вакханок» Еврипида.

Однако интерес к чужой культуре был среди парфян исключением, а их собственная оставила после себя очень мало памятников. Какова была судьба иных культур в парфянскую эпоху? Упадок и разрушение культур

Вавилонии, Ассирии и Греции в парфянский период представляют огромный интерес, поскольку сохранилось много фактов, которые позволяют нам очертить основные контуры этого упадка. Культурное влияние Вавилонии на западе Парфии было широким и глубоким. Там вавилоняне — семиты, любившие городскую жизнь, — сохранили свои древние обычаи и религию вплоть до нашей эры. Клинопись продолжала развиваться и сохранялась, как минимум, до VI в. н. э., когда глиняные таблички были наконец вытеснены пергаментом. Вместе с табличками исчезли и древние цилиндрические печати. Некоторые из использовавшихся печатей были очень древними: владелец лавки в Ниппуре имел образцы, относившиеся к касситской эре тысячелетней давности. Старинные религиозные ритуалы сохранялись, а вавилонские божества, меняя характер, оставались популярными во многих поселениях Западной Азии. Вавилонские законы широко использовались, а достижения науки и астрологии продолжали изучаться. Далее к северу в Ашшуре продолжало существовать уменьшившееся в размерах сообщество ассирийцев. Там они продолжали поклоняться своему богу Ашшуру и его супруге в новом храме на том же месте, где до катастроф 612 г. до н. э. это делали их предки. В 200—228 гг. н. э. ассирийцы по-прежнему пользовались такими величественными старинными личными именами, как Синахе-Эриба и Эсархаддон, которые трогательно напоминали об исчезнувшем великолепии этой нации воинов.

Греческая культура, которую следом за Александром и Селевкидами несли в Азию солдаты и поселенцы, столкнулась с культурами Ирана и Вавилонии и не смогла их победить. Некоторое время жители Востока брали из греческой культуры то, что считали полезным, особенно для торговли: календарь, названия, организацию управления, судебную практику. Контракты из Дура-Европос и Авромана составлены по-гречески, хотя участвовавшие в них стороны могли быть жителями Востока. Плутарх говорит, что царь Артавазд Армянский писал греческие трагедии

и истории, а многие (если не все) аршакидские монархи владели этим языком. В течение всего периода существования Парфянского царства на Востоке продолжали принимать греческие имена там, где писали и говорили по-гречески, или из соображений удобства. Однако сердца жителей Востока оставались незатронутыми. В основе своей греческая культура оставалась культурой для греков. В местах проживания греческих поселенцев существовали гимнасии, бани, литература, ораторское искусство и театры, там были греческие уложения и законы. Ямвлих, автор греческих любовных историй, жил в Вавилонии. Оратор Амфикрат посещал Селевкию, но, получив приглашение остаться и учить в этом городе, неуважительно заявил, что «дельфина в тазу не уместишь», и отбыл. Работы греческих авторов из Парфии использовались Страбоном, Трогом, Плутархом и другими. Греческие надписи с соблюдением ритма делались в честь бога Аполлона и иранского правителя Замаспа в Сузах. Две надписи в честь Замаспа даже имеют поэтический колорит дорических греческих словоформ. Одна из них датирована 1/2 г. н. э., однако некоторые термины и идеи стихов являются восточными. Письмо Артабана III городу Сузам, датированное декабрем 21 г. н. э., написано на хорошем греческом языке, однако адресовано чиновникам и жителям Суз, что является местным названием: селевкидские греки называли этот город Селевкией на Евлее (реке). Но греческая надпись на монете из редкого выпуска Готарза II (около 38—51 гг. н. э.) сделана неграмотно, написание его имени было различным. В Дур-Европос греки оставались высшим слоем местного общества в течение всей парфянской оккупации. Греческая структура семьи сохранялась там по крайней мере до 33/32 г. до н. э., а македонско-греческие имена использовались и в более поздний период.

Однако к концу I в. н. э. солнце эллинизма повсюду клонилось к закату. Греки оставались в своих городах, но их культура не оказывала глубокого влияния на народы, находившиеся вне этих городов. Они старались хранить свою греческую кровь — и это удавалось им все

хуже. Они не слишком возражали против смешанных браков; если же потомство от такого брака становилось овосточенным, оно презрительно именовалось греками-полукровками. Одна за другой рушились цитадели эллинизма. Сузы примерно в 45 г. н. э. были поглощены царством Элимаида, к 215 г. н. э. они уже выступают как целиком парфянские. В 164—165 гг. город Дура-Европос окончательно захвачен, а Селевкию на Тигре разорили римляне. Греческие надписи исчезают в первой половине II в. н. э. Греческие строения, а также мотивы и стили греческого искусства, как мы увидим далее, уже давно были поглощены «парфянскими» архитектурой и искусством. Жители Селевкии приняли вавилонский обычай погребать мертвых в полу и стенах своих домов. Ко второй половине II в. не осталось почти ничего. Греческие надписи на царских монетах Парфии были варваризованы до неузнаваемости: совершенно очевидно, что изготовители чеканов больше их не понимали. Возможно, не будет слишком романтичным представить себе, что театры закрылись, а гимнасии опустели. Однако не все было утрачено, хотя очень многое преобразовалось. Язык выжил: греческий был одним из трех официальных языков на надписях первых сасанидских монархов, а некоторые сообщества продолжали решительно придерживаться селевкидского календаря. Эллинизм на Востоке продемонстрировал великолепную стойкость, хотя это направление изначально было обречено в лучших традициях греческих трагедий.

Глава 6

РЕЛИГИЯ И ЗАХОРОНЕНИЯ

Древняя религия Ирана ставит перед нами множество разных проблем, в основном из-за малого количества документов. Читая более поздние тексты, мы можем попробовать выделить древнейший слой верований, по которым поклонялись богам природы. В ранних верованиях иранцев и индийцев можно увидеть связи, которые существовали до разделения этих двух индоевропейских групп. Возникают боги, которые воплощают в себе идеи, заключенные в их именах. Например, Митра — бог «митры» (договора). Так этические элементы закрепляются за этими богами, известными в Иране как Ахуры. В этот мир рождается пророк Заратустра (Заратуштра), или Зороастр, как его называли на Западе. Легенда, подкрепляемая лингвистическими фактами, определяет время его жизни около 600 г. до н. э., а место его проповедей — Восточный Иран. В конце концов он получил покровительство доисторического царя Виштаспы. В чем заключалась сущность его учения?

Зороастризм по-прежнему остается живой верой, которой придерживается немногочисленное меньшинство в Иране и парсы (или персы) в Индии. Именно эти общины сохранили фрагменты священных писаний древности, известных под названием «Авеста», а также древние комментарии. Судя по важным различиям в языке и понятиях, части «Авесты» принадлежат к различным периодам, начиная со времени жизни Зороастра и кончая сасанидской эпохой. Пять стихотворных групп «Гаты» выделяются особо из-за их архаического языка — восточноиранского диалекта. Следовательно, они мог-

ли принадлежать к времени жизни самого пророка; их содержание выражает некоторые основные моменты его учения. Новое, личное отношение устанавливалось между верующим и зороастрийским верховным и всеобщим божеством Ахурамаздой (иначе Ахура Мазда). Кроме того, зарождается дуализм Добра и Зла. Эти два начала находятся в постоянной борьбе как в духовном, так и в материальном мирах, однако наступит день суда, когда восторжествует Добро. Тем временем борьба продолжается. Ахурамазде (позже — Ормазду) в его борьбе против Ангро-Майнью (позже — Аримана) и его сторонников-дэвов помогают другие бессмертные силы, среди которых оказываются многие из старых почитаемых божеств. Долг человека на земле состоит в том, чтобы нанести удар Злу или Лжи и помочь установлению царства Ахурамазды. Набожность, верность религиозным и моральным истинам, благотворительная работа, особенно обработка земли, — в этих возложенных на человека обязанностях мы видим этическую сторону зороастризма. Добрые мысли, добрые слова и добрые дела составляют доспехи праведности, как и сейчас известно любому приверженцу зороастризма. Наградой для тех, кто соблюдал зороастрийскую мораль, будет бессмертие в раю, тогда как творившие зло обречены на наказания в «Жилище Лжи».

Зороастризм возник как направление в рамках нереформированной религии Ирана с ее многочисленными божествами, почитанием стихий и принесением в жертву коней. Тем не менее некоторые основные положения, в особенности касающиеся верховной роли Ахурамазды и дуализма Добра и Зла, стали широко распространенными. Поразительное сходство религиозного мышления существовало между Зороастром и ахеменидскими царями. Как пророк, так и монархи поклонялись Ахурамазде и потому были «мазданитами». К концу ахеменидской эры, по-видимому, произошло значительное слияние зороастризма с верой, которой служила жреческая каста волхвов (магов). Долгая история волхвов началась с их существования

как отдельного племени (или особого класса) среди мидян. Они были священнослужителями, всегда считали себя членами одного племени и большое значение придавали ритуалам. Вскоре они стали жрецами на большей части территории Ирана. В конце концов, когда зороастризм стал государственной религией сасанидских персов, волхвы были их духовными вождями. Трудно сказать, насколько они поддерживали зороастризм до этого, но, вероятно, некоторые из них приняли эту религию и способствовали распространению идей Зороастра.

Более новые части священной книги — так называемая «Младшая Авеста» — демонстрируют заметное отличие от учений пророка как в плане религиозных идей, так и в пантеоне. Признаются популярные божеества, кроме тех, которые упоминались в «Гатах»: Митра, бог договоров и света, Анахита, богиня вод и плодородия, Веретрагна, бог войны и победы, фравашаи — духи-покровители (фото 16). Поздние зороастрийские религиозные законы содержатся в «Вендидаде» — законе против демонов. Это свод правил и уложений, касающихся ритуальных действий, совершаемых волхвами. Осквернение и грехи, а также способы очищения и покаяния приведены там с ветхозаветной точностью. За многие проступки полагались удары кнутом числом от пяти до тысячи. В число грехов включались насилие и убийство, а осквернение было результатом, например, прикосновения к трупам или мертвечине. Особое внимание уделяется обращению с телами покойников. Их полагалось отправлять в дахмы, построенные из кирпичей, — так называемые «башни молчания», чтобы плоть пожирали хищные птицы. Затем голые кости следовало помещать в склепы. Осквернение стихий земли и огня захоронениями или кремацией было категорически запрещено. Вода также была священной стихией, а поклонение огню стало характерной чертой позднего зороастризма.

Имеются указания на то, что «мазданская» религиозная атмосфера царила в селевкидском и парфянском

Иране, однако известно очень мало фактов относительно практики зороастризма. Использование в Нисе зороастрийских месяцев и употребление имен зороастрийского круга, таких, как Ормаздик и Динмаздак, могут указывать на зороастрийскую атмосферу, однако свидетельств поклонения не обнаружено. На территории всего Ирана волхвы, видимо, продолжали поддерживать различные древние и более новые формы поклонения богам в рамках общего «мазданитского» климата, культ Ахурамазды, древних арийских богов и развивающийся зороастризм. Некоторые черты «Младшей Авесты» уже заметны в поздних ахеменидских надписях. Скорее всего, зороастризм развивался в направлении своего позднего сасанидского варианта непрерывно в течение всего периода Селевкидов и парфян, внося свой вклад в иранскую религию и вбирая в себя многие ее элементы. Что особо поражало греческих и римских авторов в ту эпоху — странности иранских ритуалов. Они отмечали большую роль поклонения огню, символу Ахурамазды. Исидор пишет, что в городе Асааке хранился вечный огонь. Сэр Орэл Стейн обнаружил большое количество парфянских и сасанидских монет на холме в Майдан-Нафтуне на иранских залежах нефти: видимо, струи огня, питаемого постоянно истекающим природным газом, привлекали к себе паломников. Предположительно, священные храмовые огни тогда, как и сегодня, поддерживались с помощью ароматных пород дерева. Подходившие к нему жрецы обвязывали лицо небольшим покрывалом, чтобы их дыхание не осквернило священную стихию. Вода также была священна. Юстиниан отмечает, что парфяне почитали реки. Когда Тиридат, аршакидский царь Армении и волхв, направлялся в Рим, чтобы получить от Нерона свою корону, он путешествовал по суше, чтобы не осквернить море. В религиозном ритуале использовался пучок прутьев (барсом), а жрецы пили пьянящий напиток хаома. Он готовился из считавшегося священным растения, которое Плутарх знал как омои. В результате долгого и сложного процесса из него получался напиток для причащения священников. Это растение — сома индий-

цев, следовательно, его почитание должно быть очень древним, хотя в «Гатах» о нем не упоминается. Оставление трупов хищным животным было широко распространено. Когда Александр Великий дошел до Бактрии, он увидел, что жители деревень и городов выкидывают трупы на улицы и там оставляют их. Юстиниан четко говорит, что «мертвые тела обычно оставляют на съедение птицам или псам. Голые кости затем покрывают землей». Страбон добавляет, что у этих собак есть специальное название: могильщики.

Различные виды искаженного поклонения Мазде, подвергшиеся сильному влиянию халдейской астрономии Вавилонии, проникли в восточные районы Римской империи. Некоторые виды этого культа исторической роли не играли. Волхвы утверждали, будто обладают различными скрытыми и оккультными знаниями. Например, они приписывали растениям удивительные свойства. Эти, обычно нелепые, сведения хранились в книгах и заслужили презрение Плиния. Еще одной их специальностью была некромантия. По словам Лукиана, философ Менипп пожелал посетить подземное царство, чтобы узнать мнение провидца Тиресия относительно наилучшего образа жизни. Для этого он обратился к волхву в Вавилонии. Мы узнаем, что нелепая подготовка, предписанная волхвом: вегетарианский рацион, странные обряды, пылающий факел и громко выкрикиваемая белиберда, дала желаемый результат. Другие моменты, однако, оказали огромное воздействие на развитие научной мысли. Основные понятия религии Ирана — дуализм, долг человека, универсальность Бога, последний суд и существование рая — входили в обычный набор идей Западной Азии, которые в целом были заимствованы из разнообразных восточных традиций и греческой философии. Эти влияния позволили создать целый ряд философских и религиозных направлений, включая культы таинств и спасителя. Из поклонения Мазде, преобладавшего в Малой Азии, возник митраизм, мистический культ бога Митры, считавшегося богом солнца. Этот культ широко

распространился в Римской империи, особенно в военных и торговых общинах. Поклонники Митры восприняли древнюю иранскую идею о том, что духи Добра и Зла — это братья-близнецы, сыновья Зервана (Бесконечного времени). Из комбинации западноазиатских и отчасти иранских идей с христианством возник ряд гностических систем, а важнейшая секта гностицизма — секта мандеев — обосновалась на западе Парфии. В этой неразберихе из мазданизма, зороастризма и родственных верований что можно сказать о религии Аршакидов и парнов?

Вновь отсутствие документальных свидетельств делает затруднительным ответ на этот вопрос. Возможно, поначалу они принесли с собой какие-то божества кочевников (фото 6, е). Царь считался «братом солнца и луны», что представлено на некоторых парфянских монетах (фото 47, 48, 51). Несколько сохранившихся скульптурных изображений, некоторые больше человеческого роста, были найдены в Нисе, Шами и других местах (фото 30). В сопоставлении с рельефами Нимруд-Дага в Коммагене (ок. 69—34 гг. до н. э.), на которых представлены цари прошлого и настоящего, эти изображения могут указывать на распространенный культ, в котором обожествлялся сам монарх или его предок. Безбородый лучник, изображенный сидящим на реверсах большинства парфянских серебряных монет, возможно, имеет какое-то религиозное значение, однако непонятно, представляет ли он обожествленного Аршака, какого-то бога парнов или является возрожденным в парфянском обличье лучником с ахеменидских монет (фото 6). Установив свою власть, Аршакиды никогда не принимали зороастризм полностью. Сасаниды не признали бы их истинно верующими. Однако похоже, что они приняли поклонение Мазде — возможно, по политическим соображениям, чтобы умиротворить большую часть своих подданных. Царь проявлял уважение к волхвам. Они входили во второй государственный совет, по некоторым сведениям часто появлялись во дворце Вардана в Вавилоне. Царские имена,

начинающиеся с Арта- и Митра, указывают на уважение к религии. Аршакид Тиридат, правитель Армении, соблюдал ритуалы волхвов. В греческой надписи в Сузах отдается дань уважения даймону (духу-хранителю) царя Фраата (V?). Более того, слова Исидора о вечном огне, горящем в Асааке, где коронуют Аршаков, в сочетании с печатью из Нисы, указывают на то, что в честь каждого Аршакида постоянно горел царский огонь, что было обычаем их сасанидских (зороастрийских) последователей. Согласно преданию парсов, по крайней мере один аршакидский монарх оказал зороастризму огромную услугу. Исходная двадцать одна книга, в которых было записано все, что было явлено пророку, почти все были сожжены Искандером Румийским (Александром Великим). Сбирать оставшиеся фрагменты якобы начал царь Валахш, или Вологез (I?). Арташир Папакан (ок. 224—240 гг. н. э.), первый сасанидский монарх, объявил свою веру государственной религией, а «Авесту» — ее священным писанием; окончательное приведение в порядок писания было осуществлено его преемниками. Но для Сасанидов спасителем зороастризма стал Арташир, а не кто-то из Аршакидов. Ведь царей-Аршакидов все же хоронили в гробницах, сначала в Нисе, а затем, видимо, в Арбеле: их трупы не оставлялись на воздухе. Кроме этого, на парфянских монетах во множестве присутствуют греческие боги: Победа, Тихо, Зевс, Артемида и другие. И наконец, мы не знаем о религиозных преследованиях при Аршакидах: похоже, их интересовали только политические аспекты религии.

Аршакидская веротерпимость позволила процветать в их империи множеству религий (фото 17, 20). Бесчисленные статуэтки, обнаруженные преимущественно в Западном Иране и изготовленные в греческом и в восточном стиле, представляли разнообразные божества и служили недорогими религиозными подношениями в доказательство набожности. В Вавилонии продолжали изучать гимны на шумерском языке, которым не пользовались уже два тысячелетия. Вавилонская религия и ритуалы сохра-

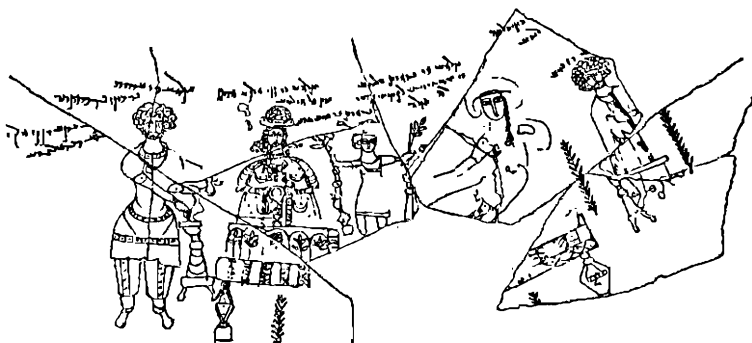

Рис. 20. Рисунок с большого сосуда (пифоса) из Ашшура: бог, богиня и ребенок на троне и ложе между двоими верующими, которые бросают благовония на курильницы — с арамейскими надписями. Высота изображения 30,5 см. Позднепарфянский период

нялись не только на своей родной земле, но и на обширных территориях запада Парфии и Римской Сирии. Несмотря на политический упадок, вавилонское жречество сохраняло свое интеллектуальное господство. Бел, титул вавилонского Мардука, в некоторых сообществах стал самостоятельным богом. Богиню Иштар продолжали чтить долго после наступления нашей эры. Богиня шумерского происхождения Нанайя также глубоко почиталась и имела собственный храм и земли в Нисе. Обе богини обладали аспектами плодородия и деторождения, их почитание включало в себя такие отталкивающие черты, как храмовая проституция. Вавилонская традиция также служила источником характерной группировки божеств парами и триадами. В Пальмире бог луны Аглибол входил сразу в две триады, что должно было вызывать путаницу среди его поклонников. Возможно, самым сильным влиянием обладала, к сожалению, вавилонская астрология. Люди издалека приезжали для того, чтобы изучить богатые массивы наблюдений, собранные в течение тысячелетий для того, чтобы открыть человеку пути Судьбы. Термин «халдейский» даже стал почетным наименованием.

На западе Парфии присутствует целый сонм семитских божеств и верований. Существовали примитивные культы высокогорий, вод — колодцев рек, озер и моря, — культ деревьев и культ камней, особенно тех, которые греки называли «бетила». Они считались объектами, в которые вселилось божество (рис. 20). На более высоком уровне существовали всевозможные божества, арамейские, арабские, финикийские и другие, которые обеспечивали плодородие, урожаи и дожди; они часто были вооружены, чтобы защитить своих последователей. В Северной Месопотамии сохранились ассирийские верования. Как рассказывает нам Лукиан,

Рис. 21. Рельефное изображение парфянского вельможи, бросающего благовония из сосуда на курильницу. Изображение со скалы в Бехистане. Вероятно, II в. н. э.

Рис. 22. Фрески, украшающие внутренние стены культового помещения в храме Зевса Тейоса. Дура-Европос. II в. н. э.

пилигримы также приезжали из Вавилонии, чтобы поклоняться покровительнице Иераполиса-Бамбиса на севере Сирии (фото 21, 33, 67, 68). Религиозные ритуалы часто были очень сложными и запутанными процессиями. Самым простым обрядом, который чаще всего представлен произведениями искусства, является бросание благовоний в курильницу (рис. 21). Как мы узнаем далее, многие храмы этого региона внутри были украшены настенными росписями, расположенными рядами друг над другом (рис. 22). Заметной чертой семитской религии был местный характер многих божеств. У каждой местности был свой баал или баалат (господин или госпожа), охраняющее ее божество, а многие деревни могли похвастаться «гни», или гением (духом-хранителем). Этот местный характер божеств является полной противоположностью универсальности Ахурамазды.

Греческая религия, как и в целом греческая культура, в основном ограничивалась эллинистическими общинами. Гимны Аполлону выгравированы в Сузах, греческие божества появляются на аршакидских монетах и печатях. Статуэтки Зевса, Геракла, Афины и Афродиты найдены археологами (рис. 3). Но всякий раз, когда изображаются или призываются греческие божества, мы должны спросить себя, не могут ли они оказаться переодетыми восточными божествами (фото 19). Дело в том, что появление эллинизма на Востоке породило мощное новое религиозное движение — синкретизм греческих и восточных божеств. С этого времени иранские и греческие божества начинают считаться идентичными. Ахурамазда становится иранским эквивалентом Бела, Митры или Шамаша, а Анахита — эквивалентом Иштар или Нанайи. В шушанском гимне Аполлона называют Марой — сирийским титулом «господин». Геракл обычно является эллинистической формой семитского Нергала или иранского Веретрагны, а Афина — арабской богини Аллат. Но самым поразительным примером стал синкретизм богов, которые до сих пор охраняют колоссальную гробницу царя Антиоха I в Комматене (69—34 гг. до н. э.) (фото 29, 31). Главная скульптура представляет Зевса-Ормазда (более поздняя форма Ахурамазды), вторая — Аполлона-Митру-Гелиоса-Гермеса, а третья — Артагна (Веретрагну)-Геракла-Ареса. Следующая стадия этого процесса началась в эллинистической Сирии и Вавилонии, где все боги и богини стремились слиться в одно всемогущее, всеобщее и невыразимое божество, чьим самым великолепным воплощением является Солнце. Однако история этого солнечного синкретизма принадлежит скорее римскому Западу, чем Парфии.

Другие религии, практиковавшиеся в Парфии, существуют и сегодня. С того времени, как Навуходоносор пленил иудеев в Вавилонии, они там процветали и множились. Аршакидов они считали благорасположенными и свободно занимались прозелитизмом. И действительно, один из вассальных монархов, Изат II из Адиабе-

ны, даже стал иудеем. Что до христиан, то сведения о них очень скудны. В течение I в. н. э. они широко распространились по римскому Востоку, около 200 г. н. э. христианские общины появились в Арбеле, Киркуке и других местах к востоку от Тигра. Христианский автор Тациан родился в Парфии. По преданию, один из ранних церковных соборов состоялся в Эдессе, столице Осроены, в 198 г. н. э., чтобы установить дату Пасхи. В эллинистический период в области Восточного Ирана проник буддизм: это произошло после того, как около 260 г. до н. э. буддизм принял индийский царь Ашока, который отправил миссионеров в Бактрию. Греческий царь Агатокл, правивший в Восточном Иране примерно в 180—165 гг. до н. э., изображал на своих монетах буддийскую ступу. В том же веке глубокий раскол разделил буддизм на два направления. Приверженцы хинаяны, или «малой колесницы», продолжали строго придерживаться учения своего основателя. Буддисты, принявшие воззрения махаяны, или «большой колесницы», соединили эти доктрины с идеями и популярными верованиями других индийских культов. Последнее направление распространялось на север, в Центральную Азию, и было включено в число культов, принятых Канишкой, правителем Кушанского царства к востоку от Парфии, во II в. н. э. Он устроил собор, который установил догматы и каноны махаяны. Два гигантских скульптурных изображения Будды высотой более 30 метров, высеченные на скальном склоне Гиндукуша в Бамиане (Афганистан), были монументальным мемориалом его рвения. Долгое время они поражали своими размерами и сохранностью тех мужественных путешественников, которым удавалось туда добраться. Однако по странной причуде истории первыми буддийские писания для далеких китайцев перевели не кушанцы, а, как говорит предание, царевич-Аршакид того периода, живший в Китае.

По еще одному странному капризу судьбы из надписи в Пальмире мы узнаем, что не где-нибудь, а в Вологезии, парфянском торговом центре в Вавилонии, на-

ходилась храм обожествленным римским императорам Августам.

Традиции погребения могут пролить дополнительный свет на религии Парфии. Поклонники Митры оставляли тела умерших на поверхности, а кости затем следовало собирать и помещать в астоданы, специальные урны для костей. Такой тип погребений действительно был популярен в восточных областях царства. Урны из терракоты, обычно не покрытые глазурью и относящиеся к поздней Парфии, были обнаружены в Нисе и Согдиане. Однако в городах западных областей Парфии приняты были различные виды погребений. В самом простом виде оно состояло в замуровывании трупа в стены или полы домов из глиняных кирпичей. Это было старинным вавилонским обычаем, который широко использовался, несмотря на его гигиенические недостатки. Другие способы захоронения варьировались от самых простых до грандиозных. Трупы, особенно детей, могли помещать в большие горшки. В других случаях использовались гробы нескольких стандартных видов. Иногда мертвых клали вне домов в деревянные или терракотовые гробы, которые помещались в небольшую гробницу, сложенную из плиток или кирпичей, которая даже могла похвастаться сводчатым верхом. В таких крошечных склепах обычно находится очень немного погребений. Однако более сложные сооружения, раскопанные в Селевкии, имеют вид фамильных склепов. Например, склеп 131, находящийся под землей и имеющий бочкообразный кирпичный свод, разделен на камеры. В него вела крутая лестница, и он периодически открывался, чтобы принять новое погребение. Терракотовые саркофаги, использовавшиеся в таких погребениях, были в основном двух типов, которые непочтительно названы «ванной» и «тапкой». «Ванны» парфяне унаследовали от ассирийцев. Обычно к ним изготавливались крышки, и все часто покрывалось глазурью и богато украшалось. Саркофаги-«тапки» использовались начиная с I в. до н. э. и далее. Как указывает их название, формой они похожи на туфлю или тапку и имеют овальное отверстие в широкой части. Это отверстие закрывалось особой

крышкой или закладывалось кирпичами. Небольшое отверстие в узкой части позволяло уходить веществам, образующимся в результате распада. Многие из этих саркофагов покрыты зеленой или синей глазурью и сложными украшениями. Бока и верхняя часть, как правило, разделены на прямоугольные ячейки, в каждой из которых появляется повторяющаяся фигура: солдат, обнаженная богиня или танцовщица (фото 22). Как форма, так и украшения ячеек, вероятно, заимствованы у египетских мумий с их украшенными узорами пеленами. Еще более ярко египетское влияние прослеживается на нескольких антропоморфных саркофагах, обнаруженных в Вавилоне и Сузах. С мертвецами захоранивали всевозможные предметы. Археологи обнаруживают керамику, стекло, сосуды из камня и металла, оружие, украшения, статуэтки и различные предметы повседневного обихода: бронзовые зеркала, костяные гребни, лампы. В Вавилоне на голову умершего иногда возлагали диадему, венец из золотых листков или венки из настоящих листьев оливы. Жителей Селевкии также хоронили с амулетами и моделями ключей, а в рот или руку трупа часто вкладывали монеты. Может быть, для того, чтобы мертвец мог заплатить Харону за переправу в подземный мир? То, что в погребениях Селевкии находят еду и питье, а также фигурки женщин, которые должны были служить супругами-спутницами в другом мире, ясно показывает: люди верили в то, что загробную жизнь будут вести не тени или духи, а она сможет приносить реальное физическое наслаждение.

Представителей высших слоев парфянского общества хоронили гораздо более пышно. Царские гробницы в Нисе и Арбеле все еще не найдены. Однако в кургане Новой Нисы были обнаружены остатки внушительного кирпичного мавзолея, которым, возможно, пользовалась знать (рис. 2). Ряд колонн с капителями «местного ионического» ордера шли вдоль гордого портика. Верхнюю часть фасада мавзолея венчало старинное ассирийское украшение из ступенчатых зубцов, характерное для многих парфянских строений. Внутри находилась квадратная

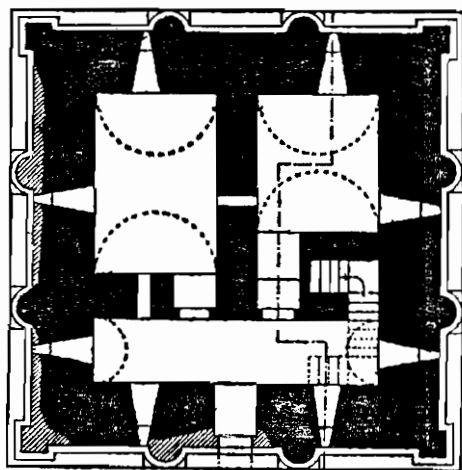
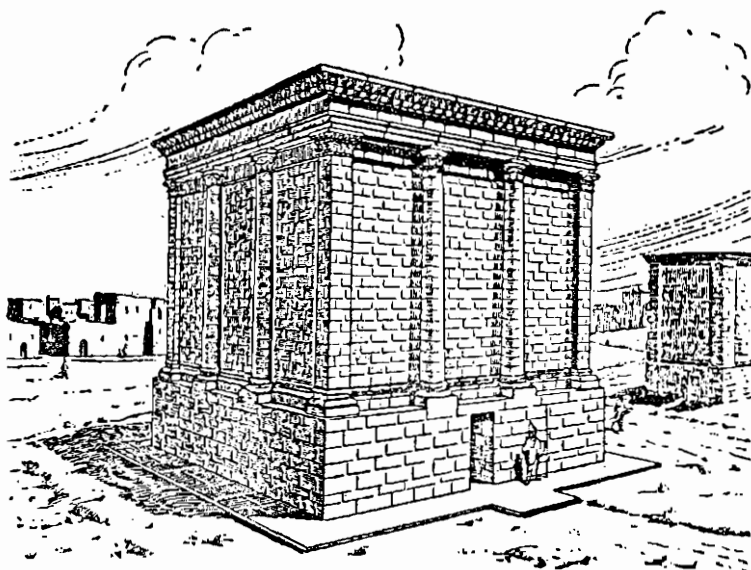

Рис. 23. План и восстановленный макет гробницы VI.
Хатра, II в. н. э.

центральная камера, окруженная коридором, возможно святилище. В ряде помещений и переходов находились локулы — длинные и узкие камеры для саркофагов. По-видимому, строение относится ко II в. до н. э. Локулы являются характерной чертой целого ряда красивых мавзолеев из кирпича и камня, воздвигнутых в культурной области на западе Парфии (рис. 23). В Хатре прямоугольные каменные здания позднепарфянского периода, сейчас сильно разрушенные, строились для того, чтобы принимать купеческих и царственных мертвецов как за стенами города, так и внутри их, что соответствовало месопотамским обычаям. Снаружи эти здания часто облекались римскими украшениями в виде полуколонн, пилястров и антаблементов. Внутри часто имелись два этажа камер, соединенные лестницей и увенчанные простыми каменными сводами; освещалось помещение узкими окнами. Бледные подражания хатрским мавзолеям были построены из кирпича поблизости, в Ашшуре, они тоже имеют сводчатые камеры (фото 26). Однако самыми необычными гробницами Парфии были башни, возведенные в Дура-Европос и Пальмире большей частью в первые три века нашей эры. Погребальная башня немедленно заставляет вспомнить о зороастрийских «башнях молчания», однако никакой связи между ними установить не удалось. Как в Пальмире, так и в Дура-Европос башни были одной из нескольких форм погребальных строений. Гипогей (подземный семейный склеп), гробница-храм и даже гробница-дом были другими формами (рис. 24). В Пальмире башня и гипогей иногда объединялись. Представляется, что каждая гробница первоначально принадлежала одной семье и имела множество локул для помещения саркофагов. Однако, если локулы в башнях Дура-Европос выходят наружу, локулы в Пальмире открываются во внутренние переходы. Внушительные каменные башни Пальмиры, «дома вечности», как называли их пальмирцы, пользуются заслуженной славой не только из-за их порой идеально сохранившихся фасадов, но также и из-за богатства внутренних украшений (фото 37).

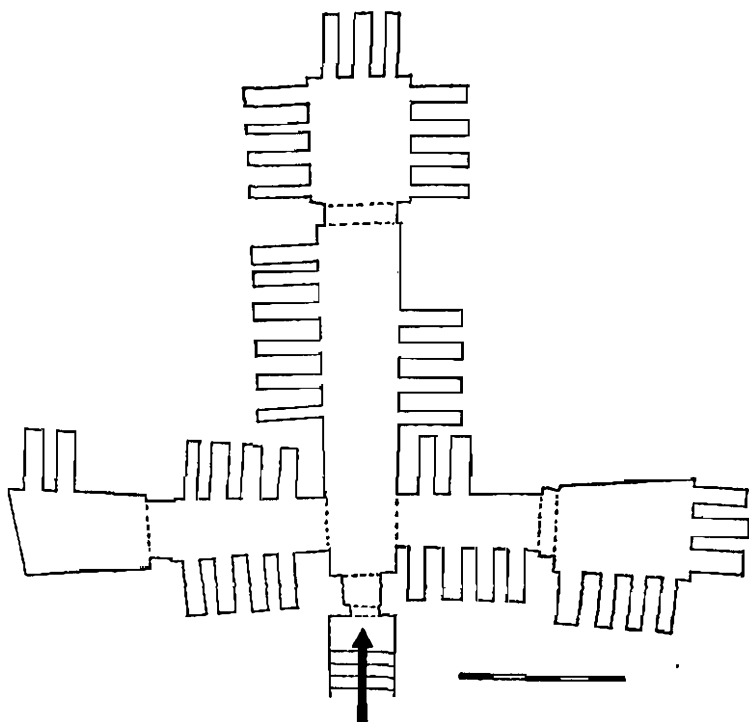

Рис. 24. План подземной гробницы — гипогея Лизамша (Пальмира) в том виде, который она приобрела в III в. н. э.

Каждая камера для гроба обычно закладывалась каменным бюстом, «представлявшим» умершего, либо несколько камер закрывались более крупной скульптурой. Эти рельефы большей частью исчезли со своих первоначальных мест, попав в личные и публичные собрания. Саркофаги пропали, а лежавшие в них мумии использовались арабами для магических целей, так что после них остались только немногочисленные лоскуты дорогих одеяний из Древнего Китая, Индии и других мест, в которые были облечены тела. Однако большая часть декора сохранилась: каменные и фресковые украшения и изображения оживляют погребальные камеры. Мно-

гие надписи говорят о том, что деловая сметка пальмирских торговцев побуждала их продавать локулы семейной гробницы менее удачливым чужакам, давая пищу для морализаторства. Однако даже самые большие и роскошные из этих гробниц совершенно затмевает место последнего упокоения царя Антиоха I Коммагенского в Нимруд-Даге (фото 29). Громадный курган покрывает гробницу, его окружают широкие террасы. Теперь мы вошли в область архитектуры, к которой и обратимся далее.

Глава 7

АРХИТЕКТУРА

Если не считать землетрясений, то местность и климат Парфии способствовали тому, что даже непрочные сооружения сохранялись долго. Теплая сухая погода позволяла жителям Западной Азии возводить постройки из простых высушенных на солнце кирпичей, как это делается и сегодня. Те части, которые больше всего могли пострадать от воздействия воды, а также ног и плеч обитателей, — фундамент, косяки и углы, — делали из гораздо более прочных и дорогих, обожженных в печах кирпичей или из камня, если он был доступен. Обожженный кирпич использовался для строительства дворцов местных правителей и храмов целиком. Камень использовался только тогда, когда он обильно встречался вблизи от места строительства или когда это позволяли экономические условия, например в Хатре. Деревя в Западной Азии было мало. Его часто приходилось привозить издалека, поэтому оно было дорогим и использовалось редко. Страбон, писавший в I в. н. э., говорит, что жители Месопотамии сооружают кирпичные своды в качестве перекрытий для своих комнат, чтобы не использовать деревянные балки. Не случайно кедровые леса Ливана прославились еще в древности.

Огромные масштабы Парфянского царства, разнообразие традиций в его пределах предполагают разные стили в парфянской архитектуре. К сожалению, о зданиях центральной части царства (на территории самого Ирана) нам известно очень мало. Однако можно заметить, что некоторые важные элементы и типы строений все-таки повторяются, особенно с начала нашей эры и по-

зднее. Они налагаются на более древние местные традиции в разных регионах Парфии и потому имеют право называться парфянскими.

В парфянские владения входили многочисленные города, отличавшиеся глубокой древностью, такие, как Вавилон и Урук (библейский Эрех). Некоторые из них, например Ашшур, вновь расцветали после периода упадка. Другие превратились в поселки, ютившиеся среди гигантских останков древнего великолепия. Некоторые, как Калах (Нимруд), переместились со своего прежнего места на новое. Планировка древних городов иногда становилась довольно упорядоченной, но всегда имела тенденцию превратиться в беспорядочное нагромождение строений в периоды упадка. Существовали также эллинистические города Западной Азии, спланированные в обычной греческой манере Гипподама, в

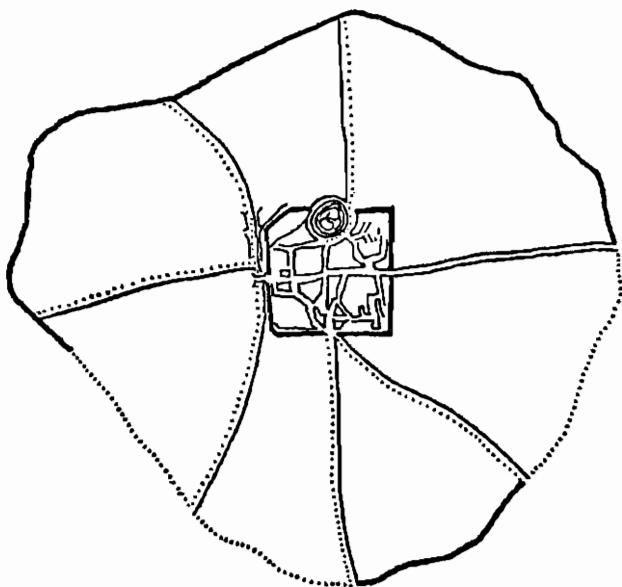

Рис 25. План города Мерва в парфянский период, в центре которого видна прямоугольная часть селевкидского города Антиохии

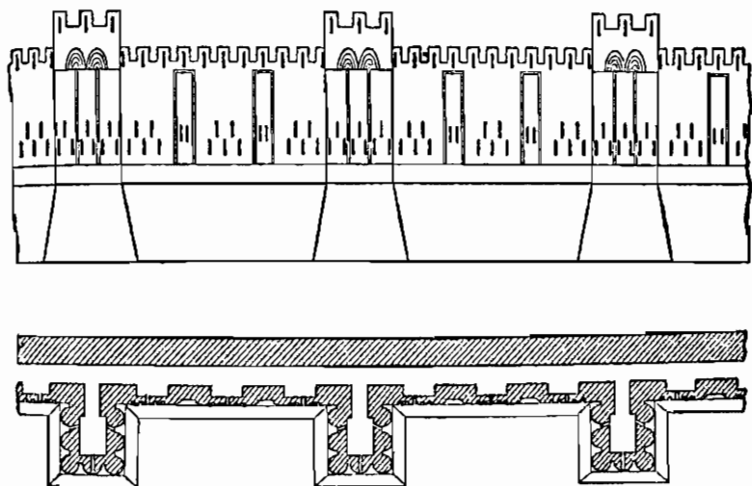

Рис. 26. План и вид парфянских укреплений города Мерва

основе которой лежал прямоугольный план, а улицы пересекались под прямым углом. Тогда сотни равных земельных участков легко делились и распределялись между гражданами.

Для ряда парфянских городов была принята иная планировка, в основном круговая. Это относилось к вновь основанным городам (Ктесифон и Хатра) и к расширению более старых городов (Мерв) (рис. 25). Идея круговой планировки могла вырасти из округлой формы ассирийских военных лагерей (фото 18). Круглую ограду не только легче оборонять, нежели прямоугольную, но и пространство внутри ее можно оградить с затратой меньшего количества материалов. Круговая планировка сохранилась в сасанидский и исламский периоды. Парфянские города, как правило, обносились стенами: важное напоминание об условиях того времени. Стены Мерва были сложены из глиняных кирпичей с башнями, ступенчатыми зубцами и многочисленными бойницами: они напоминают ассирийские городские укрепления (рис. 26). Стены Хатры были в основном из камня, двойные. Имея

множество башен и мало ворот, эти укрепления не раз выдерживали осаду римлян.

Внутри парфянского города самыми важными зданиями были дворец (административный центр) и храмы. Также большую роль играли рынки, например восточный базар, обнаруженный в Дура-Европос. Жилые дома обычно строились вокруг внутреннего двора, особенно на западе Парфии, где был широко распространен вавилонский тип домов. Так строили даже в городах, которые первоначально были греческими, таких, как Дура-Европос. Обычно они имели только один этаж (иногда два) и окружали дворик. Главные комнаты располагались на южной стороне. На крышу, всегда плоскую, вела лестница, обычно расположенная в углу внутреннего двора (рис. 16). Второй этаж и крыша использовались для трапез и сна, давая желанное убежище от запахов первого этажа, где располагались помещения для приготовления еды и санитарных нужд. Эти последние были крайне примитивными; отсутствие должных стоков вкупе с жаркой погодой способствовали болезням. В Вавилоне между невысокими жилищами того времени часто лежали сады или участки заброшенной земли. В жилых зданиях Ашшура, который снова процветал, появились некие нововведения в старую планировку. Страбон отметил, что комнаты домов на западе Парфии часто имели сводчатые потолки, хотя могли достаточно часто встречаться и стоечно-балочные конструкции, для которых требовалось дерево. В позднепарфянский период в Ашшуре (начало III в. н. э.) в домах начали появляться особые комнаты, которые сейчас именуют айванами, с открытой передней частью, имевшие полуцилиндрический свод, ориентированные на север и выходившие во внутренний двор. Эта характерная парфянская черта появилась в более крупных зданиях.

При раскопках многих парфянских городов были обнаружены здания, которые, судя по их размеру и сложности, были дворцами. Здесь жили местные правители или цари. Эллинистический пример такого строения

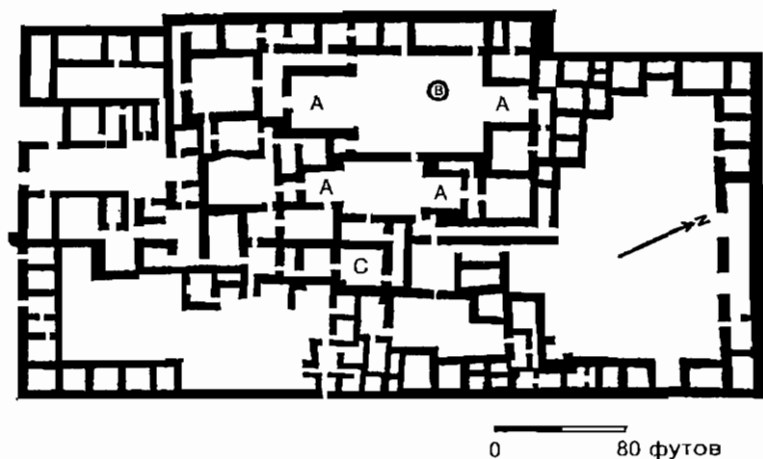

Рис. 27. План парфянского дворца в Селевкий на Тигре, где изображены открытые комнаты А, бассейн В и колодец С. II в. н. э.

был найден в древнем Ниппуре, в Вавилонии. Планировка с двором-перистилем была греческой. Греческими были и архитектурные элементы, но построено здание было из местного обожженного кирпича с последующей штукатуркой. Наиболее древний из известных парфянских дворцов также имел эллинистические формы. Это царский дворец в древней Нисе, воздвигнутый в первый век парфянского правления; он сложен из местного высушенного на солнце кирпича (фото 3). Но открытая терраса с колоннадой и квадратный центральный зал с необычными колоннами, претерпевший несколько перестроек, были необычными чертами. Среди украшений фасада использованы метопы, фриз и другие элементы из эллинистического «репертуара» украшений в сочетании с другими, иранского типа. Они изготовлены из терракоты. Однако элементы планировки и украшений, которые слишком самобытны, чтобы называться парфянскими, не появляются в дворцах до I в. н. э. Их появление хорошо можно проследить по дворцу в Селевкий (рис. 27). Это

гигантское жилище было построено вокруг целого ряда дворов, в которые выходили комнаты и эллинистические залы мегарон, с колоннами перед входом в каждый зал. Уступками местным правилам было то, что залы мегарон были ориентированы не на юг, а на север; отсутствовал перистиль; вероятно, все крыши были плоскими, но в целом сохранилась греческая планировка. Дворец был перестроен во время бунта в Селевкии, который закончился примерно в 42 г. н. э., и претерпел фундаментальные изменения. Колонны перестали служить элементами конструкции. С этого времени они превратились в украшение, изготавливались из гипсовой штукатурки и прикреплялись к стенам, чтобы разделять их на декоративные панели. Не менее удивительным стало превращение почти всех мегаронов в новый вид залов — открытые айваны, обычно с полуцилиндрическими сводами. В последнем периоде стены дворца стали утолщаться, чтобы позволить сооружение новых сводов над высокими арками.

Ранняя история айвана далеко не ясна, он стал стандартной чертой поздней иранской архитектуры. Одно из зданий в Нисе — Квадратный дом к югу от дворца имел четыре айвана, выходившие на центральный двор. Они могут оказаться даже более древними, чем достаточно точно датированные строения Месопотамии. Если это так, то можно смело называть айваны парфянскими. Однако их ранняя история остается туманной. Некоторые хотят вывести их из открытых комнат с лоджией, так называемых билани многих восточных дворцов начала 1-го тысячелетия до н. э. Другие рассматривают их как «каменные шатры» — естественный архитектурный продукт народа, недавно бывшего кочевым и пожелавшего при переходе к оседлости сохранить контакт с открытым воздухом. Безусловно, комната с тремя стенами такой контакт обеспечивает. Однако обе теории не могут полностью объяснить частое использование нескольких айванов, а также традиционные своды. Более того, использование айванов не ограничивалось светской архитектурой. Возможно, пока не

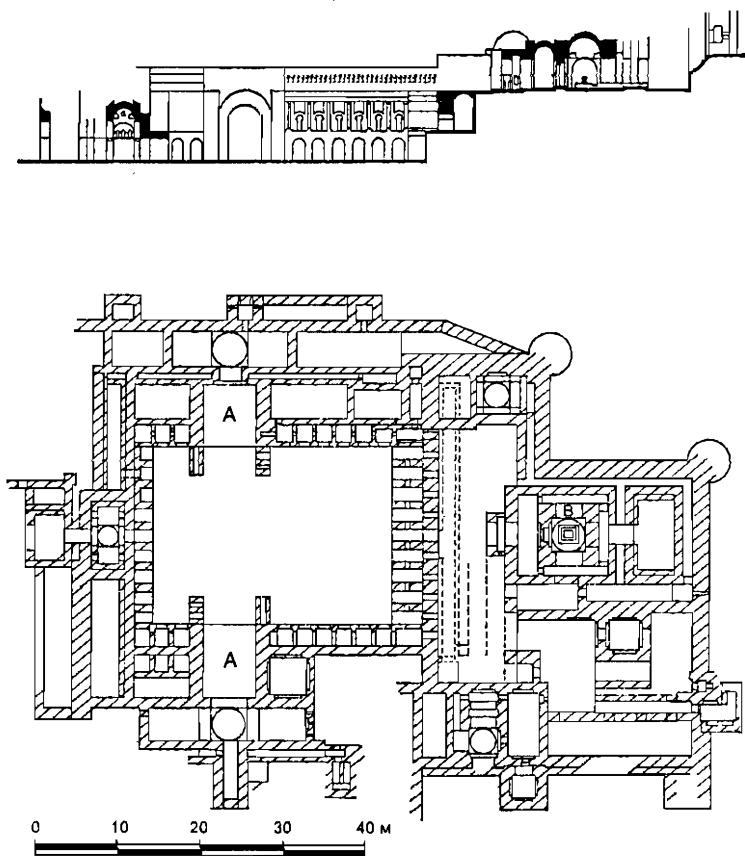

Рис. 28. План и сечение главной части дворца в Кухе-Ходже. Сей-
стан. Вероятно, I в. н. э. А — айваны, В — храм огня

исследованные археологами города Ирана хранят ключ к этой проблеме.

Конечно, использование айвана не ограничивается Восточным Ираном к I в. н. э.: айванные залы присутствуют в огромном царском дворце того периода в Кухе-Ходже, великолепно расположенном на острове в центре озера Хамун, в Сейстане (рис. 28). Помещения

этого дворца, построенного из высушенного на солнце кирпича, окружают громадный четырехугольный двор. Через южный вход человек попадал в главный внутренний двор дворца и обнаруживал огромные сводчатые айваны справа и слева. Двигаясь на север вверх по склону, человек проходил по северной части дворца и через галерею, украшенную удивительными настенными росписями, к возвышению, на котором стоял храм огня, венчавший весь ансамбль (рис. 29). Впечатляющие образцы полностью сформированных айванов можно также найти в парфянском дворце в Ашшуре. Там до 100 г. н. э. раскинулся комплекс комнат, в который входили два противоположащих айвана. Все помещения группируются вокруг внутреннего дворика, который не удалось сделать прямоугольным. В строении имеются дополнительные дворы, включая перистиль, использованный как вестибюль. Во II в. н. э. к главному двору добавляются еще два айвана. Их фасады покрыты замечательными украшениями из цветной штукатурки в виде полуколонн, арок и фриз, которые свели плоские поверхности к минимуму (фото 27). Обильно использованы желтая, красная, зеленая, коричневая и синяя краски. Дворец имел печальный конец (видимо, во время восточной кампании Севера в 198 г. н. э.), и на его развалинах появилась россыпь жалких домишек.

Храмовая архитектура империи была не такой разнообразной, как культы. В течение первых двух веков парфянского правления почти никаких архитектурных инноваций не наблюдается. Старые традиции сохраняли свою хватку, их действие часто продлевалось до нашей эры. В 170 г. до н. э. храм Ану-Антум в Уруке был построен в древнем вавилонском стиле. Греческая традиция породила колоссальные, хотя и отклоняющиеся от нормы, святилища Хуры и Кангавара в Западном Иране (рис. 30). Здесь стены окружали громадный внутренний двор, вдоль стен внутри стояли ряды колонн, а в центре двора стоял храм обычной греческой планировки, включая перистиль и вход с колоннами. Непочтительное обращение строителей этих святилищ с гречес-

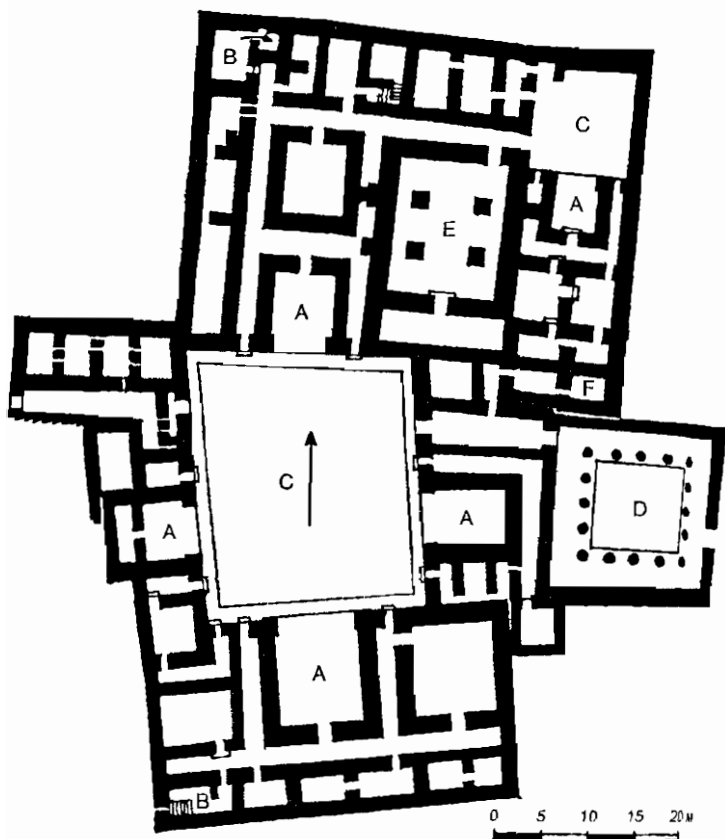

Рис. 29. План парфянского дворца в Ашшуре. I и II вв. н. э. *A* — айваны, *B* — баня, *C* — двор, *D* — перистиль, *E* — зал с колоннами, *F* — кухня

кими формами очень забавляло археологов-классиков. В Хуре строители использовали странно удлиненные каменные колонны с пухлыми восточными основаниями, гладкими стволами и неклассическим соотношением между диаметром основания и высотой 1:11. Капители имеют азиатскую форму, которая уже использовалась до того времени, когда греки создали на ее основе

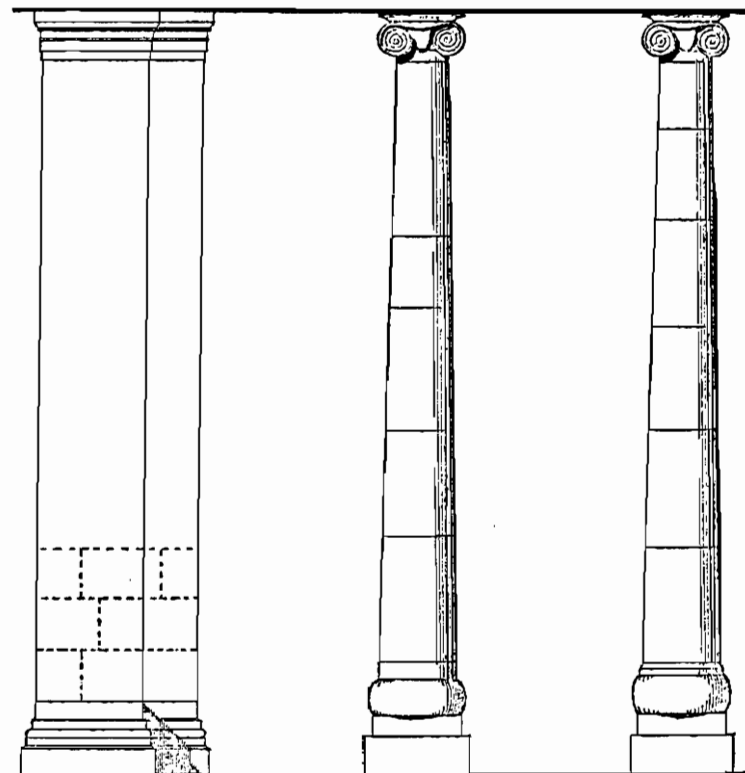

Рис. 30. Ионические колонны и пилястры селевкидского/парфянского храма в Хуре

свой ионический ордер (рис. 31). Святилище Кангавара упоминается (как Конхобар) Исидором из Харакса, который приписывает его богине Артемиде, или, по-ирански, Анахите. Каменная кладка отражает ахеменидскую традицию. Архитектурные формы включают в себя колонны с дорическими капителями, установленные на ионические базы и увенчанные коринфской абаккой. Поверху каменного фундамента идет громадная лепнина s-образной формы. Здесь классические формы и ордера так искажены, что датировка этих ансамблей пред-

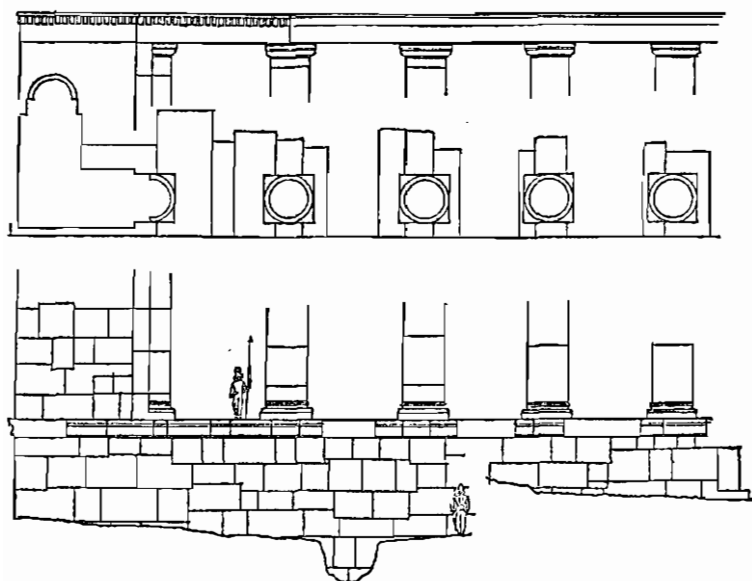

Рис. 31. Вид селевкидского/парфянского храма в Кангаваре, возможно первоначально построенного около 200 г. до н. э.

ставляется затруднительной; однако можно предположить, что они относятся к последним двум столетиям до нашей эры. Как это ни странно, архитектура Кангавара обладает неким изяществом.

К I в. н. э. мы видим, что парфянские архитекторы усвоили весь репертуар классических форм и трансформировали его в синтез старых и новых восточных форм. Несколько храмов этого более позднего периода были раскопаны в Месопотамии (рис. 32, А). Крошечная парфянская кирпичная часовня в Уруке, прижавшаяся к огромным стенам храма Ану-Антум, снаружи имеет такую систему украшений, которая ясно указывает на ее принадлежность именно к этому периоду. Ряд полуколонн, прикрепленных к фасаду, разделяет его на панели, в каждой из которых имеется арочная ниша. Очень похожие украшения вырезаны на

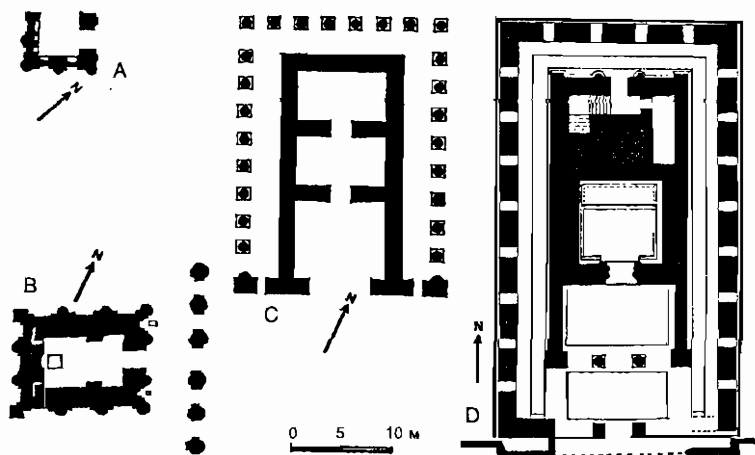

Рис. 32. Планы храмов парфянского периода. *А* — храм у стены святилища Ану-Антум. I или II вв. н. э. *В* — храм Гара, построенный до 110 г. н. э. Урук. *С* — Периптер, храм, окруженный рядом колонн. Позднепарфянский период. *Д* — иранский храм в Таксиле, скифо-парфянский период

каменных стенах святилища Иштар около Персеполя. Капители полуколонн были задуманы в коринфском ордере. Широкое использование этого ордера и завершение ниши между каждой парой полуколонн абсидой по аналогии с римской архитектурой заставляют отнести этот храм к первым двум векам нашей эры. Более усложненный вариант такого украшения вносил разнообразие во внешний вид парфянского храма в Уруке, посвященного богу Гару. Внутри в храме имеются передняя камера, алтарное помещение и алтарные ниши древнего вавилонского храма. Снаружи, однако, доминирует влияние римского Средиземноморья. Полуколонны с аттическими базами, ионическими (в некоем роде) капителями и дорическими каннелюрами отмечают фасад и разделяют ниши, в каждой из которых на пилястрах возвышается глухая арка. Выше антаблемента расположен фронтонный ярус. Каждый фасад немного напоминает тройную римскую триумфальную

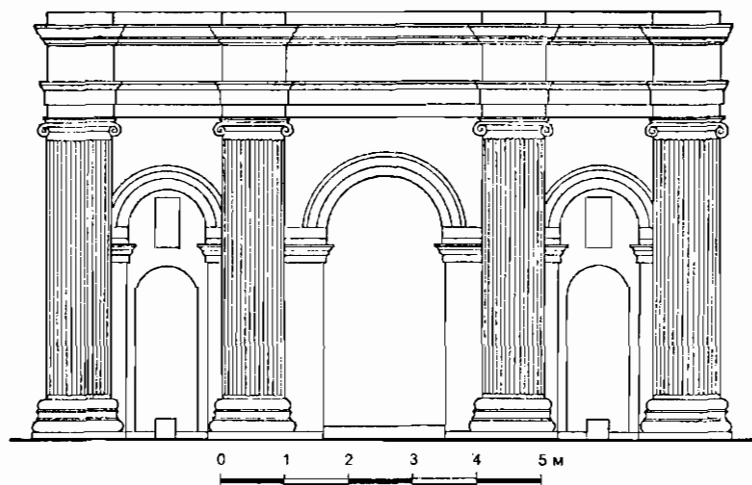

Рис. 33. Фасад храма Гара, построенного до 110 г. н. э. Урук.

арку. Однако римляне удивили бы декоративные рельефы из обожженной глины, изображающие псов и крылатых драконов с длинными хвостами, которыми также украшены стены. Для защиты кирпича весь храм был покрыт гипсовой штукатуркой. Найденная поблизости надпись идентифицирует храм: он был построен к 110 г. н. э.

Базы шести колонн, прежде соединенные арками, были обнаружены на некотором расстоянии от передней части храма Гара. Возможно, святилище окружала крытая аркада, окруженная стеной. Схожая аркада на колоннах окружала интересный храм в Ашшуре, получивший название Периптер (рис. 32, С). Однако здесь аркада соединялась с храмом, образуя перистиль. И потому в этом случае колонны, которые обычно в парфянских зданиях становились полуколоннами, сохранили свою обычную роль. В архитектуре храма можно различить, как минимум, три традиции. Внутренняя планировка с вестибюлем и алтарным помещением твердо следует ассирийским и вавилонским предше-

ственникам. Вид наружной аркады не слишком поразил бы приезжего римлянина. Однако присоединение наружной алтарной комнаты, чья арочная ниша напоминает парфянский айван, и гипсовые украшения переднего фасада заставляют вспомнить дворцовую архитектуру Ашшура. Восточные традиции также определяют планировку большинства кирпичных парфянских святилищ в Дура-Европос. Они строились вокруг большого открытого двора. На стороне, противоположной входу, стояла культовая часовня или несколько часовен, а вокруг двора располагались комнаты и часовни религиозных общин. Одной из интересных характеристик этих храмов является наличие небольшого театра. Например, храм Атаргатис имеет даже два, а в храме в Селевкии были обнаружен маленький театр, примыкавший к крыльцу храма на открытом воздухе, что можно считать подтверждением местного характера данного явления: театр был предназначен для того, чтобы группы зрителей могли наблюдать за какими-то обрядами.

Храм более позднего времени представляет пример иранского типа храмов на открытом воздухе, в отличие от тех, основой которых служили вавилонские и греческие образцы. Он представлял собой двор, окруженный стеной и построенный около 120 г. н. э. Внешняя сторона стены была ровной, а внутри ее украшали обычные полуколонны, соединенные арками. По внутренней стороне стены также шел крытый коридор. В Иране известны несколько открытых святилищ. Одно из них, в Барди-Нишанде, использовалось в течение многих веков. Другое, открытое стихиям, когда-то находилось в Шами, в горах Бахтиари в Западном Иране. В этом святилище вдоль стены тоже шла колоннада. Находки скульптур и культовых предметов, датировка которых лежит в диапазоне от среднеэллинистического периода до I в. н. э., указывают на то, что святилище возникло в селевкидский период. Возможно, еще одно святилище, где могло идти поклонение огню, существовало в Тахти-Сулеймане на северо-западе Ирана (фото 18). Это место стало важным центром паломничества и по-

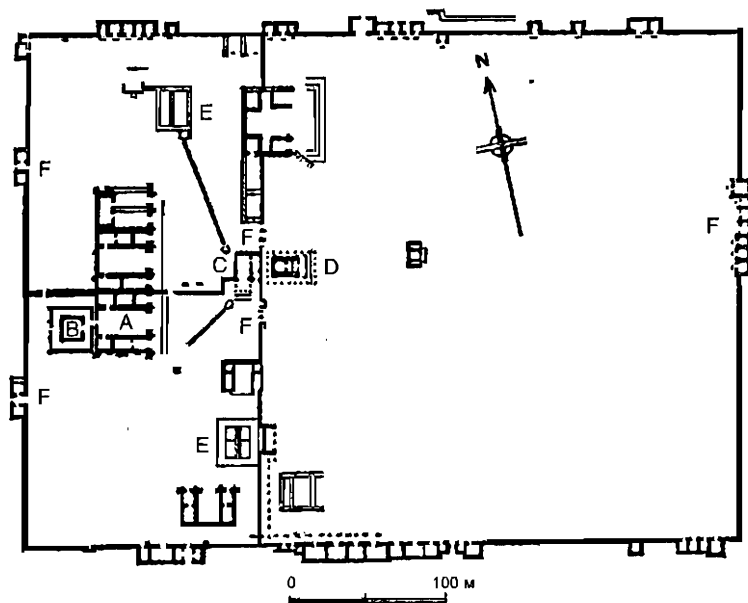

Рис. 34. План святилища Солнца. Хатра. I и II вв. н. э.
 А — большой южный айван, В — святилище Шамаша, С — храм Шахру, D — Эллинистический храм, E — резервуар для воды, F — ворота

клонения сразу после падения Аршакидов; возможно, что оно считалось священным и в парфянский период.

Айван впервые появляется в храмовой архитектуре, как и во дворцах, в течение I в. н. э. В Ашшуре, как и в других древних святых местах, на священной земле продолжали возводиться храмы. Пара противоположащих айванов, которые были построены над древним ашшурским храмом, видимо, имела религиозное назначение. Во II в. н. э. был добавлен третий айван, а двор украсился воротами. Все было построено из необожженного кирпича и покрыто гипсовой штукатуркой.

Колоссальное святилище бога Солнца, которое возникло в центре пустынного города Хатры, имело похожую историю. Главный храм начинался скромно, как

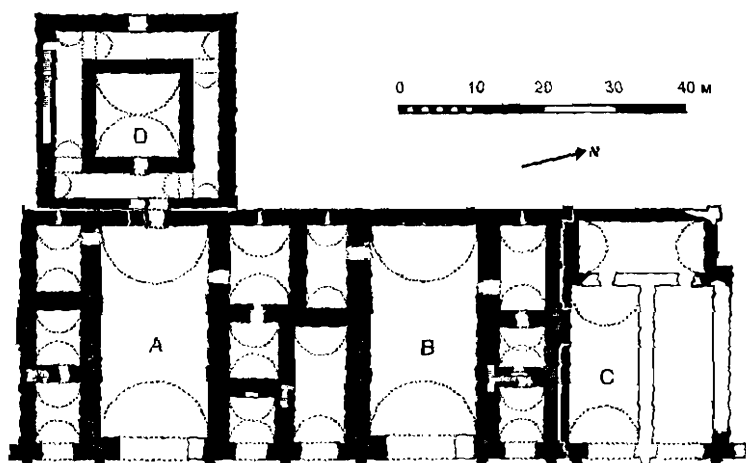

Рис. 35. План главных храмов (D — алтарь Шамаша) и айванов (A — C) святилища Солнца. Хатра. Конец I—II вв. н. э.

две противоположащие группы кирпичных айванов. Но к 77 г. н. э. более скромный строительный материал начал вытесняться известняком. Это изменение, возможно, было вызвано воздействием римских идей (фото 23). Кирпичные айваны превратились в высокие залы с полуцилиндрическими сводами, расположенные рядом друг с другом двумя группами по три. В каждой из групп небольшой айван с верхней комнатой над ним стоял по обе стороны от большого. К этому времени вся постройка была каменной, даже крыши. Айваны теперь занимали небольшую часть огромного четырехугольного двора, который делился на две части стеной (рис. 34). К первоначальному храму из двух групп айванов были добавлены новые, а к задней части было пристроено странное квадратное здание (рис. 35).

Гладкие внутренние стены этого главного храмового ансамбля имели привлекательные скульптурные двери, чьи коробки были украшены богатой резьбой, а к внутренним пилястрам добавлены театральные маски (рис. 36, фото 23, 64, 66, 68). Весь передний фасад объ-

единяла декоративная система полуколонн и арок, которые венчал сплошной фронто́н. Арочный профиль часто представлял как два ионических пояса (фото 68). Однако установка голов или верхней части торса божественных существ на некоторых камнях арочного свода и частое злоупотребление классической лепниной указывают на нежелание рабски следовать диктату рим-

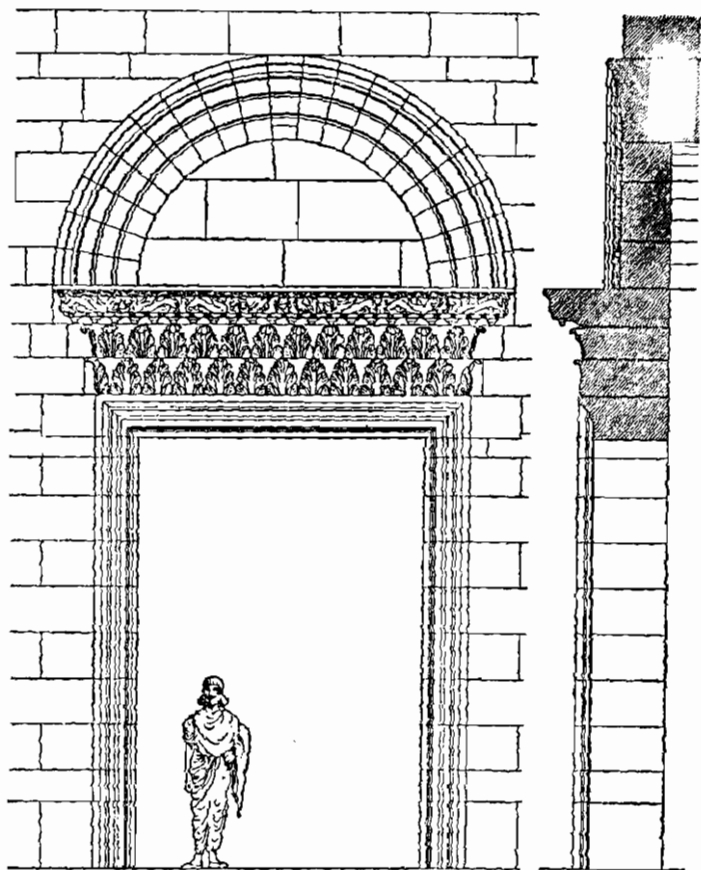
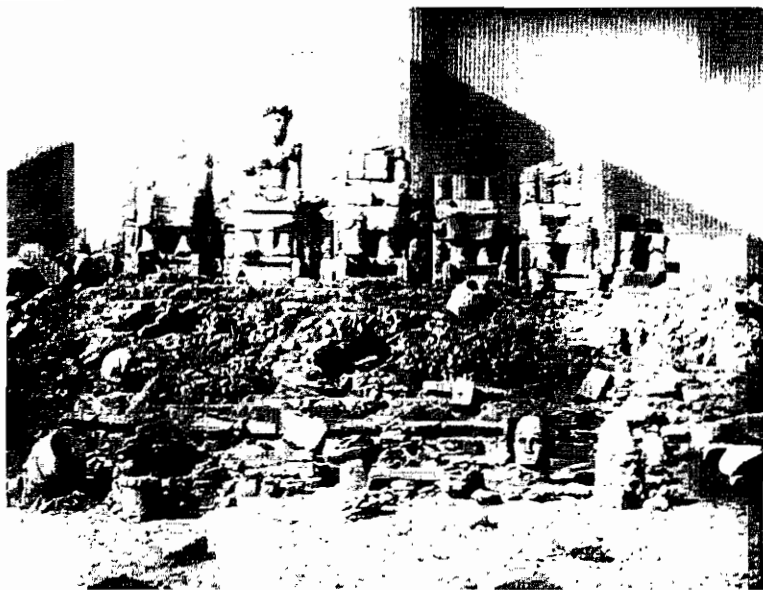

Рис. 36. Двери святилища Шамаша позади большого южного айвана. Хатра, II в. н. э.

ской моды. Поблизости, в западном дворе, находились отдельные здания айванов. Большинство из них были архитектурно схожи с главной группой. Святилище Шахру (здание D на плане) (рис. 35) было храмом в греко-римском понимании этого слова, ибо могло похвастаться крыльцом с шестью колоннами, каждая из известняковых накладок (рис. 37). Сам западный двор был разделен поперечной стеной. Общая планировка этой группы строений представляется незаконченной. Арочные ворота с лепниной в классическом стиле и богатой резьбой вели в больший двор. Там стоял так называемый Эллинистический храм, который относился бы к ортодоксальному восточноримскому стилю, если бы строители не разместили пару колонн прямо на ступенях (рис. 34, D). Бороздки, заметные на коринфских капителях колонн и антаблементе, указывают на то, что строительство следует отнести к концу II или началу III в. н. э.

Другие храмы, обычно имевшие внутренние дворы и айваны, строились вокруг главного святилища группами. Они начинали строиться из кирпича, а заканчивались в известняке; в их планировке заметна связь с храмами Вавилонии, а также Дура-Европос и Сирии того времени. Даже в период упадка, когда город разрушали Сасаниды, гигантские айваны хатрских храмов сохранили величественную простоту. Их вид объясняет то, что арабы, видевшие гулкие руины заброшенного города, вплетали рассказы о Хатре и ее царях в свои легенды.

Квадратное здание, соединенное с задней частью айванов, храм Солнца в Хатре, является одним из видов парфянских религиозных строений (рис. 35). Одно из таких мы уже встречали — это мавзолей Новой Нисы. Здание в Кухе-Ходже, видимо, было храмом огня, поскольку там был найден сброшенный алтарь огня, лежавший у своего кирпичного основания. Здание доминировало над всем комплексом (рис. 28, B). Оно было построено в I в. н. э. из необожженного кирпича и имело квадратное центральное помещение, окруженное

АРХИТЕКТУРА

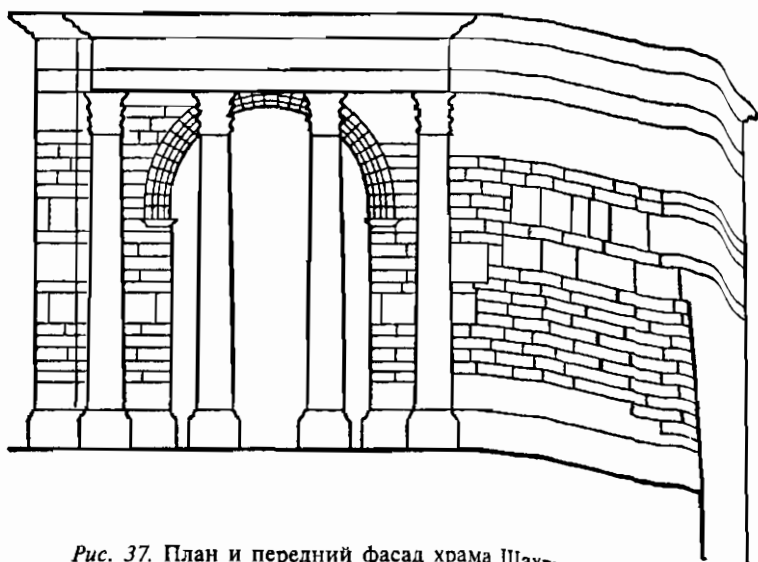
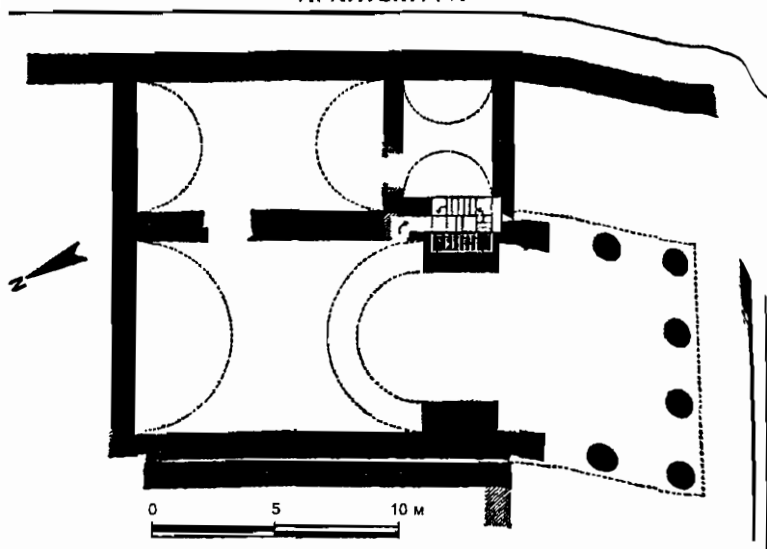

Рис. 37. План и передний фасад храма Шахру.
Видимо, II в. н. э.

Хатра.

крытым коридором. Потолок помещения представляет собой странный свод на опорах, прямой предшественник более позднего сасанидского свода, который использовался в храмах огня и других крупных зданиях. Святилище в Хатре было посвящено богу Солнца Шамашу. Здесь также имелась центральная комната, перекрытая полуцилиндрическим сводом, которую полностью окружал коридор, также сводчатый (фото 25). В стенах имелись две лестницы, по крайней мере одна из которых вела на крышу. Храм был пристроен к задней стене уже выстроенных айванов. Импровизационный характер хатрской архитектуры прекрасно иллюстрируется проблемой, которая встала перед строителями, когда им пришлось пробивать заднюю стену южного айвана, чтобы создать вход в это святилище (рис. 36). Сначала они пробили вход по оси храма, но затем поняли, что он оказался не в центре задней стены айвана, что было очень заметно. Тогда они заложили этот вход и пробили рядом другой, теперь уже по центру южного айвана. На этот раз он, конечно, оказался не в центре храма, однако это отсутствие симметрии было менее заметным в узком коридоре святилища Шамаша (фото 25). Совершенно очевидно, что заранее никто не подумал о расположении входа. Поклонялись ли в этом храме огню, сказать невозможно. Однако квадратный план этих святилищ явно почерпнут у ахеменидских храмов огня и позднее был использован сасанидами при строительстве их святилищ огня.

Окружающий главное помещение коридор и квадратная центральная комната были важными иранскими чертами уникального храма, обнаруженного в Таксиле; сейчас это место находится на северо-западе Пакистана (рис. 32, D). Однако в этом храме, который датируется скифо-парфянским периодом, также видны поразительные греческие характеристики, проявившиеся в общей планировке и ионических колоннах у входа. Возможно, самой близкой парфянской параллелью может служить Периптер из Ашшура. Задняя треть алтарного помещения была отделена перегородкой от передней части храма, и в нее

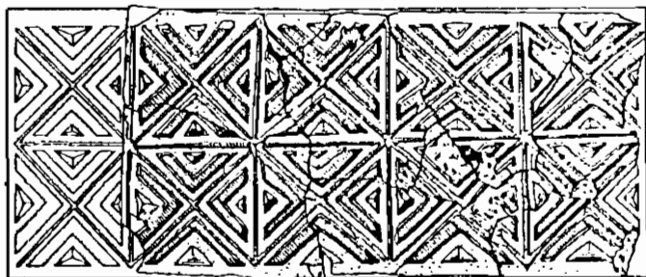
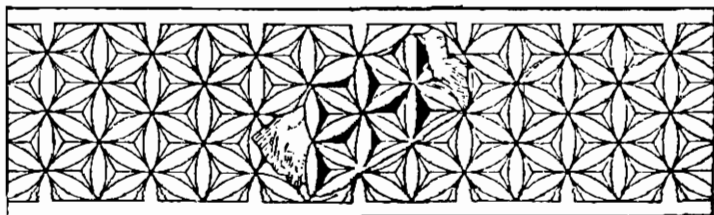
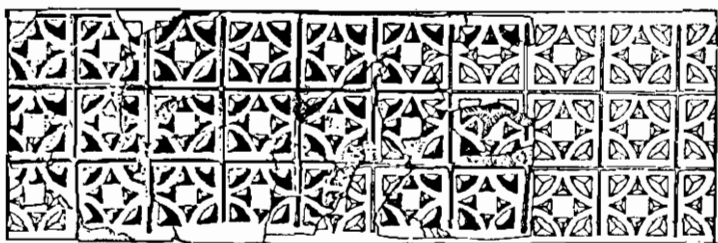

Рис. 38. Участки украшений штукатурки из Ашшура.
Позднепарфянский период

можно было попасть только из задней части коридора, которая хорошо освещалась многочисленными окнами. Здесь вход, окруженный полуколоннами, располагался на маленькой площадке, рядом с лестницей, которая вела в ныне разрушенную верхнюю часть здания. Возможно, наверху происходило поклонение огню или какому-то местному культу. Карпичная кладка храма была покрыта прекрасной штукатуркой из молотых раковин: об этой особенности региона упоминал Филострат, чье жизнеописание Аполлония Тианского сильно нуждается в реалистических деталях.

Использование штукатурки, часто весело раскрашенной, которая служила для защиты и украшения зданий, было давней традицией Древнего мира. На Ближнем Востоке рельефный орнамент в виде животных и других изображений по мере необходимости накладывался на кирпичи, которые покрывались штукатуркой или красились и глазуровались. Один кирпич мог нести один элемент узора, либо элемент узора составляли сразу несколько кирпичей. В парфянский период такой тип украшений стал очень редким. Однако в I в. н. э. по всей Парфии внезапно начался всплеск создания декоративных элементов на самой штукатурке (рис. 38). Эти украшения применялись на наиболее заметных деталях здания и подчеркивались яркой раскраской. Эта декоративная штукатурка появилась на внутренних дворах, айванах, входах и главных комнатах и особенно обильно использовалась на арках, лепнине, потолках и колоннах. Штукатурка изготавливалась путем нагревания гипса и смешивания полученного порошка с водой. Внимательное исследование штукатурки, найденной в Селевкии на Тигре, показало, что с ней работали уже после того, как она была наложена на место. Образцы такой штукатурки, найденные на удалении друг от друга в Ашшуре и Кухе-Ходже, принадлежат к одному типу украшений (фото 24, 27). Доминируют греко-эллинистические мотивы. Среди них часто встречаются листья аканта, меандр, спиральные лозы и квадратные сундуки. Эти узоры были распространены по всему востоку Римской империи. Однако встречаются и

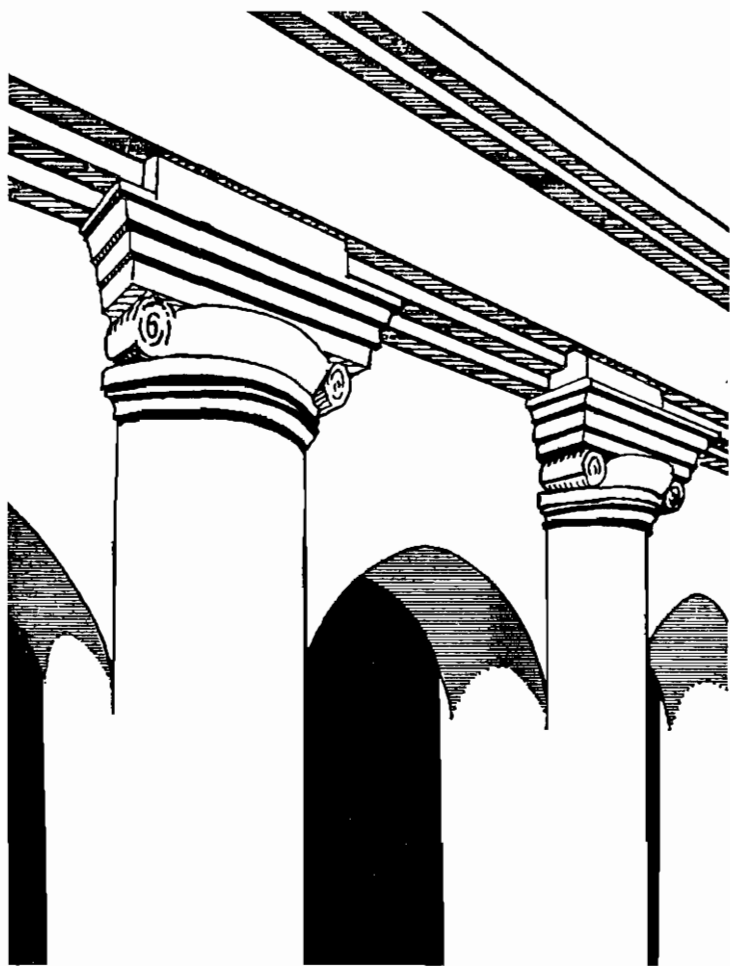

Рис. 39. Ионический антаблемент в кирпиче и штукатурке, перистиль парфянского дворца в Ашшуре. I в. н. э.

азиатские узоры, такие, как розетки и зубчатые стены. Единственным важным местом раскопок, где такая декоративная штукатурка не появилась, является Ниса, где местные ремесленники использовали в качестве архитектур-

турных украшений формовую терракоту. Работать со штукатуркой было быстро и легко; старые декоративные формы часто подвергались дурному обращению и принимали странные новые облики (рис. 39). Например, очень сильно пострадала ионическая капитель. Невозможно сказать, где именно возник такой способ украшения, поскольку он появляется в обоих концах Парфии примерно одновременно, как и айван. Но скорее всего, он был иранским изобретением, которому предстояло большое будущее. Сасаниды приняли и усовершенствовали парфянские методы, и раскрашенной архитектурной штукатурке суждено было превратиться в персидские изразцы.

В инженерном искусстве и методах строительства парфянские архитекторы не могли соревноваться со своими западными соседями, римлянами. Отчасти это объяснялось местными условиями. Имевшиеся в их распоряжении материалы благоприятствовали строительству из кирпича, а не камня, однако компоненты для римского цемента встречались в малых количествах. Кроме этого, даже возможности строительства из кирпича были реализованы не полностью. Тем не менее в течение парфянского периода возникли некоторые нововведения. В Ашшуре обнаружены интересные методы кирпичной кладки (рис. 40). Некоторые стены из обожженного кирпича клались рядами, в которых обычная горизонтальная кладка перемежалась вертикальной. Еще более интересным представляется способ создания колонн из кирпича. Их располагали как куски торта, а затем всю колонну покрывали «кремом» из гипсовой штукатурки. Этот метод кирпичной кладки позже был перенят Сасанидами в Ктесифоне. Кирпичные своды, которые уже много веков были характеристикой вавилонской архитектуры (хотя и второстепенной), стали очень популярными и иногда принимали немалый масштаб. Это стало возможным благодаря улучшенному составу гипсового раствора, который очень быстро высыхал. Дворец в Ашшуре представляет собой один из наиболее сложных образцов парфянской архитектуры. Один зал был перекрыт цилиндрическим сводом, кото-

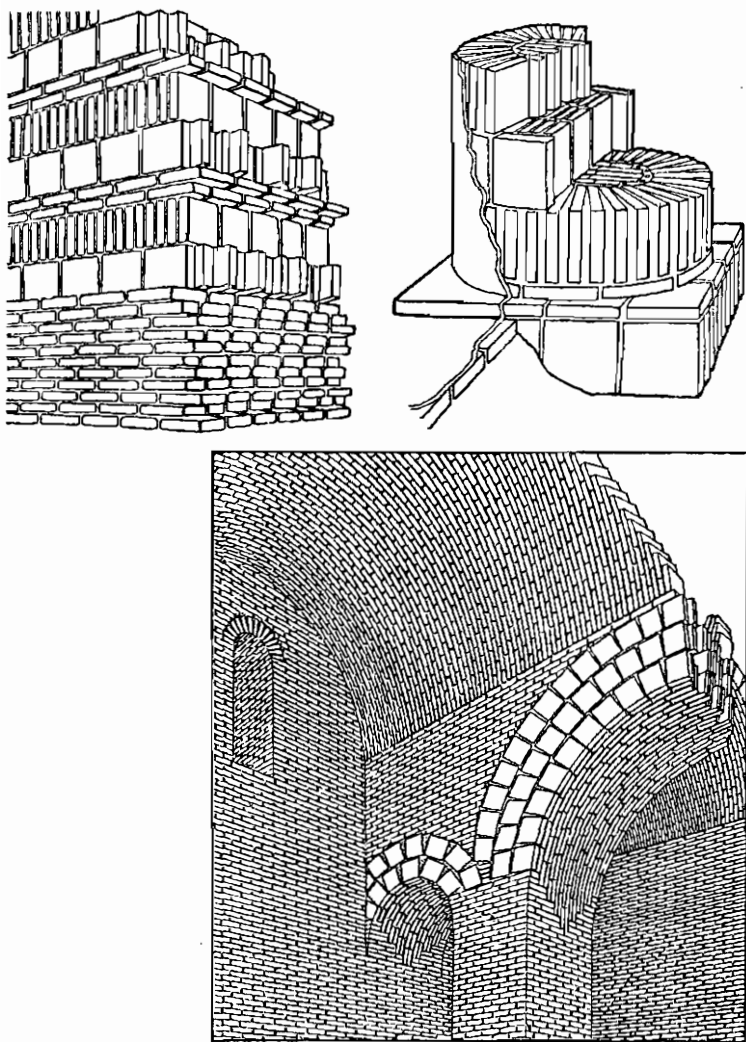

Рис. 40. Примеры кирпичной кладки в Ашшуре, показывающие расположение обожженных кирпичей в стенах, колоннах и сводах парфянского дворца. I в. н. э.

рый опирался на кирпичную аркаду (рис. 40). Однако даже здесь свод довольно простой. Он поднимается высоко над арками, так что проблем с пересечением нет. Восточные строители того периода приблизились к таким проблемам только в простом своде с опорами в Кухе-Ходже. Однако это было исключением. Главные недостатки парфянских инженерных методов проявляются в их каменных зданиях. Стены со всех сторон покрыты хорошо вытесанными блоками из известняка и содержат центральную часть из бутового камня. Храм Солнца являет образцы псевдоизодомной кладки, в которой узкие блоки чередуются с широкими (фото 68). В большинстве помещений храмов и камер усыпальниц используются каменные своды (фото 25).

Эти перекрытия снова представляют собой простейшие цилиндрические своды: прямой туннель без пересечений. Имеется два основных вида цилиндрического свода; наиболее простой из них сооружается с помощью обычной кладки с замковым камнем. Однако некоторые из меньших помещений храма Солнца были перекрыты рядом каменных арок, расположенных достаточно близко друг от друга, и в промежутках между ними можно было установить плоские каменные балки — это тоже практиковалось в Риме (рис. 41). В любом случае пазухи свода над ними заполнялись бутом, чтобы создать выше плоский пол или крышу. Давление крупных сводов принимали на себя толстые опорные стены и небольшие боковые комнаты, которые отчасти работали как контрфорсы. Не делалось попыток подражания сложным крестовым сводам и куполам римской архитектуры того времени. Описанный Филостратом зал с сапфировым куполом во дворце Вардана в Вавилоне можно отнести, как простую выдумку. Помимо этого, пятидесятифутовый размах самого крупного свода в Хатре более чем вдвое уступает по ширине тому, который уже создали римляне. Однако простота архитектуры не исключала величественности.

Наверное, уже стало понятно, что принципы, которые легли в основу парфянской архитектуры, не были

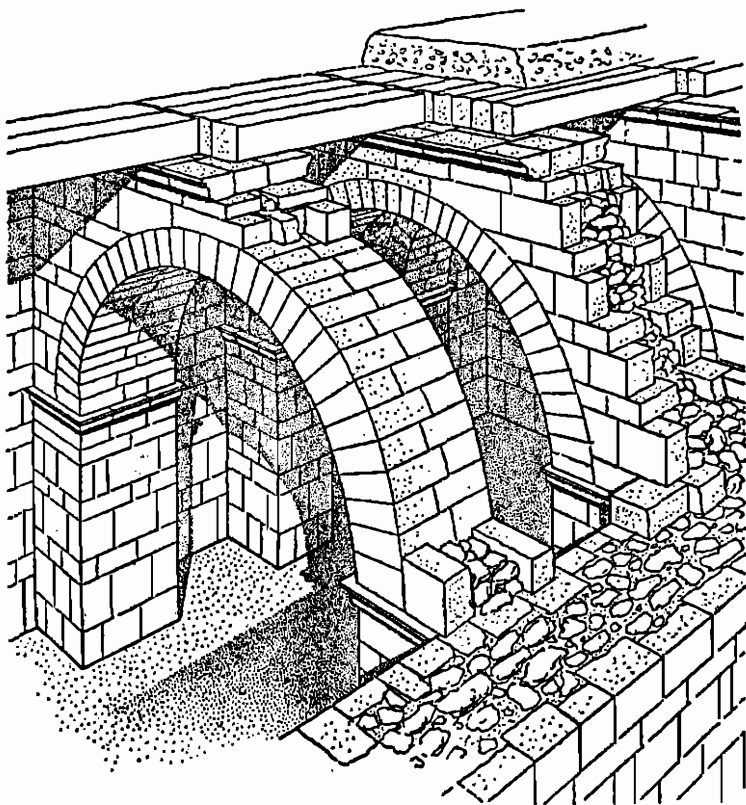

Рис. 41. Способ создания каменного свода, использованный в главном святилище Хатры. Вероятно, около 100 г. н. э.

многочисленными или разнообразными, а порой даже основывались на противоречащих друг другу принципах. Наиболее серьезная проблема, с которой столкнулись строители, заключалась в усвоении греческой, а позже римской практики, поскольку основы этих архитектур, как и использовавшиеся в них материалы, совершенно не походили на их родные традиции. Однако к I в. н. э. эти проблемы уже были решены. Парфяне решили вопрос о том, как использовать грече-

ские архитектурные формы — колонну, архитрав и другие, поступив точно так же, как уже поступили римляне: превратив их в накладные украшения. Колонны превратились в полуколонны и пилястры, архитравы стали декоративными фризами. Все это облегчалось благодаря использованию кирпича и созданию декоративной штукатурки. Естественно, как только греческий элемент терял свою определенную функцию, его роль в украшении здания могла произвольно меняться. Такая свобода привела к созданию новых экзотических декоративных схем (фото 27). Разноцветные фасады айванов Ашшура могут служить примером новых возможностей. Дизайн этих фасадов возник из сочетания римской (или эллинистической) триумфальной арки и типичного театрального задника. Многочисленные полуколонны, расположенные группами по обе стороны арочной ниши, лишились своих баз, энтазиса и изящных капителей греческих предшественников. Их стройность и несимметричное расположение делают их ближе к рифленным фасадам вавилонской архитектуры, чем к западным формам. Их эффект основан на количестве, они «поддерживают» архитрав, на котором украшение является главным, а функция потеряла значение: панели фасада даже не связаны с помещениями, находящимися за ними. Доминирующим элементом всего фасада является арка — вход в айван. Парфянские строители безжалостно изменяли греческие формы и украшения. В своей каменной архитектуре они были не такими смелыми. Святилища в Хуре и Кангаваре были построены по греческим образцам, даже если строгие греческие правила и игнорировались. Колоннады Хатры изготавливались из каменных блоков в классической греческой манере. Кроме того, в колоннах присутствует сужение в верхней трети — память греческого энтазиса (рис. 37). Святилище Шахру могло похвастаться шестиколонным портиком, а эллинистический храм — даже перистилем. «Коринфские» капители Хатры, двойные пояски вокруг арок айванов, греческая лепнина (пусть часто в некласси-

ческих местах) свидетельствуют о сильном влиянии Римской империи (рис. 36). Но парфянские строители оставались хозяевами, а не рабами принятых ими идей и использовали собственные значительные нововведения. Айван не имел прецедентов на Древнем Востоке. Строительство совершенствовалось с распространением гипсового раствора, позволив парфянам превратить свод из относительно малозначащего архитектурного элемента в венец своих залов с айванами. В своде с опорами Кухе-Ходжи был сделан первый шаг к сасанидскому куполу, а многообразное применение декоративной и расписной штукатурки привело к последующему расцвету изразцов. Парфяне создали архитектурные приемы, которые были усвоены, усовершенствованы их преемниками и до сих пор оказывают влияние на архитектуру иранских районов.

Глава 8

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Несмотря на разрушительное действие времени, которому помогали Сасаниды и более поздние династии, сохранилось достаточное количество произведений изобразительного искусства Парфии, поэтому возможно дать хотя бы приблизительную характеристику его развития. Выделяются три основных этапа. Первым была эклектика, когда источником вдохновения были более древние восточные и современный греческий стили. К концу I в. до н. э. эта смесь стилей преобразовалась в парфянский стиль. И наконец, в конце II и начале III в. н. э. парфянское искусство приходит в упадок. Уровень придворного и официального искусства стремительно падает, его лучшие образцы сохраняются только в вассальных царствах и сообществах, находящихся на окраинах парфянской культурной области.

Появление греко-эллинистического изобразительного искусства с подвижными позами фигур, зрительными эффектами и художественным пространством не могло не устроить традиционному искусству Востока сильную встряску. Ряды профильных фигур в застывших позах, уплощенная рельефная резьба, отсутствие интереса к научному изображению пространства и любовь к декоративным деталям и нереалистической драпировке, строго фронтальные скульптуры — эти характеристики прочно внедрились в стили Ближнего Востока в течение тысячелетий. Парфянские мастера изобразительных искусств были первыми азиатами, которым пришлось принять на себя и усвоить напор эллинизма.

До второй половины I в. до н. э. свидетельств такого усвоения почти нет. Этот контраст между восточным

и греческим стилями особенно заметен в ранних аршакидских монетах, которые отражали стилистические изменения в изобразительном искусстве. Монеты Митридата I (около 171—138 гг. до н. э.) демонстрируют по крайней мере четыре различных стиля (фото 6, а, аа). Монеты, чеканившиеся на северо-востоке Ирана, показывают его голову в профиль. Он безбород и носит островерхую шапку саков — башлык. На изображении иранец, а стиль — модификация греческого, как и тот, что использовался в монетах, отчеканенных в Центральном Иране. Третий стиль, вдохновленный греческой чеканкой Бактрии, использовался на монетах, которые предположительно выпускались на территории, которую Митридат захватил у царя Евкратиды. И наконец, когда он вошел в Селевкию, то использовал чеканы Деметрия для выпуска великолепных серебряных монет с красивым профилем его головы в селевкидско-греческом стиле (фото 6, б, bb). Таким образом, на монетах Митридата стиль и предмет изображения меняются в соответствии с регионом и традицией.

Эта вариация стилей еще более поразительна в отношении крупномасштабного искусства того времени. Неумелый субахеменидский стиль использован в рельефах храма огня, воздвигнутого в Персеполе в ранний селевкидский период. На дверной коробке в молитвенных позах изображены местный правитель (или царевич) и его жена. Фрагменты мужской скульптуры селевкидского периода, созданной не в таком унылом варианте того же стиля, обнаружены в Сузах. Эти персидские традиции продолжали жить в Финикии и Анатолии и легли в основу крупного парфянского скального рельефа Митридата II в Бехистане (рис. 4). Царь стоит лицом к четырем своим вассалам, которые изображены перед ним в профиль шеренгой в соответствии с их рангом. Такая сцена типична для ахеменидского искусства, однако вся утонченность исчезла. Фигуры вырезаны очень низким рельефом, а внутренние детали переданы гравированными линиями. Тонкое изображение объемов уступило место графичности.

Некоторое ахеменидское влияние еще можно заметить в прекрасных рельефах и статуях, созданных по приказу царя Антиоха I Коммагенского (69—34 гг. до н. э.) для украшения его огромного храма-склепа, или иеротезия, в Нимруд-Даге на юге Анатолии. Здесь, над своей столицей Арсамейей на Нимфее, он должен был стать после смерти объектом поклонения; здесь же отправлялись обряды синкретических греко-персидских божеств Коммагены (фото 29). Построенное им святилище грандиозно. С трех сторон его окружали террасы, а в центре высился курган высотой почти в двести метров. На восточной и западной террасах стоял ряд из пяти колоссальных сидящих фигур, во много раз превосходящих человеческий рост: они изображали четыре божества и самого Антиоха (фото 31). В стенах террас находились около девяноста каменных рельефов, изображавших, как правило, две фигуры, одной из которых опять был Антиох. Он изображен обменивающимся со своими богами дружеским рукопожатием. Мы видим также его предков по мужской линии, которые прослеживаются до ахеменидского монарха Дария, сына Гистаспа (Виштаспы). Там же изображен лев, символ созвездия Антиоха. Фигуры и статуи имеют греческие надписи. Иеротезий отца Антиоха Митридата Каллиника в Арсамее имеет похожий набор рельефов (фото 30). Нечеткие контуры и уплощенный рельеф этих фигур, а также узорчатые складки драпировки и тонкий орнамент рельефов и скульптур следуют за ахеменидской традицией. Из греческого мира художники позаимствовали некоторые божественные фигуры, в частности Зевса и Геракла, которые становятся изображениями их местных божеств. Высокая заостренная тиара на голове у колоссальной статуи Геракла, персидская тиара и туника Аполлона на рельефах, головной убор царей Армении и иранский костюм самого царя — это все элементы современного им мира Парфии. И это не все нововведения, которые здесь присутствуют. Встреча и рукопожатие бога и царя, а также сцена с двух пострадавших рельефов, на которых Антиох передает корону

своему сыну и преемнику, возвещают о создании нового мотива иранского искусства: инвестируры, основного предмета изображения на сасанидских памятниках.

Однако если здесь и присутствует новизна, то в целом святилище задумано в традициях, которые были древнее даже ахеменидских. Львы-охранники, колоссальные скульптуры на террасах и панельные рельефы безошибочно напоминают о монументальных памятниках зодчества хеттов. Все эти традиции соединились в мощном творении: неподготовленному посетителю святилища может показаться, что он попал в место последнего упокоения какого-нибудь египетского фараона, а не мелкого царька юга Анатолии.

В других районах сохранялись иные традиции. Пятиста лет нищенства и политического забвения того, что когда-то было Ассирией, не хватило, чтобы стереть из памяти стиль ассирийского изобразительного искусства (фото 32). Около 89/88 г. до н. э. в городе Ашшуре были изготовлены два высоких надгробия. Хотя бородатый мужчина, изображенный на обоих, облачен в парфянскую тунику и штаны, в целом скульпторы по-прежнему придерживались старой традиции. Глубина рельефа невелика, стела имеет закругленную верхнюю часть, а мужчины изображены в профиль, как раньше. Рядом с головой в обоих случаях появляются древние религиозные символы Ассирии. Некоторые ассирийские черты, смешавшиеся с греческими, можно также найти в небольшой голове из зеленовато-черного камня, которая была найдена где-то в Месопотамии. Борода, прическа и диадема напоминают некоторые портреты Митридата I с монет; возможно, эта голова является изображением этого монарха.

Не следует удивляться, что в ранний период можно найти немало образцов греческого искусства. Ниса дала весьма интересные предметы, включая множество таких, которые относятся к первым двум векам парфянского правления. Самые заметные открытия были сделаны в разрушенной «сокровищнице» Старой Нисы. В различных помещениях этого здания, брошенные там, где гра-

бители отвергли их ради более ценной добычи, оказались оружие, бляхи со щитов, терракотовые фигурки, раскрашенное и рифленое стекло, керамика, эллинистические металлические фигурки Афины, Эроса и Сфинкса, кроме этого, несколько прекрасных резных изделий из слоновой кости. В их числе были ножка трона в форме лапы грифона, сжимающей листья, и целый ряд великолепных ритонов — рогов для питья. Эти ритоны были не только украшены инкрустациями из камня, цветного стекла и золота, но по краю имели фигурки, иллюстрирующие сцены из греческой мифологии, или ряд голов (рис. 42). Рог завершался резной фигурой — крылатым кентавром, львом или богиней. Здесь объединились по крайней мере две художественные традиции. Форма рогов взята у ахеменидских ритонов. Мифологические сцены имеют греческое происхождение и выполнены в греческой манере. Однако декоративный ряд голов — это иранская черта парфянского искусства, которую, например, можно увидеть и на арках айванов в храмах Хатры. Другие открытия подтверждают такую вариативность стилей. Греческое искусство дало две эллинистические мраморные статуэтки женщин или богинь. Однако голова Геракла, возможно, на самом деле является изображением Веретрагны (рис. 3, фото 3). Фрагменты глиняных статуэток неопределенного стиля, обнаруженные во дворце, возможно, принадлежали фигурам царственных предков.

Рис. 42. Верхняя часть ритона из слоновой кости с фигурными украшениями, обнаруженного в Нисе. На главном поле процессия сопровождает некое животное. Выше — ряд голов. Высота примерно 5 см

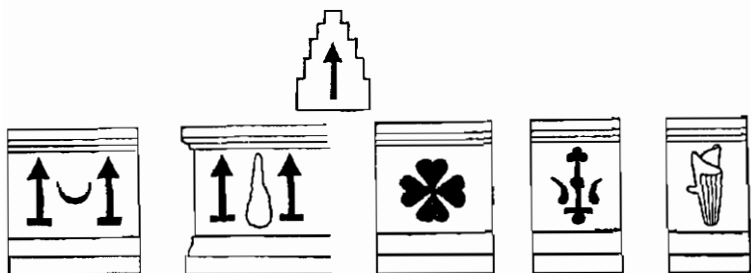

Рис. 43. Элементы терракотовых украшений из мавзолея. Ниса. Раннепарфянский период

Ряд архитектурных фрагментов из терракоты демонстрируют смесь греческих и азиатских тем и форм (рис. 43). Снова появляется старый ассирийский ступенчатый зубец. Повернутые вверх стрелы, полумесяц, дубинка и другие изображения, присутствующие на терракотовых плитках, возможно, следует интерпретировать как иранские символы божеств.

Близость парфянского города Нисы к сильно эллинизированному царству Бактрия поднимает важный вопрос о том, не присутствует ли здесь влияние греко-бактрийского стиля. Прекрасные монеты Бактрии, портретная голова Евтидема и находки в раскопах Ай-Ханум в Афганистане свидетельствуют о высоком уровне бактрийского изобразительного искусства. Самое большое значение для нас имеет Ай-Ханум, населенный примерно с 300-го до 100 г. до н. э. Там были обнаружены фрагменты скульптур, стиль которых является греческим, однако изготовлены они из глины. Там же найдены архитектурные фрагменты, напоминающие парфянские из Нисы. Это первые бесспорные свидетельства художественных связей.

Примерно в первые годы нашей эры мы видим стремительное превращение этого смешения в достаточно стройный и единый парфянский стиль изобразительного искусства империи. Представляется, что этот стиль развился в районе Месопотамии. Как и все художественные стили, он подвержен определенным регио-

нальным изменениям, однако всегда наблюдается основополагающее единство, которого прежде не существовало. Предвестниками появления этого стиля стали перемены, происходившие в изображениях на парфянских монетах в течение I в. до н. э. (фото 6). Чисто греческие монеты исчезают навсегда, а монеты «азиатского» стиля исполняются во все более однородной и линейной манере. Ближе к началу нашей эры голова царя на монетах появляется только как ряд выпуклых линий. Черты его лица, так же как волосы и венец, подчиняются восточной любви к узору. Эти линейные узоры и отказ от реалистического изображения представляют собой заметные черты зарождающегося парфянского стиля. В него входят мотивы из разных источников, восточных и греческих. Фигуры греческих богов по-прежнему используются для того, чтобы представлять их азиатских двойников.

По капризу судьбы первыми образцами подлинно парфянского искусства стали произведения, обнаруженные в месте, которое в строгом смысле нельзя назвать парфянским. Они были найдены в Пальмире, политически относящейся к Римской Сирии, однако находившейся на западном краю культурной области Парфии. В начале нашей эры Пальмира была развивающимся городом, который рос за счет караванной торговли, а также важным оазисом в Сирийской пустыне. Самые ранние памятники пальмирского искусства, обнаруженные к настоящему времени, были найдены намеренно закопанными в траншее, вырытой до 32 г. н. э. на территории все еще внушающего благоговение храма Бела. Эти слабые произведения представляют собой фрагменты небольших рельефов, которые украшали здание жалкого предшественника храма Бела и были сочтены ненужными. Однако они имеют огромное значение для истории парфянского изобразительного искусства. На некоторых из них был изображен ряд профильных фигур — стандартный предмет изображения для искусства Западной Азии, которое существовало уже несколько тысяч лет. Однако в этой череде фигур выделяются

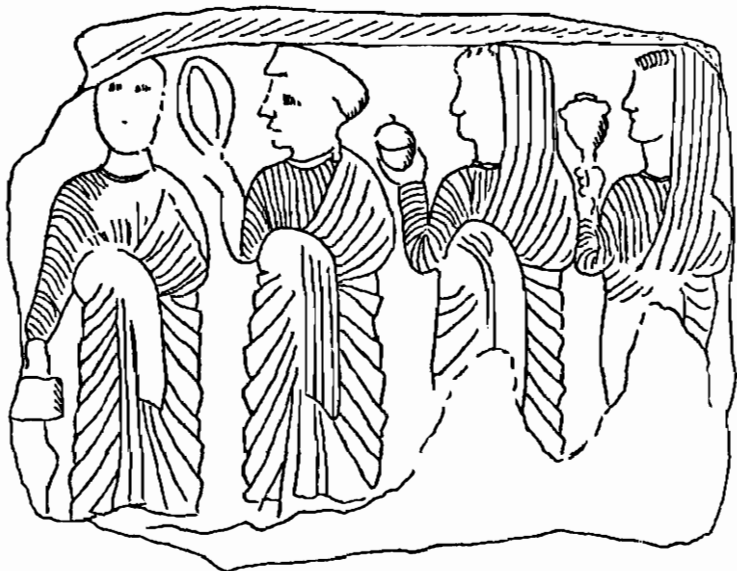

Рис. 44. Рельеф из мягкого известняка, найденный в транше в дворе храма Бела в Пальмире. Верующие, мужчина и две женщины, изображены в профиль рядом со жрецом, бросающим благовония на алтарь. Вероятно, конец I в. до н. э. Высота около 60 см

две. Одна является изображением мужчины у алтаря (рис. 44). В отличие от остальных фигур на этой сцене, видимых в профиль, он повернут так, что стоит почти лицом к зрителю. На втором рельефе изображена похожая сцена, но фигура служителя полностью фронтальная. Эти рельефы возводят о появлении в ближневосточном искусстве нового и революционного принципа: фронтальности. В течение следующих нескольких десятилетий такой способ расположения фигур в сцене стал в парфянском изобразительном искусстве почти повсеместным. Участники сцены или действия больше не связаны друг с другом логически: все они обращают свои взгляды, а зачастую и свое тело к зрителю (фото 34—36, 38—39). Если учесть, что в течение более трех тысячелетий восточное искусство в рельефах и живописи

си использовало почти исключительно профильные фигуры — с очень немногочисленными и стандартными исключениями, — то масштаб этой перемены в традиционном искусстве Востока становится наглядным.

Принципы нового парфянского художественного стиля используются в некоторых религиозных сценах, которые были созданы для украшения храма Бела в Пальмире, освящение которого состоялось 6 апреля 32 г. н. э. Портик с колоннами — или перистиль, — окружавший храм, соединялся с основным зданием большими известняковыми балками, которые когда-то поддерживали крышу перистиля (фото 35, 36). Оба конца каждой балки украшает религиозная сцена, вырезанная низким рельефом и первоначально раскрашенная. Не заметно, чтобы расположение религиозных сцен на этих балках подчинялось какой-то общей схеме: возможно, их беспорядочно преподносили различные жертвователи (рис. 45). В качестве примера можно привести «Битву богов со змееногим гигантом»: пешие и конные боги энергично атакуют гиганта. Эта сцена взята из какого-то забытого восточного мифа. Не делается попытки передать пространство, в котором происходит все действие. Зритель «прочитывал» иконографию сцены как битву и опознавал божества по их одеяниям и символам, как это делали его предки в течение многих веков. Однако каждое божество, участвующее в сцене, даже то, что несется на гиганта верхом на коне, смотрит на зрителя. Эффект этой новой условности рассчитан на то, чтобы вовлечь нас, зрителей, в происходящее. Наша связь с изображенными божествами становится личной.

Скорость, с которой фронтальность вытеснила древние профили, поражает. Фронтальность вторглась в Пальмиру примерно в конце I в. до н. э. К 32 г. н. э., которым датируются рельефы с балок Бела, профильные фигуры в Пальмире стали устаревшими: в лучшем случае они прячутся в углах изображений, представляя собой подчиненные фигуры. После появления этих рельефов фронтальность становится доминирующей в пальмирском искусстве. Религиозные рельефы, датированные

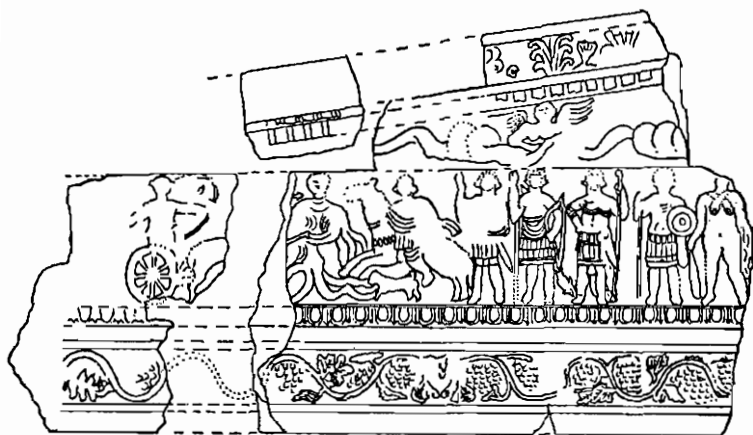

Рис. 45. Рельеф с известняковой балки перистиля из храма Бела в Пальмире, изображающий ряд богов — пеших, конных и на колеснице, атакующих змееного гиганта (слева в центре). Наверху — крылатый бог-змей. Приблизительно 32 г. н. э. Высота балки 2 м

31/32 и 54 гг., из Дура-Европос также демонстрируют эту новую условность, после чего она достаточно быстро распространяется по всем регионам Месопотамии, Вавилонии и Западного Ирана. Очень пострадавшие от времени скальные рельефы Бехистана 50 г. н. э., на которых мы видим сидящего верхом на коне царя Готарза II, пронзающего копьем врага, все еще выполнены в старой, профильной традиции. Однако самой сцене — сражению двух конных воинов — предстояла долгая жизнь в позднепарфянском и сасанидском изобразительном искусстве. Еще один царский рельеф примерно того же периода, помещенный на скальный склон в Хунги-Аздаре в Западном Иране, принадлежит к переходному периоду. Всадник, изображенный в профиль, приближается к четырем фронтальным фигурам, которые, возможно, приносят ему поклонение (рис. 21). Затем на западе Парфии фронтальность начинает определять композицию: она присутствует на погребальной стеле в Ашшуре, в религиозной сцене в Бехистане и в ряде скальных рельефов: например, в Шимбаре и Танги-Сарваке. К концу I в. н. э. фронталь-

ность распространилась даже на Восточный Иран. Ее появление ставит интересные вопросы, и не последним из них является причина, по которой фронтальность была принята.

Представляется, что фронтальность появляется как способ выделить важное божество, фигуру или несколько фигур в религиозной сцене, чтобы установить личный контакт со зрителем. Персонажи, которые обычно имели меньшее значение, могли по-прежнему изображаться в профиль, но вскоре и они начинают подчиняться этому правилу. Таким образом, те, кто смотрел на рельефы, имели более тесный контакт с божествами, которым поклонялись, и со сценами, в которых эти фигуры участвовали. Объяснение того, почему фронтальность появилась в искусстве запада Парфии именно в этот момент, искали в политических и теологических условиях, превалировавших в тот момент на этих территориях. В глазах семитов, населявших Месопотамию, их местные божества сравнительно недавно одержали важную победу. Боги Селевкидов не смогли защитить своих поклонников, селевкидское правление потерпело провал, и семитские баалы торжествовали. Это вызвало подъем национальных чувств и придало уверенность в себе народу, который находился у них в подчинении (рис. 11). Их арамейский язык стал местным официальным языком в ряде городов этого региона, включая Пальмиру, Дура-Европос, Ашшур и Хатру, и остался таким даже после того, как снова было установлено господство пришельцев — парфянских или римских. Эти национальные чувства в соединении с недавно выработанными религиозными и философскими идеями значения личности пробудили в семитском населении стремление к более тесному личному контакту со своими божествами через их изображения. Предполагается, что фронтальность была способом достижения этой цели. Введенная в религиозные изображения, эта традиция распространилась на все сферы изобразительного искусства по всему Парфянскому царству, а затем и за ее пределы.

Остальные религиозные сцены с балок перистиля храма Бела в Пальмире демонстрируют многие темы парфянского религиозного искусства: боги и богини в иератических фронтальных шеренгах, возжжение благовоний на маленькой курильнице, стоящей рядом с поклоняющимся, и мифологические картины. Парфянские художники, как и их восточные предшественники, не стремились к тому, чтобы создать художественное пространство или придать своим фигурам большую убедительность. Они не думали о том, чтобы изобрести оригинальные композиции. Вместо этого мы прежде всего находим повторение традиционных формул. Божества различаются по их атрибутам. Их жесты, позы и одеяния подчиняются стандарту. Целые сцены повторяются снова и снова. Художники рассчитывают на то, что сцены будут «читаться» зрителем с помощью традиционных средств, а не благодаря реализму. Их целью является духовный смысл, а не простая иллюзия.

Некоторые из религиозных сцен храма Бела довольно сложны. Например, в «Арабской религиозной процессии» художнику пришлось включить в изображение главного события — движения паланкина на верблюде — большое количество зрителей (фото 34). Эти зрители располагаются не по одной линии и не на удаляющихся планах. В левой части сцены одна группа просто поднята над другой, так что композиция имеет тесную связь с гораздо более древними восточными изображениями, такими, как ассирийские рельефы. Однако группа закутанных в покрывала женщин справа, чьи скрывающие все одеяния превращаются в игру линий и узоров, представляют собой одно из наиболее замечательных и оригинальных произведений парфянского искусства (фото 36). Еще один рельеф показывает нам рукопожатие лунного бога Аглибола с соседом по пантеону солнечным Малакбелом; их силу демонстрируют два алтаря, заваленные плодами земными. Кстати, мужскую природу Аглибола безжалостно игнорировали греческие мастера, в качестве редчайшего исключения нанятые для того, чтобы украсить каменный потолок

знутри храма Бела, потому что для греков божество туну Селена была женщиной. Поэтому они представили внутри храма луну как женщину, не обращая внимания на мужской род Аглибола на рельефах храмового теристилия. Это теологическая чушь.

Сотни религиозных рельефов, большая часть из которых были посвящениями, а не культовыми изображениями, обнаружены в Пальмире и ее окрестностях. Как правило, они имеют небольшой размер и изображают одно или несколько божеств, которым часто подносятся благовония на курильницах. Божества обычно поименованы в арамейских надписях, которые также содержат просьбу благосклонно смотреть на того, кто заказал это изображение (фото 34, 38). Божества часто облачены в рабочие или верховые костюмы простых пальмирцев и восседают на конях или верблюдах (фото 38). Большая часть этих божеств вооружена, чтобы защищать своих верующих. Иногда божество может быть представлено символической фигурой или эмблемой, такими, как протянутая рука, лев или молния. Фигуры и атрибуты божеств обычно черпаются из разных источников: восточных, греческих и изредка римских. Поэтому канаанитский бог Шадрафа облачен в греческие доспехи, однако помечен старинными месопотамскими символами — змеей и скорпионом. К несчастью, художники зачастую очень экономили на типах фигур, которыми пользовались. Когда обычный символ отсутствует, то часто идентичные фигуры становятся для нас неразличимыми. Можно предположить, что они были такими и для самих пальмирцев (фото 34).

Лучше всего сохранившиеся и известные примеры пальмирского искусства — это каменные рельефные бюсты, которые первоначально предназначались для того, чтобы служить вместилищами нефеш — духов умерших пальмирцев, а не для украшения музейных витрин. Их форма навеяна римскими надгробиями. Каждая такая плита использовалась в гробнице для того, чтобы закрывать отделение для гроба, в который укладывали мумифицированное тело человека, «изоб-

раженного» на плите (фото 37). Теперь они рисуют нам живую картину того, как выглядели наиболее богатые жители Пальмиры — купцы, жрецы, иммигранты, модницы, дети и евнухи в своих парфянских и греческих одеждах. Это не портреты в нашем понимании этого слова, несмотря на то что порой кажутся удивительно реальными (фото 39). Это доказывают находки: два совершенно непохожих бюста одной женщины и два идентичных бюста разных женщин. Личность определяют надписи, обычно — на арамейском, реже — на греческом, помещенные у их голов. Огромное количество информации можно почерпнуть из этих рельефов и новых мотивов: например, уже присутствует фронтальное изображение сидящих «по-турецки» скрестив ноги, которая будет принята для изображения сасанидских царственных фигур. Богатейшие пальмирцы заказывали свои изображения на гораздо более крупных рельефах: на религиозной церемонии или «погребальном банкете», где они возлежат на украшенном ложе в окружении своих близких (фото 46). Эти рельефы, как и гораздо более древние скульптуры, когда-то были раскрашенными. Первоначальный вид внутреннего устройства пальмирского склепа очень наглядно реконструирован в музее Дамаска (фото 37).

Все улицы Пальмиры с колоннадами, все официальные здания и все значимые религиозные святилища, украшенные колоннами, когда-то были заполнены бесчисленными бронзовыми статуями, установленными в честь купцов, градоначальников и благотворителей города. Каждая статуя была установлена высоко на скобе, которая выступала из средней части каждой колонны, а порой и из стен. Несомненно, на ярком солнечном свете Сирии это представляло собой великолепное зрелище. Даже голые колонны производят глубокое впечатление на современных посетителей. Странное воспроизведение этой утраченной картины могла наблюдать знаменитая путешественница леди Эстер Стенхоуп, когда она въезжала в Пальмиру в XIX веке. Когда она ехала вдоль главной колоннады, на каждой скобе колонн стояла прелестная

арабская девушка, которую выбрали на это место за ее красоту. Все они приветливо махали приезжей. Немногочисленные известняковые скульптуры туманно напоминают об этом древнем великолепии: например, те, что были установлены в честь сановников, чья незначительность отражена такими памятниками. Однако к совершенно другому классу относятся чудесные, хотя лишившиеся голов, погребальные скульптуры двух жрецов, найденные в погребальной башне, которая носит название Каср-эль-абиад (белый замок) (фото 33). Эти произведения вытесаны из лучшего известняка и обработаны с величайшим тщанием, демонстрируя мастерство, которого достигли пальмирские скульпторы приблизительно к 100 г. н. э. Жрецы одеты в традиционные парфянские тунику и штаны, к которым прибавлены плащ, пояс и дополнительные гетры. Две скульптуры очень похожи, видимо, их создал один мастер. Одевания отделаны узорами, их тщательная передача с помощью резьбы говорит о том, что скульптору эта работа доставляла удовольствие. В число его приемов входят изгибы лоз, бисерная отделка и греческие «гребни волн»; их сдержанное использование парадоксально создает впечатление богатства. Фигуры стоят, глядя прямо вперед. Величественность и спокойствие, создаваемые этой позой, смягчаются верными пропорциями и тонкой игрой складок драпировки, которая ненавязчиво меняется, скрадывая простую симметрию, лежащую в основе изображения.

Схожее впечатление производит высокая бронзовая статуя местного вождя, найденная в Шами в горах Бахтиари, неподалеку от Суз (фото 51). Она была найдена в развалинах небольшого храма, в котором, по-видимому, поклонялись местным культам греческих божеств и обожествленным царским персонам (фото 1). Не очень хорошо сохранившиеся бронзовые головы какого-то селевкидского монарха и его супруги — возможно, Антиоха IV Эпифана и его царицы — были также обнаружены среди обломков этого святилища, а также голова греческой богини. Вождь стоит, облаченный в парфянские одежды, с кинжалами на боку и крученым метал-

лическим ожерельем на шее. Диадема у него на голове подражает венцу парфянского «царя царей» и похожа на тот тип, который изображается на монетах примерно 50 г. до н. э. и позже. Следовательно, статую должны были создать между этой датой и примерно 100 г. н. э. Волосы красиво уложены в прическу, ниспадающую на плечи, пышные густые усы контрастируют с гравированными линиями, которые передают волосы в бороде и на груди (фото 47). Голова явно мала для туловища: она изготовлена отдельно. Возможно, голову и туловище отливали в разных местах. Эффектом такой диспропорции является зрительное увеличение роста. Его поза и основополагающая симметрия композиции придают ему выражение надежности и властности. Никто не может сомневаться в том, что находится в присутствии правителя.

Мраморная голова, также найденная в Шами, явно является изображением еще одного местного предводителя (фото 48). Его прическа и диадема сходны с бронзовым изображением, однако можно заметить некоторые важные различия в стиле. Линии лица, нахмуренный лоб и некоторая мягкость исполнения резко контрастируют с более гладкими плоскостями и решительными линиями бронзовой головы. Это произведение мог создать художник, обучавшийся в мастерской с греческими традициями, однако получивший заказ изобразить парфянина. Так же, вероятно, на западной части Иранского плато была создана статуэтка вождя в парфянской одежде и с парфянской прической, маленький бронзовый бюст правителя, причем его сходство с портретами Орода III с монет (ок. 4—7 гг. н. э.) отнюдь не льстит этому правителю (фото 49).

Однако самые великолепные памятники своему существованию оставили арабские властители Хатры, являвшиеся вассалами Парфии. Во II в. н. э. правители и знать Хатры установили свои мраморные изображения в храмах города, которые тесно окружали громадное центральное святилище Солнца. Около 240 г. н. э. этот город был разрушен так внезапно и сильно, что эти ста-

туи остались стоять на своих пьедесталах или лежать там, где упали, похороненные под развалинами и полностью забытые. Теперь их достали. Цари Утал и Санатрук, чьи имена остались жить в арабских легендах, а также царевны и вельможи их двора снова предстают перед нами в виде изображений (фото 50, 52, 53, 55, 65). Фронтальные, совершенно лишённые движения скульптуры подавляют зрителя своими пристальными, даже презрительными взглядами. Их властность и богатство видны в каждой узорчатой складке их роскошных одежд, в заботливо уложенных причёсках, в каждой жемчужине и драгоценном камне, которые украшают их костюмы. Однако эти скульптуры не были простыми копиями живых людей: их отрешённость подчеркивает духовный характер данных произведений искусства. Скорее мы видим мощное воплощение царственного духа, выдающихся правителей и их свиту, стоящих лицом к лицу с божеством, которому они приносят почтение жестом поднятой руки.

Боги и богини Хатры также нам известны. В храме Ашур-Бела была найдена статуя божества (фото 54). Ныне утраченная голова, вероятно, имела ассирийский вид. Костюм и фигура Тихе, находящейся у его ног, почерпнуты из греческого искусства, однако выполнены в парфянском стиле. Ярко раскрашенный рельеф показывает нам яростное бородатое божество в парфянской одежде, держащее на цепи трехголового пса (рис. 46). Этот бог должен быть Аидом, повелителем мертвых, или его семитским или иранским эквивалентом Нергалом, или Ариманом, ибо пес — это явно Цербер из греческого подземного царства. Сидящая богиня, змеи, скорпионы и секира почерпнуты из религии Месопотамии и Сирии. Композиция отсутствует: фигуры и предметы просто заполняют поле, и символическое значение оказывается важнее художественных принципов. Другие скульптуры демонстрируют нам орла и символ Хатры — фигуру Медузы, богиню Луны и ряды фронтально изображенных божеств (фото 56—64). Греческая фигура Афины изображает арабскую богиню Аллат; ка-

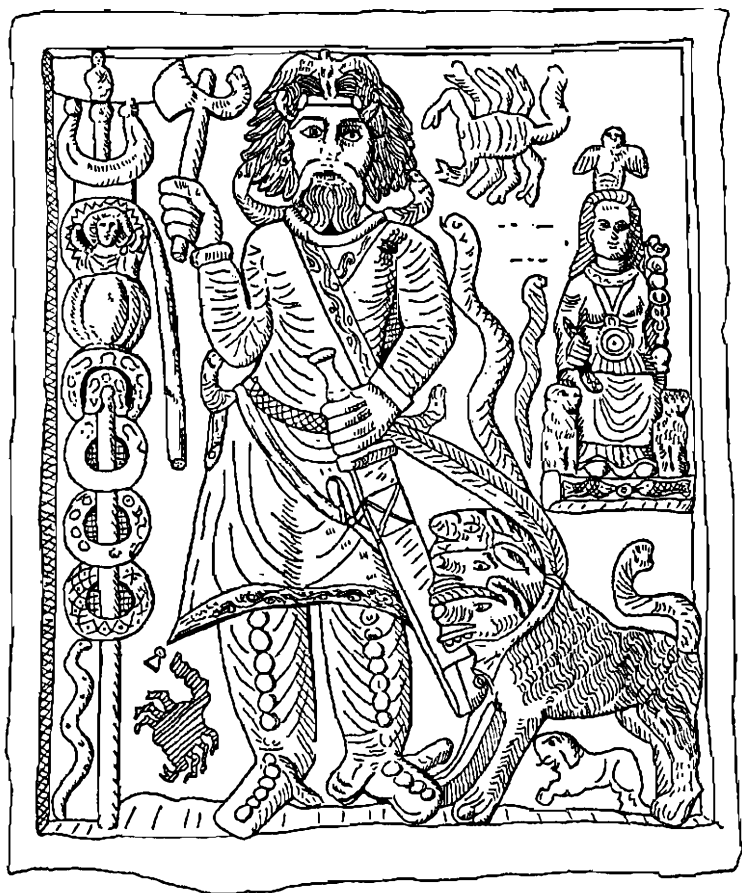

Рис. 46. Религиозный известняковый рельеф из Хатры. В центре божество держит секиру и поводок трехголового пса, стоящего справа. Справа от божества — штандарт Хатры, слева — какая-то богиня, возможно Атаргатис. На поле — символические змеи и скорпионы. Вероятно, II в. н. э.

кой-то местный бог изображен в облике нескольких скульптур Геракла, на которого художники, похоже, излили все свое семитское отвращение к наготы (фото 59, 60). Небольшие алебастровые фигурки представляли собой более дешевый вид религиозных подношений для набожных (фото 63, а, б). В их числе представлены боги Солнца и Луны и другие местные божества в греческой форме, такие, как Гермес в крылатой шапочке и сандалиях. Видимо, в Хатре все должны были знать, кто такой Гермес.

Головы, бюсты и фигурки многих этих божеств воспроизводятся снова на фасадах и перемычках окон и дверей в храмах. Их можно увидеть вокруг наружной стороны арочных входов в айваны в черте святилища Солнца (фото 66). Внутри, на пилястрах, вырезаны замечательные головы, напоминающие греческие и римские театральные маски (фото 68). Почти наверняка у них было какое-то ритуальное значение. На перемычках тоже расположены фигуры: бюст Шамаша, или бог, возлежащий среди прислужников (фото 64). Наконец, в качестве стража храма Солнца под одним из пятчных блоков входа в северный айван изображен крошечный крылатый грифон. Это дальний потомок колоссальных крылатых быков и львов с человеческими головами, которые когда-то охраняли дворцы Ассирии и Персеполя; недостойный отпрыск великой породы.

Иератическое достоинство парфянской скульптуры распространяется и на настенную живопись Дура-Европос. Здесь сохранились удивительные фрески, особенно в тех зданиях, которые были срочно засыпаны землей, чтобы улучшить защитные сооружения города во время последней его осады в середине III в. н. э. В период парфянского владычества между 113 г. до н. э. и 164 г. н. э. изобразительное искусство в Дура-Европос в большой степени стало парфянским по стилю, несмотря на македонско-греческое происхождение этого города. Статуи и рельефы стояли в святилищах, настенная роспись украшала храмы и дома жителей. Парфянские скульптуры в Дура-Европос по большей

степени наивны по сравнению с произведениями искусства из соседних Пальмиры и Хатры. Однако здесь проявляются те же характерные черты. К 31/32 г. была принята фронтальность, что показывает барельеф Зевса Кириоса и подтверждает стела Афлада от 54 г. н. э. (фото 67). Любопытный рельеф с бегущими животными, похоже, связан с искусством кочевых областей Северного Ирана. Однако главный вклад Дура-Европос в наши знания о парфянском искусстве относится к сфере живописи. Ярко расписанные алтарные помещения храмов с рядами живописных фигур и культовых ниш имеют поразительное сходство с православными христианскими храмами (рис. 22). Лучшее сохранившийся храм, который обычно называют храмом Пальмирских богов (он, видимо, был посвящен Белу), хорошо иллюстрирует основные характеристики религиозной живописи Дура-Европос. На задней стене главного помещения этого храма фронтально изображен сам бог: он имеет колоссальный размер и стоит над колесницей. На боковых стенах в несколько рядов расположены изображения групп верующих. В основном они бросают благовония в огонь небольшой курильницы (тимиатериона), стоящей рядом с ними, или поднимают правую руку в жесте почитания. Судя по надписям и различиям в стиле, предполагается, что эта часть росписи прибавлялась секция за секцией между 50-м и 100 гг. В одной из поразительных групп мы видим, как поклонение совершает семейство Конона, при котором присутствуют священнослужители (фото 70). Повторяющиеся позы фигур, пристальные и задумчивые взгляды поклоняющихся и устранение лишних деталей — все это усиливает духовный и иератический эффект. Дополнительные фрески написаны в боковом помещении храма, а позднее к первоначальному залу было пристроено наружное святилище. Для наружного помещения верующие сделали вклады в виде сцен, опять расположенных рядами, с поклоняющимися, божествами и жертвоприношением возлежащей богине. В середине II в. внук От пристроил бо-

ковой храм, в котором изображены он сам и другие люди, делающие приношение пяти пальмирским богам. Затем, когда город Дура-Европос оказался в руках римлян, римский трибун по имени Терентий распорядился добавить к этому ансамблю большую фреску, на которой он сам и некий священник поклоняются трем пальмирским богам войны и духа Тихе городов Пальмиры и Дура-Европос. Как и в Пальмире, мы видим, что общего плана для этих сцен не существовало: они добавлялись, когда верующие считали нужным их оплатить.

Куски и фрагменты схожих сцен и композиций в других храмах Дура-Европос также были типичными для того, что представляло собой традицию областей запада Парфии. Эта традиция была достаточно сильной, чтобы парфянской трансформации подверглись росписи и рельефы, заказанные римскими солдатами, расквартированными в Дура-Европос с 164 г. и позже. Так, благочестие Терентия выражено через традиционную формулу, и парфянский стиль используется в живописных и рельефных изображениях Митры в храме, который ему посвятили римляне (фото 69). В большой степени эта традиция сохранилась и в совершенно необычных фресках иудейской синагоги Дура-Европос, которая была расписана около 245—255 гг.: беспорядочное расположение отдельных иллюстраций на темы Ветхого Завета, разделение пространства стены на ряды, двухмерность сцен и фронтальность появляются на них снова. Однако эти фрески создавались через четверть века после падения Аршакидов, так что подробно говорить о них здесь неуместно.

Другая выдающаяся группа фресок парфянского периода относится к совершенно другому региону и найдена на противоположном конце Ирана, во дворце Кухе-Ходжа в Сейстане (рис. 28). Насекомые не питают уважения к искусству, и росписи сильно от них пострадали. Эти фрески украшали стены Длинной галереи дворца на его раннем этапе, который обычно относят к I в. н. э. (фото 71). Вдоль оконной стены боги стоят

один чуть позади другого, неподвижные и почти полностью развернутые лицом к зрителю. На задней стене, у склона холма, появляются царь и царица. Монарх обнимает одной рукой жену; пара изображена с поворотом в три четверти. Вокруг окон галереи расположены фигуры зрителей, изображенные в профиль. Эти сцены знаменуют приход в эту местность фронтальности. Божественные фигуры изображаются фронтально, а смертные — ближе к профилю в соответствии с их рангом. Но еще интереснее то, что рисунки имеют удивительно греческий характер, как в стиле, так и в использованных мотивах, до такой степени, что их трудно отнести к только что описанному парфянскому искусству. Одежания богов греческие. На одном из них надет крылатый шлем, как на греческом Гермесе, хотя здесь на шлеме три крыла и он является эмблемой Веретрагны. Другой держит трезубец Посейдона и здесь символизирует индийского Шиву. Перекрытие фигур богов и изображение царственных персон в три четверти — это также приемы, заимствованные из эллинистической греческой живописи, как и большая часть набора фигур и узоров, украшающих потолок. В их числе Эрос верхом на коне и другие греческие темы. Греческие характеристики этой росписи перевешивают те, которые можно отнести к традиционно азиатским, сохранившимся от ахеменидского периода — например, розетки и профильные изображения. Тот факт, что греческое искусство так наглядно присутствует на востоке Парфии, когда парфянское искусство на западе его уже ассимилировало, поставил перед учеными загадку, которая пока еще не нашла решения. Проблема этих фресок поднимает вопрос о живописных стилях, развивавшихся к востоку от Парфянской империи. Эти стили родственны, порой очень близко, парфянскому искусству, однако и в них присутствуют удивительные греческие (или римские?) элементы. Вызвано ли такое средиземноморское влияние воздействием ныне утраченного греческого искусства Бактрии, пережившего падение Бактрийского царства? Или же оно связано с греко-

римским влиянием, распространявшимся на север в результате торговли между Римом и Индией? Или это свидетельство пока не выясненного влияния самой Парфии или объединением всех трех факторов?

Парфянские подданные никогда не были против греческого или римского искусства. Множество предметов, вдохновленных эллинистическими греками, обнаружены в раннепарфянских слоях. С I в. н. э., когда возникло парфянское изобразительное искусство, в городах, где этим искусством занимались, иногда появлялись греко-римские скульптуры, предметы и даже художники — в этом не было ничего необычного. Так, в Пальмире найдена группа красивых мраморных скульптур, ввезенных примерно в 200 г. н. э. В Дура-Европос обнаружили подобные скульптуры, а в Хатре были найдены полированные мраморные статуи. К парфянскому периоду обычно относят и слегка эллинизированного «Хамаданского льва», хотя это чудовищное изображение сильно пострадало от времени; только самые смелые люди отваживаются говорить о его стиле. Возможно, импортировались и бронзовые греко-римские изделия, поскольку в муниципальных реестрах Пальмиры содержится налог на ввезенные бронзовые статуи: грузом одного верблюда считались две. Нам не следует забывать и то, что во многих из этих городов проживало значительное греческое население. В Селевкии на Тигре обнаружены терракотовые фигурки, которые изготавливались в греческом стиле на протяжении большей части парфянского периода наряду с изделиями восточного типа (фото 20). Греческие фигуры и божества продолжали появляться на печатях по всей Парфии наряду с восточными изображениями, хотя гравировка имела тенденцию становиться неглубокой. В Сузах была найдена чудесная мраморная женская голова, подписанная греческим художником. Женщина, на которую надета тигра — судя по виду, царского ахеменидского происхождения, — условно названа Музой, матерью и супругой Фраатака (фото 72). Аполлоний Тианский видел во дворце Вардана в Вавилоне великолепные гобелены в

греческом стиле и на греческие сюжеты. Однако царственные вкусы, похоже, не находились в полном соответствии с современными направлениями изобразительного искусства. Хотя царские монеты обычно соответствуют веяниям времени, рельефное изображение Готарза II, высеченное в 50 г. н. э., исполнено в профиль, хотя такой прием к тому времени был повсеместно устаревшим.

Никакой рассказ о парфянском изобразительном искусстве не может умолчать о том, что концентрация находок весьма неравномерна, как и о том, что в наших знаниях об искусстве самого Ирана того периода имеется огромный пробел. Впервые парфянский стиль возник в городах на западном краю империи, а затем распространился на восток, пока не стал преобладающим в регионе, простиравшемся от Пальмиры на западе до Центрального Ирана на востоке. В восточной части Ирана, в Гандхаре и на северо-западе Индии появился целый ряд родственных стилей, которые мы не имеем возможности обсудить в рамках этой книги. Однако следует сказать, что парфянское искусство представляет собой этап общего развития художественного стиля Западной Азии; именно оно первым почувствовало мощное воздействие греческого искусства. Корни его лежат в более древних искусствах Востока. Из них оно почерпнуло свою линейность, иератический характер и страсть к детальному украшению. В нем доминируют обычные сюжеты Востока: война, божества, жертвоприношения, охота и пиры. Революционные открытия греческих художников оказали на их парфянских собратьев удивительно мало влияния: парфяне почерпнули из греческого изобразительного искусства то, что им захотелось, а остальное отбросили. В результате этого мы видим, что парфянские авторы заимствовали из греческого искусства много фигур и мотивов, но почти не извлекли уроков из греческого знания анатомии и методов скульптуры, совсем не приняли греческой попытки справиться с художественным пространством и проблемами перспективы. Не заметно и влияния искусства

кочевников: парфянское искусство зародилось в городах. Будущим поколениям парфянское изобразительное искусство оставило в наследство фронтальность (которой вскоре предстояло затопить римское искусство), а также некоторые новые мотивы и сцены, включая возжжение курений, облечение властью, конное сражение и фронтальное положение сидя со скрещенными ногами. При изображении избранных ими сюжетов парфянские художники явно мыслили как азиаты. Греческий идеал воссоздания природы в эстетически приятных формах сменился традиционными символами фигур, предметов и действий. Каких-то двух веков греческого господства было слишком мало, чтобы изменить склад ума восточных художников, который создавался в течение более трех тысячелетий.

Глава 8

ПАДЕНИЕ АРШАКИДОВ

К началу II столетия н. э. династическая борьба стала для парфянской политики обычным делом. Осро уже несколько десятилетий сражался за трон Парфии к тому моменту, когда в 128 г. были отчеканены его последние монеты. После этого он вышел из схватки, уступив полубрани Вологезу III (традиционно он считался II), а в Иране — узурпатору, звавшемуся Митридатом IV. Последний известен только по его монетам. Задача защищать Парфию от возобновившейся угрозы выпала на долю Вологеза. Примерно в 135—136 гг. кочевое племя аланов, подстрекаемое царьком Иберии Фарсманом, снова хлынуло в империю с севера. Они захватили Мидию Атропатену, Армению и даже Каппадокию. Вологез отправил из Ктесифона на север двадцать тысяч пехотинцев, однако не сумел их остановить. После этого он либо купил их согласие уйти, либо они ушли сами, узнав, что их родным землям угрожают другие племена.

Возможно, что у Вологеза были и другие неприятности на восточной границе. К I в. н. э. сакская династия Восточного Ирана уступила место новому роду индопарфянских правителей, среди которых был влиятельный Гондофар, правивший примерно в 20—40 гг. Индопарфянские монеты найдены в раскопках от Мерва до Пенджаба. Однако вскоре после смерти Гондофара Афганистан и Пенджаб попали в руки кушанской династии юэчжи, которые создали из них крупное царство. Поскольку юэчжи богатства Индии показались более привлекательными, нежели Иран, их, как и парфян, удовлетворило создание общей границы, которая

проходила приблизительно там же, где сейчас граница Ирана и Афганистана. Римляне установили контакты с кушанами, поскольку они были противовесом Парфии и контролировали альтернативный путь в Китай, который шел на север от портов Индии. Кушаны достигли верха процветания под талантливым, но воинственным царем Канишкой. Возможно, что часть правления Канишки пришлась на правление Вологеза III. Однако точное время царствования Канишки установить не удастся, пока не будет определено, по какому календарю датированы кушанские памятники.

В 147/148 г. появились первые монеты преемника Вологеза III — Вологеза IV. Ему предстояло править более сорока лет. Угрозы с его стороны в адрес Армении на какое-то время прекратило решительное послание от римского императора и перемещение дополнительных римских войск в Сирию. Однако в тот момент римляне для парфян никакой опасности не представляли: имперская политика не предполагала вторжения в Парфию, несмотря на прибытие посольств из независимых провинций Гиркании и Бактрии. Однако в 162 г. Вологез решил использовать бездействие римлян и вторгся в Армению. Его главный командир Осро загнал в ловушку отряд римлян и почти уничтожил его, а на трон Армении был посажен отпрыск Аршакидов. После этого парфянские войска повернули на юг и вторглись в Сирию. Ситуация потребовала от Рима срочных действий. Луций Вер, правивший совместно с Марком Аврелием, был отправлен на выдворение захватчиков. Как и Корбуло столетием раньше, он обнаружил, что сирийские легионы за десятилетия бездействия пришли в печальное состояние. Сам Вер практически не принимал участие в последующей кампании, предпочитая, чтобы всю работу выполняли командиры. Армию подвергли муштре и учениям, и в 163 г. римляне вторглись в Армению, низложили парфянского ставленника и сделали царем Сохэма. После этого они направились дальше. В 164 г. после нападения на Месопотамию сразу по трем направлениям и кровавого сражения у Дура-

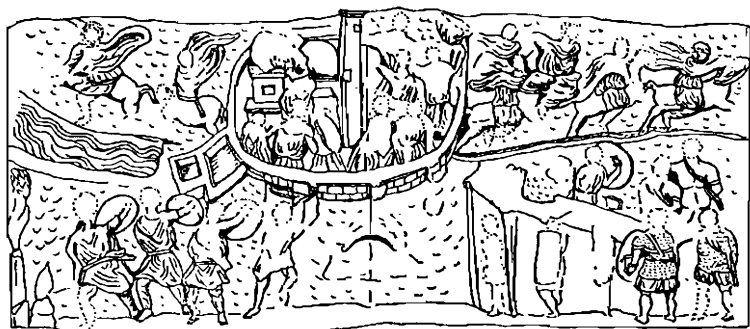

Рис. 47. Рельеф с триумфальной арки Септимия Севера в Риме, воздвигнутой в 203 г. Видимо, он иллюстрирует эпизод парфянской кампании Севера 198 г. В центре — осажденный город (Селевкия на Тигре?), из которого во все стороны разбегаются его защитники. Справа внизу — римские солдаты в кольчугах готовятся к атаке

Европос римляне одержали победу над парфянскими силами и двинулись на Вавилонию. Селевкия открыла им ворота, но вскоре какое-то соглашение оказалось нарушенным, и примерно в декабре 165 г. римляне разграбили этот великий город. Ктесифон также был захвачен, а дворец Вологеза был подвергнут разрушению. Пока легионеры грабили Селевкию, по их рядам прокатилась чума. Эпидемия была очень сильной, и большую часть добычи пришлось бросить. Во время обратного похода солдаты постоянно умирали, а остальные разнесли заразу во все концы Римской империи. О силе эпидемии говорит тот факт, что она упоминается даже в китайских летописях; большая часть Парфянской империи также была поражена болезнью. Тем не менее, парфяне вскоре вернули себе большую часть потерянных территорий, так как на следующий год командирам Вера снова пришлось вторгнуться в Месопотамию. По-видимому, римская армия прошла на восток достаточно далеко, поскольку Вер на отчеканенных монетах именовал себя Мидикус, победитель Мидии. Однако римляне удержали только малую часть своих завоеваний. К 170 г. статус-кво был восстановлен, если не счи-

тать того, что римские территории и влияние продвинулись чуть дальше в глубину Месопотамии. С этого времени Дура-Европос становится городом Римской империи. Примерно в 175 г. Вологез IV снова угрожал военными действиями для возвращения своих потерь, однако никаких действий не предпринял.

Вологез V (или IV по другим источникам), похоже, начал чеканить свои монеты раньше, чем в 192 г. умер его предшественник, а в 193 г. воспользовался проблемами Рима, чтобы поднять восстания в ставших римскими царствах Осроене и Адиабене. В 195 г. император Септимий Север вернул себе эти территории, но в 195 г. был вызван в Европу. Вологез прошел по Месопотамии и, возможно, даже по Армении, однако его успех был почти сведен на нет мятежом мидян и персов, для подавления которого ему пришлось вести тяжелые бои в Восточном Иране. После того как мятеж был подавлен, Вологез восстановил контроль над Адиабеной, разграбив несколько городов этого царства и утопив его упрямо проримского монарха Нарсеса. На следующий год Септимий Север приготовился напасть на Парфию, собрав новые легионы и построив корабли. Весной 198 г. он вошел в Месопотамию. Парфяне отступали перед ним, и к осени он уже разграбил непокорную столицу Ктесифон, занял оставленные города Вавилон и Селевкию (рис. 47). Однако продукты начали заканчиваться, и римляне вскоре начали отступать за Тигр. Как и Траян ранее, Север по дороге совершил безуспешное нападение на Хатру. На следующий год он вернулся к Хатре с новыми запасами провизии и осадными машинами, но успеха опять не добился. Атрская конница нападала на его отряды фуражиров, а защитники города уничтожили почти все его осадные орудия и немало смутили его солдат, забрасывая нападавших горшками с насекомыми и «хатрским огнем», горящим битуминозной нефтью. Атрские орудия с большой силой выпускали сразу по два снаряда и даже подвергли опасности жизнь императора. Когда солдаты, наконец, пробили стены и город ока-

зался беззащитным, Север дал приказ отступать. По слухам, сокровища в святилище Солнца были очень велики, однако награда после атаки доставалась солдатам, тогда как при сдаче города (на которую надеялся Север) — командующему. Разгневанные солдаты отошли, а за одну ночь жители Хатры заложили брешь. Никакой надежды на сдачу не было. Север приказал возобновить атаку, но солдаты-европейцы, лишившиеся добычи, отказались идти вперед. А жалкие сирийские отряды, отправленные в атаку, были перебиты, как овцы. Северу пришлось уходить. Римляне не получили новых территорий, и экспедиция закончилась неудачей у Хатры. Потери живой силы и орудий были тяжелыми. Парфяне пострадали больше. Многие их западные города и территории были разорены, а смерть и плен снова уменьшили численность населения.

И действительно, признаки истощения и упадка Парфянского царства множились. Политическая стабильность и центральная власть были подорваны поколениями династической борьбы. Разрушения, нанесенные тремя римскими вторжениями в Месопотамию и Вавилонию на протяжении восьмидесяти пяти лет, были неисчислимы. Распространение эпидемии наверняка усугубило ущерб, причиненный войной. Полный упадок стал заметен даже по уровню чеканенных правительством и зависимыми от него царствами монет. Качество денежных знаков стало очень низким. Черты лица правителя превращаются в небрежно исполненный узор; греческие по происхождению надписи на реверсе становятся совершенно нечитаемыми, их приходится заменять арамейским начертанием (фото 6, h, k, kk). Прежние нумизматические стандарты исчезли и в отношении качества и веса металла. Немногочисленные официальные памятники из камня, дошедшие до нашего времени, сделаны плохо: надписи и изображения выполнены неумело. Сцена, на которой Хвасак, сатрап Суз, получает символ своей власти (датирована 215 г.), представляет собой грубый набросок на каменной плите (фото 73). Различные происшествия, изобра-

женные на скалистых склонах в Танджи-Сарваке, в Элимаиде, около 200 г., сделаны немногим лучше, на них представляющие интерес события отображены в традиционных мотивах. Царь (или разные цари) появляется на церемониях, связанных с облечением властью: поклонении богам, охоте, военном сражении и вручении двум своим вассалам колец, символизирующих их власть (фото 74).

Лучше выглядят почти наверняка позднепарфянские скульптуры, найденные в святилище Барди-Нишанда, под порогом которого был обнаружен взнос для основания, состоявший из 5 тысяч эламских монет. Среди приношений оказался рельеф с изображением местного властителя, поклоняющегося огню. На колонне с нижней террасы видны четыре человека, грубо вырезанные в виде рельефа, — такая практика была обнаружена также в Римской Сирии. Более старые, высокие эталоны сохранялись в этот период, по-видимому, только на окраинах Парфии: в Хатре, в сирийской Пальмире и среди кушан, за одним важным исключением. Вассальные цари Персиды в конце правления Вологеза V начали чеканить монеты, вид и качество которых заметно превосходили монеты, выпускавшиеся их верховным монархом (фото 6, p, gg). Если бы Аршакиды смогли понять это предзнаменование, то поняли бы, что появились те, кому суждено было их свергнуть, — потомки Ахеменидов.

Вологез V умер около 207 г., и ему унаследовал его сын Вологез VI (в соответствии с традицией — V). К 213 г. брат Вологеза Артабан V, царь Мидии, восстал и заявил свои права на Месопотамию. В 215 г. он захватил Сузы. Римский император Каракалла вызвал этот конфликт и провоцировал военный конфликт с Парфией, захватив сыновей царя Армении, но не смог подавить там восстание (фото 73). В том же году он потребовал, чтобы парфяне выдали ему философа-киника Антиоха и некоего Тиридата. Этих людей ему отправили, но на следующий год он потребовал себе в жены дочь Артабана. В этом ему было отказано, и он получил долго-

жданный предлог для того, чтобы войти в «земли у Мидии», разрушать крепости, захватить город Арбелу, вскрыть находившиеся там гробницы парфянских царей и разбросать их кости. В честь этой победы были отчеканены монеты с надписью «Vict(oria) Part(hica)». Весной 217 г. Артабан предпринял контратаку и вторгся в римскую Месопотамию. Римляне, смущенные недавним убийством Каракаллы, были побеждены в ходе долгого сражения, и император Макрин купил мир за огромные деньги. Были отчеканены новые монеты с теми же словами «Vict(oria) Part(hica)».

Конец правления Аршакидов стремительно приближался. Однако эти события, описанные только в восточных источниках, окружает неопределенность; археология мало может добавить к тому, что там описано. Восстание, которому суждено было свергнуть Аршакидов, началось в Персиде, которая теоретически была вассальным царством Парфии в начале III в. Согласно одному преданию, Сасан, предок Сасанидов, был верховным жрецом Анахиты в Истахре около Персеполя. Его сын Папак женился на дочери местного царя и захватил власть (рис. 48). Это действие не получило одобрения парфянского монарха. После смерти Папака (примерно во время вторжения Каракаллы) началась серьезная распря между двумя его сыновьями, которых звали Шапур и Ардашир (поздняя форма име-

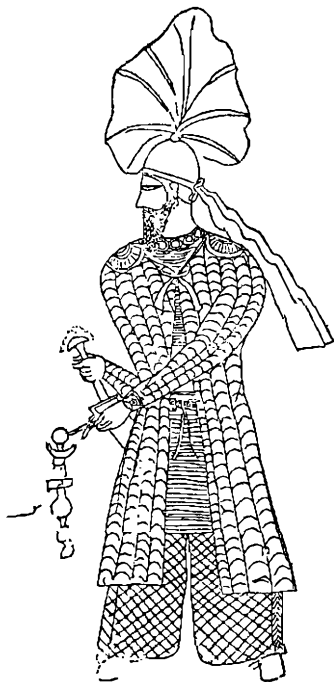

Рис. 48. Рисунок, изображающий Папака, царя Персиды. Около 210 г. н. э.

ни Артаксеркс). Шапура убила обрушившаяся стена, и Ардашир стал царем Персиды. Однако по другому, более простому и достоверному преданию, Сасан был царем Персиды. Его царство унаследовал его сын Папак, а за ним — его сын Ардашир, который стремительно расширил царство на север и восток. Примерно в 220 г. он открыто восстал против Парфии. В число его союзников к этому времени уже входили Мидес, правитель Адиабены, и царь Киркука Домициан. Совместными усилиями они захватили Месопотамию, однако не сумели взять Хатру. Оппозицию возглавил Артабан V. В трех сражениях подряд он терпел поражение и в последней битве около 224-го или 226 г. был убит. Парфия оказалась в руках Ардашира, который венчался на царство в Ктесифоне. Однако он все еще встречал сильное сопротивление. Возможно, что Вологезу VI удалось дожить до 226/27 г., и сын Артабана Артавазд, чеканивший монеты в это время, какое-то время продолжал сопротивление в горах. Против Ардашира выступали Армения и другие государства. Однако Ардашир одержал победу и приказал создать огромный скальный рельеф неподалеку от Фирузабада, увековечивший поражение Артабана (фото 75). При правлении новой династии Сасанидов, которые утверждали, что ведут свое происхождение от Ахеменидов, в Иран предстояло вернуться сильной власти, процветанию и высокому уровню культуры.

Глава 10

ЭПИЛОГ: ДОСТИЖЕНИЯ ПАРФЯН

Дошедшие до нас официальные документы парфян удивительно немногочисленны. Более того, история Парфии была забыта и уничтожена в последовавший за ней сасанидский период. Отчасти это объясняется враждебностью Сасанидов. Кроме этого, в арабском труде Масуди «Китаб-аль-тамбих» мы читаем, что сасанидские религиозные и политические деятели искусственно сократили парфянскую хронологию с пятисот десяти лет до вдвое меньшей продолжительности. Они сделали это в связи с зороастрийским утверждением, согласно которому империя персов должна была закончиться через тысячу лет после Зороастра, который, как считалось, жил приблизительно за триста лет до Александра Македонского. Так они пытались отсрочить роковую дату. Другие средневековые авторы Востока также знали об этом обмане, но зороастрийские предания отводили парфянам всего двести восемьдесят четыре года. Конечно, удивляет отсутствие документальных свидетельств, относящихся к истории Парфии. Но не следует забывать о кочевье парфянского царского двора из столицы в столицу, о множестве династических войн, о разграблении Ктесифона и об упоминании китайцами о том, что материалом для письма служил пергамент: все эти обстоятельства не способствовали сохранности документов. И даже хорошо организованное управление, как в Риме, допускало хаос в ведении записей; пришлось проводить обширную кодификацию законов и эдиктов, которую предприняли Теодозий и Юстиниан в V и VI вв. Из-за своего небрежного отношения к летописным документам парфянское правительство само виновато в том, что позднее о нем ничего не было известно.

Какие изменения происходили в «Большом Иране» в течение половины тысячелетия парфянского правления? Когда кочевники-парны захватили селевкидские территории, они нашли земли, в которых доминировала греческая цивилизация, хотя сохранялись многочисленные восточные традиции. Эту культуру и управление, которые во многом превосходили их собственные, они сначала просто приняли, и во время правления I и II Митридатов сумели создать прочную монархию и обширную империю. Однако впоследствии прочность монархии уменьшилась — к политической выгоде знати. К I в. н. э. большинство прежних традиций трансформировались в новую, постэллинистическую фазу иранской культуры, которую парфяне передали своим сасанидским преемникам. В течение парфянского правления можно наблюдать прогресс во многих сферах деятельности. Иранское общество, как указывает Фрай, перешло из древней эры в Средневековье. Некая разновидность «феодализма» уже присутствовала в ахеменидском Иране. Однако теперь он проявляется совершенно ясно: ослабляется центральное правительство, возникает система знатных землевладельцев и эксплуатируемых крепостных, множатся титулы и почетные знаки. Война, охота, поло, пиры и исполнение эпосов характерны для жизни аристократии. Организация армии отражает эти условия.

Экономическая система, сложившаяся при парфянах, страдала от недостатков, присущих большинству систем древности, однако некоторый прогресс все же имел место. Развитие торговли, как внутренней, так и внешней, сопровождало наступление более мирного времени в I в. н. э. Города росли и существовали за счет прибыли от караванов, а торговые пути к этому моменту соединяли Средиземноморье с Китаем как по суше, так и по морю. Благосостояние, приносимое экономическим развитием, в свою очередь, способствовало процветанию искусств. Парфянские архитекторы предложили ряд важных новых идей при строительстве айванов, сводов и опор свода, а также декоративной отделке зданий. Парфянское изобра-

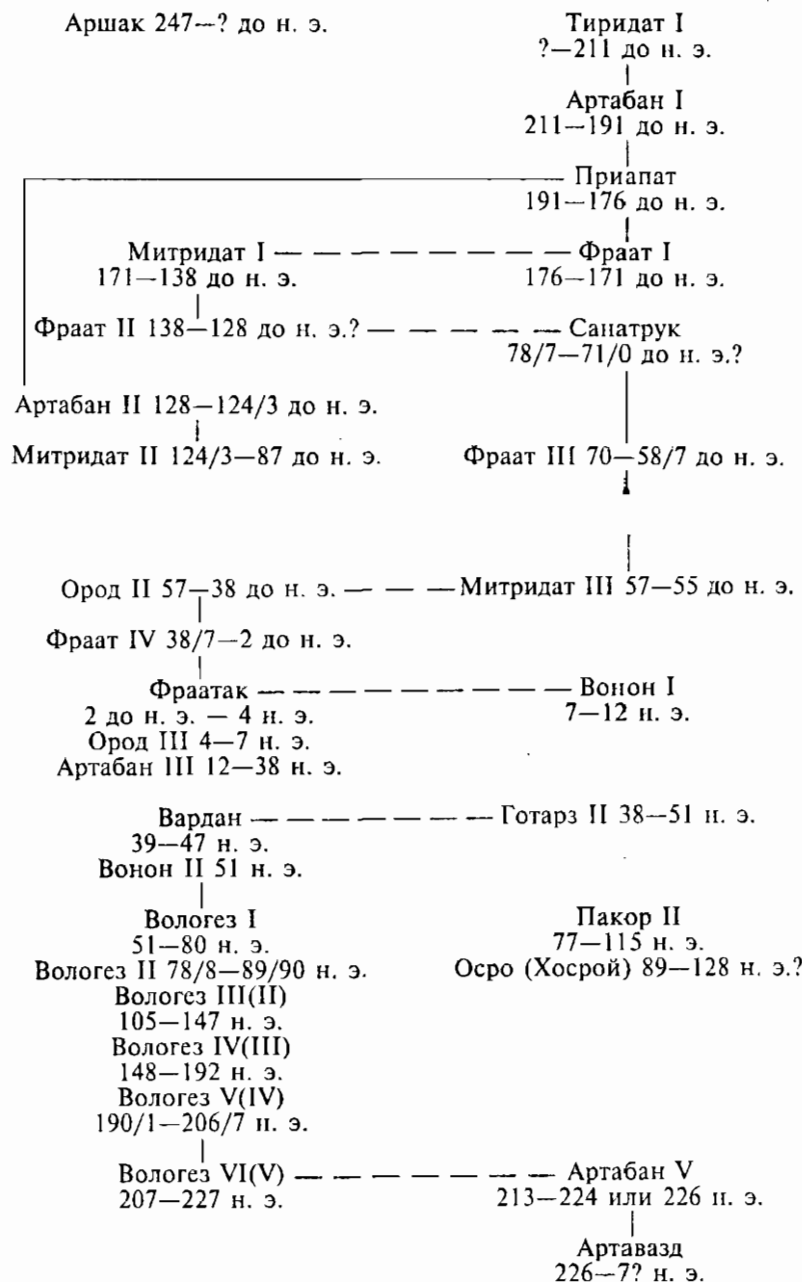
зительное искусство внесло немалый вклад в более поздние стили. Вероятно, римское искусство почерпнуло прием фронтальности и некоторые мотивы запада Парфии, а оттуда они перешли в искусство Византии. Сасанидские художники переняли такие парфянские темы, как облечение властью, сидящая фигура со скрещенными ногами и поединок между двумя конными воинами, а также сюжеты, почерпнутые их греческого искусства. В этих областях эллинизм отнюдь не был отвергнут: он был включен в восточный образ мышления. В сфере религии зороастризм продолжал распространяться и развиваться в сторону тех форм, которые он принял при Сасанидах. Но все это было достижением подданных парфян. Насколько сами парны были ответственны за все происходившее?

Парфянские правители Ирана — по большей части туманные фигуры. Похоже, что их больше интересовали традиционные способы времяпрепровождения, а не трезвое управление. Их занятия оставили о себе мало свидетельств. Во многих сферах жизни они проявляли достойную восхищения терпимость, которая, несомненно, объяснялась равнодушием, но она хранила их подданных от гонений и притеснений. Кое в чем направляющая рука парфянских правителей давала о себе знать, ведя подданных на битвы и в захватнические походы, превращая Ктесифон из деревушки в столицу, отправляя послов к китайскому императору. Царь Вологез заложил основу коллекции фрагментов «Авесты». Превращение царства из преимущественно греческого в иранское во многом было связано с влиянием монарха и знати. Однако подлинные достижения парфянских монархов затерялись из-за отсутствия записей и извращения истории Сасанидами. В Иране память о парфянах быстро стерлась, так что Фирдоуси мог сказать: «Я слышал только их имена и не видел их в хрониках царей». Таким образом, в последующие века в Иране в памяти остались только несколько имен и бурное падение. Персонажи парфянской истории если позже и упоминались, то только для того, чтобы «указать мораль и украсить рассказ» (фото 76).

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА АРШАКИДСКИХ ЦАРЕЙ

Вертикальные линии показывают наследование сыном от отца, горизонтальные тире обозначают кровных или приемных братьев. Цифры в скобках после имен Вологезов обозначают традиционную нумерацию царей, которую следует пересмотреть.

ЦАРИ-АРШАКИДЫ

ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ПРЕСТОЛ

Готарз I
91—78 до н. э.?

Ород I
?—78 до н. э.?

Тиридат II 31—25 до н. э.
Митридат 10 до н. э.

Фраат 35 н. э.
Тиридат III 35—6 н. э.
(Киннам 37? н. э.)
Межердат 49 н. э.

(Вардан II?) 56—58 н. э.
Артабан IV
80—81 н. э.

Митридат IV
128—147 н. э.

ПОДПИСИ К ФОТОГРАФИЯМ

1. Поврежденная бронзовая голова, найденная в Шами. Фрагменты золотой диадемы, обнаруженной рядом с ней, указывают на то, что она представляла селевкидского монарха Антиоха IV Эпифана, который приказал почитать себя, как божественного. Вероятно, II в. до н. э.

2. Аэрофотосъемка Каспийских ворот к западу от Тегерана, отделявших восток Мидии от запада Парсы. Этот вид дает неплохое представление о горном рельефе Эльбурса. Вдали виден край пустыни Дештс-Кевир.

3. Реконструкция внутреннего помещения центрального зала в царском дворце Старой Нисы. Зал неоднократно перестраивался. Здесь показано его примерное состояние в I в. н. э. Стены делились на два ряда и имели ниши, в которые ставились глиняные фигуры (обожествленных царственных предков).

4. Нижняя часть левого саркофага из триклиния Маккая, группы из трех саркофагов в подземной гробнице в Пальмире. Между ножками погребального ложа мы видим Маккая между двумя слугами (все в парфянской одежде) и коня: он собирается отправиться на охоту. Сохранились следы синей и красной краски. Высота рельефа приблизительно 76,2 см. Около 229 г. н. э.

5. Пергамент, написанный арамейскими буквами, но на парфянском языке (аршакидском пехлеви), найденный с двумя пергаменами на греческом в Авромане (Курдистан). Все три документа относятся к покупке местного виноградника. Датирован 300 г., имеется в виду селевкидская эра, то есть 12/11 г. до н. э.

6. Монеты парфянских царей и их вассалов (серебро, если не указано другого). Одна буква обозначает аверс, двойная — реверс. В натуральную величину.

a) Драхма Митридата I с головой царя: вероятно, первая отчеканенная парфянская монета. Около 160—150 гг. до н. э.

aa) Фигура «сидящего Аршака, греческая надпись «Аршак».

b) Тетрадрахма Митридата I в греческом стиле, отчеканенная в Селевкии.

bb) Фигура стоящего Геракла, греческая надпись, которая описывает Митридата как «Великого Царя и филэллина» и приводит год — 173 (140/139 г. до н. э.).

c) Драхма Митридата II, изображающая царя в новом венце великого царя Парфии. На реверсе надпись «Царь царей». Около 100 г. до н. э.

d) Драхма с фронтальной головой «Митридата III» (?). 57—55 гг. до н. э.

dd) «Сидящий Аршак» и греческая надпись, называющая его «Великим царем».

e) Драхма Орода II, который царствовал в то время, когда на Парфию напал Красс. Около 57—38 гг. н. э.

ee) В греческой надписи уже есть ошибки.

f) Тетрадрахма Фраата IV (37—32 гг. до н. э.), который отразил нападение Антония.

ff) Фраат именуется себя «царем царей и филэллином». Датируется (селевкидским) годом 280 (33/32 г. до н. э.).

g) Драхма с головой Фраатака.

gg) Голова Музы и греческая надпись «небесная царица Муза». 2—4 гг. н. э.

h) Драхма Вологеза V (IV) с фронтальной головой царя в линейном стиле. Около 190—207 гг. н. э.

i) Тетрадрахма Артабана III. Около 12—38 гг. н. э.

ii) Артабан едет верхом — указание на изгнание? — и получает пальмовую ветвь покорности от города (Селевкии?). Обычное царское наименование «филэллин» отсутствует. Эта необычная сцена и надпись должны указывать на проблемы, которые к этому моменту разрешились. Датирована 338 г. (26/27 г. н. э.).

j) Драхма Вологеза I. Арамейские буквы «WL» обозначают его имя, тогда как греческая надпись на реверсе практически полностью нечитаемая. Около 51—80 гг. н. э.

k) Драхма Артавазда, последнего парфянского правителя, с царской головой в линейном стиле и арамейскими буквами «AR». Около 226/227 г. н. э.

kk) Нечитаемая греческая надпись заменена на надпись арамейскими буквами, которая читается как «Артавази малка».

l) Тетрадрахма (аверс) Багадата, селевкидского вассально-го царя Парсы в III в. до н. э.

ll) Изображение храма огня и надпись арамейскими буквами.

m) Тетрадрахма с портретами парфянского вассального царя Элимаиды Камнасира II и царицы Анзазы. На реверсе греческая надпись, фигура сидящего Зевса и дата. 82/81 г. до н. э.

n) Драхма вассального царя Парсы Дария II, сына Автофрадата, в головном уборе парфянского типа. I в. до н. э.

nn) Жертвенник огня, поклоняющийся и надпись арамейскими буквами.

o) Бронзовая тетрадрахма Мага, вассального царя Мисены (Харакены), в головном уборе парфянского типа. Около 195—210 г. н. э.

oo) С бородатой головой.

p) Драхма с головой Шапура, сына Папака, царя Парсы. Около 210—215 гг. н. э. Надпись арамейскими буквами. Уже виден сасанидский художественный стиль.

qq) Драхма (реверс) Шапура из Парсы с головой (его отца Папака?) в царском уборе. Надпись арамейскими буквами. Явно видно развитие сасанидского стиля. Около 210—215 гг. н. э.

7. Аэрофотосъемка Суз.

8. Мраморная ваза из Суз с широким краем. Высота 25 см. Парфянский период.

9. Керамический кувшин с зеленой глазурью позднепарфянского периода из Ирака. У него три ручки и три лицевые маски. Форма является отдаленной производной от греческой амфоры. Высота 27 см. II или III в. н. э.

10. Красный терракотовый ритон или рог для питья с нижней частью горного козла из Демавенда (Иран). Высота 36,8 см, диаметр отверстия 10,5 см. II или I в. до н. э.

11. Украшения парфянского периода.

a) Серебряный браслет со сканью (как тот, что надет на фото 42). Диаметр 7 см. Из Дура-Европос.

b) Серьга с несколькими подвесками: овал, полоска, цепи и жемчужины. Высота 5,7 см.

c) Серьга (2,5 см).

d) Брошь с геометрическим узором. Диаметр 2,8 см.

е) Кольцо с вставкой из резного камня с фигурой богини. Диаметр 2,5 см.

ж) Серьга, оканчивающаяся «гроздью винограда» (4,2 см).

г) Браслет: проволочки соединяются, образуя сетку. На обоих концах — сплошная пластина. Застежка из проволочных колец. Длина 18,7 см.

б—г из Селевкии на Тигре, демонстрируют греческое влияние.

12. Неглубокая миска или блюдо из серебра из сокровищницы Окса, в так называемом бактрийском стиле. Греческий бог Дионис возлежит на колеснице. Подле него — Ариадна, его сопровождают празднующие. Техника предвосхищает сасанидскую работу: металлические рельефные фигуры, выполненные на отдельных деталях, прикреплены к сосуду.

13. Серебряная чаша с причудливыми ручками и декоративной рельефной фигурой. Найдена в Иране. Высота 5,5 см, диаметр 9,5 см. Эллинистическая или раннепарфянская.

14. Серебряная чаша, частично позолоченная, из клада, найденного около Нихаванда (Иран). Эта полусферическая форма развилась из более древней формы лотоса. Наружная поверхность украшена тонким узором в виде лоз. Греческие буквы «РХА» на чаше могут обозначать владельца или вес. Диаметр 14,3 см. Отнесена к I или II вв. н. э. по римским монетам, обнаруженным вместе с ней.

15. Куски перламутровой инкрустации со шкатулки, найденной в Шами, Западный Иран. Вероятно, от 100 г. до н. э. до 100 г. н. э.

16. Бронзовая фигурка обнаженной женщины из Ирана. Вероятно, изображает богиню Анахиту, чей культ играл большую роль начиная с ахеменидского периода и дальше. Высота 11,5 см. I—III вв. н. э.

17. Костяные фигурки из Селевкии, изображающие обнаженную богиню и изготавливавшиеся в большом количестве в религиозных целях. Примерно в натуральную величину. Парфянская эра.

18. Аэрофотосъемка Тахти-Сулеймана (древнего Шиза) в Иранском Азербайджане. Это место было священным, вероятно, еще до парфянского периода, хотя археологически датируемые свидетельства относятся только в раннему сасанидскому периоду, когда это место стало целью паломничества.

19. Терракотовый рельеф, изготовленный по форме, купленной в Алеппо (Сирия). Парфянский аристократ или чи-

новник стоит перед богиней, которая облачена (в большей мере) в греческий костюм и поднимает правую руку в благословении. Высота 12,5 см. Позднепарфянский период.

20. Фигурки для использования в качестве религиозных подношений.

а) Терракотовый всадник. Высота 9 см.

с) Терракотовый торс бородатого мужчины в коническом головном уборе. Высота 7,5 см.

е) Женская голова в сложном уборе. Высота 2,5 см.

f) Фигура возлежащей женщины с инкрустированными глазами. Длина 10 см. Из Селевкии.

h) Терракотовый всадник. Высота 23 см. Происхождение неизвестно.

d) Терракотовая фигурка женщины, играющей на лире. Высота 15 см. Из Ирана.

21. Известняковый шестиугольный алтарь для возжжения курений. Пальмира. В числе украшений ассирийский ступенчатый зубец и греско-римская лепнина. Высота 74 см.

22. Саркофаг из терракоты с зеленой глазурью, найденный в Уруке (Ирак), с декоративными плашками, на каждой из которых присутствует обнаженный воин. Длина 1,95 м. Позднепарфянский период.

23. Развалины айванов в святилище Солнца в Хатре, до реставрации. В центре проходит стена, делившая двор перед айванами; слева от центра видны развалины южного айвана, окруженного меньшими айванами. Видны декоративные полуколонны, головы и бюсты божеств. Вероятно, конец I или начало II в. н. э.

24. Панель с декоративной штукатуркой из дворца Кухе-Ходжа (Сейстан), с греческими и восточными мотивами. Вероятно, I в. н. э.

25. Коридор, который полностью окружает квадратный внутренний храм Шамаша, пристроенный к задней части южного айвана в Хатре, до реставрационных работ. II в. н. э.

26. Погребальная башня Элабель. Пальмира. Внутри имеются украшенный зал и лестница, ведущая наверх. Ниши для саркофагов на каждом этаже. Несколько башен сохранились также хорошо. Дата приведена на арамейской надписи снаружи. Апрель 113 г. н. э.

27. Реконструкция покрытого штукатуркой фасада западного айвана во дворце в Ашшуре. Первоначально фасад был раскрашен яркими цветами. I в. н. э.

28. Бронзовые фигурки в эллинистическом стиле, найденные в Нихаванде, Западный Иран. Возможно, поблизости находилось святилище. III или II в. до н. э.

а) Статуэтка Деметры. Высота 10 см.

б) Статуэтка Афины. Высота 5,5 см.

в) Фигурка молодого всадника. Высота 7 см.

г) Женская фигурка в греческом хитоне. Высота 8 см.

е) Статуэтка Зевса. Высота 13 см.

29. Западная терраса гробницы царя Коммагены Антиоха I (69—34 гг. до н. э.) в Нимруд-Даге, юг Анатолии. Колоссальные скульптурные изображения богов-хранителей, во много раз превышающие натуральную величину, изготовлены из громадных каменных блоков, установленных один на другой. Слева направо: сам царь Антиох, богиня Коммагены Тихе, Зевс-Оромазд, Аполлон-Митра-Гелиос-Гермес и Артагн-Геракл-Арес.

30. Рельефное изображение царя Митридата Каллиника или (вероятнее) Антиоха I Коммагенского (69—34 гг. до н. э.), обматывающегося рукопожатиями с богом Артагном-Гераклом-Аресом. Царь облачен в «армянскую» тиару и причудливо украшенный костюм с гетрами на завязках. Геракл легко определяется по львиной шкуре. Высота 2,26 м. Найдено в Арсамее на Нимфее, ниже Нимруд-Дага.

31. Колоссальная голова бога Аполлона-Мирты-Гелиоса-Гермеса с восточной террасы гробницы Антиоха I в Нимруд-Даге. В изображении ясно ощущается греко-эллинистическое влияние, однако на боге «персидская» тиара. Высота примерно 2,50 м.

32. Погребальный рельеф бородатого мужчины из Ашшура. Он изображен в профиль, одет в парфянский костюм и несет ветвь, символизирующую святость, подобную тем, которую держали мертвые в Пальмире. Справа от его головы находятся астральные символы. Высота 1,71 м. Найден вместе со схожим рельефом, датированным 89/88 г. до н. э.

33. Известняковая погребальная скульптура священника, найденная в погребальной башне, известной как Каср-эль-Абиад, в Пальмире. На нем надеты туника, плащ, штаны и гетры; прежде держал ритуальные предметы. Украшение и узор драпировки выполнены очень искусно. Натуральная величина. Около 100 г. н. э.

34. Религиозный рельеф, изображающий шесть духов-покровителей Бет-Фалися, деревни к северо-западу от Пальми-

ры, и богиню перед верующим, который бросает благовония на курильницу. Духи, поименованные в арамейской надписи, одеты одинаково в туники, плащи и «саронги», держат копья и щиты. Датирован 191 г. н. э.

35. Религиозный рельеф на каменной балке храма Бела в Пальмире. Арабская религиозная процессия изображена во фронтальном положении. Справа за ней наблюдают полностью закутанные в покрывала женщины. Далее верблюд везет коббу, содержащую священный предмет. Верблюда ведет погонщик, перед которым идет ослик. Слева на процессию смотрят зрители, расположенные двумя рядами. Высота примерно 2,50 м. Около 32 г. н. э.

36. Религиозный рельеф на каменной балке храма Бела в Пальмире, изображающий рукопожатие двух богов Аглибола и Малакбела рядом с жертвенниками, заваленными плодами земли. Аглибол, бог Луны, облачен в эллинистическую кирасу поверх азиатской туники и штанов. Справа — маленький коринфский храм, слева — два прислужника (видимо, в профиль). Высота примерно 1,83 м. Около 32 г. н. э.

37. Внутренний вид ниши или экседры Ярхая в подземной гробнице в Пальмире, реконструированной в Дамасском музее из оригинальных материалов. Каждый погребальный бюст закрывал торец гроба, поставленного в нише позади него. В дальнем конце ниши можно видеть «триклиний», или группу из трех саркофагов, вырезанных в форме погребальных лож, с изображением священников и их родных на крышках. Высота примерно 4,50 м. Вид показывает нишу в том виде, какой она имела в начале III в. н. э.

38. Религиозный рельеф из-под Пальмиры, изображающий воскурение благовоний двум богам-всадникам: Абгалу и Ашару на верблюде и коне. Композиция фронтальная, геральдическая. Боги хорошо вооружены, их пышные прически — парфянские. Змея и звезды являются дополнительными религиозными символами. Арамейская надпись включает в себя посвящение и дату: октябрь 154 г. н. э.

39. Религиозный рельеф со двора храма Бела в Пальмире с триадой Баалшамина (в центре) и двумя младшими богами Аглиболом (богом Луны) и Малакбелом. Все три облачены в кирасы эллинистической формы поверх восточной туники и штанов, все трое стоят фронтально. Рельеф покрыт надписями, нанесенными верующими. Высота 56 см, ширина 68,5 см. Около 50 г. н. э.

40. Известняковая голова от погребального бюста из Пальмиры. Здесь соединены восточнороманский и парфянский стили. Волосы, тип бороды и небольшая схематизация черт лица парфянские, тогда как общее исполнение указывает на влияние Рима. Высота 27,5 см. Конец II в. н. э.

41. Известняковый погребальный бюст верблюдника из Пальмиры. Огромные внимательные глаза и схематизированные волосы и драпировка характерны для развитого парфянского искусства. В левой руке он держит какой-то документ. Высота 57 см. Около 140—160 гг. н. э.

42. Известняковый погребальный бюст женщины в украшениях, так называемая «красавица Пальмиры». Это прекрасное произведение иллюстрирует любовь восточных скульпторов к богатой детализации и украшению. Сохранились многочисленные следы желтой, красной и черной красок. У нее были красные губы, черные волосы, розовое пятно на каждой щеке и раскрашенные украшения. Высота 55 см. Начало III в. н. э.

43. Известняковый погребальный рельеф супружеской четы из Пальмиры. Женщина держит веретено и прялку, на ее броши висит ключ, указывающий на домашнюю работу. Надпись под ними — подделка. Высота 48 см. Около 130—150 гг. н. э.

44. Известняковый погребальный рельеф двух детей из Пальмиры. На них надеты вышитые туники, штаны и гетры. Арамейская надпись говорит, что это Тайме (справа) и его брат Филин, сыновья Вахбаллата. Птица и виноград имеют погребальное значение. Высота 50 см. Около 150 г. н. э.

45. Известняковый погребальный рельеф, изображающий элегантно одетую женщину перед занавесью, из Пальмиры. В исполнении замтно некоторое восточнороманское влияние. Часть из ее украшений похожа на фото 11. Арамейская надпись сообщает ее имя и происхождение: она — Аха, дочь Халапты. Высота 61 см. Датирована сентябрем 161 г. н. э.

46. Большой погребальный рельеф из высококачественного известняка, один из трех, найденных в гробнице Малку (Пальмира). На погребальном ложе мы видим пальмирскую семью, а между ножек в виде бюстов изображены другие члены семьи. Чаши и лист, которые держит мужчина, видимо, связаны с погребальным культом Пальмиры. Глаза фигур выделены с помощью черной краски. Высота 1,92 м, ширина 2,01 м. Начало III в. н. э.

47. Бронзовая голова статуи из Шами, показанной на фото 51.

48. Полированная мраморная голова парфянского царевича, вассального правителя или вождя из Шами. Высота 11,5 см. Возможно, около 100 г. до н. э. — 100 г. н. э.

49. Небольшой бронзовый бюст парфянского правителя из Ирана. Вероятно, навершие скипетра или украшение предмета мебели. Голова напоминает портреты Орода III с монет. Высота 7 см. Около 4—7 г. н. э.

50. Голова царя Хатры Утала, найденная в храме III. На нем высокая тиара, характерная для аршакидских монархов и широко перенятая их вассалами. Борода и черты лица стилизованы. Высота 62,5 см. II в. н. э.

51. Бронзовая статуя, вероятно парфянского вассального правителя, из Шами. Голова и туловище отливались раздельно. Костюм почти идентичен тому, что мы видим на фото 33. На крученом шейном украшении и ремне тонко изображенные украшения, волосы на бороде и груди изображены с помощью линий. Высота 2 м. Около 50 г. до н. э. — 100 г. н. э.

52. Мраморная статуя царя Хатры чуть больше натуральной величины. Высота 2,15 м. II в. н. э.

53. Мраморная статуя царевны Давашфари (?), дочери царя Хатры Санатрука из храма V. Она стоит в позе поклонения, в богатой одежде и высоком тюрбане, с множеством украшений. Арамейская надпись на постаменте сообщает ее имя и род, а также дату 137 г. н. э. Высота 2,10 м.

54. Мраморная статуя бога Ашур-Бела, найденная в храме V, в Хатре. По бокам бога два орла Хатры, а у его ног сидит Тихе, дух города. Греческая кираса и фигура Тихе заимствованы из эллинистического искусства, тогда как борода почти ассирийская. Местами статуя слегка отполирована. Высота 1,20 м. Видимо, конец I или II в. н. э.

55. Пара мраморных скульптур, изображающих знатного мужчину и его жену (или бога и богиню) из Хатры. На них обычные костюмы хатрской аристократии. Глаза в соответствии с древним восточным обычаем инкрустированы, чтобы придать взгляду большую пристальность. Высота мужчины 88 см, женщины — 86 см.

56. Религиозный рельеф орла и штандарта Хатры и бог Солнца, найденные рядом в одном из храмов Хатры, с арамейской надписью. I или II в. н. э.

57. Плитка из Хатры с головой Медузы. Высота 10,5 см. Вероятно, II в. н. э. •

58. Бронзовый орел, которому поклонялись в Хатре. Высота 7,6 см. I или II в. н. э.

59. Бронзовая статуэтка Геракла-Нергала из Хатры. Заимствованные из греческого искусства формы фигуры подверглись схематизации. Высота 17,5 см. Вероятно, II в. н. э.

60. Религиозный рельеф богини Аллат между двумя прислужниками над львом, из Хатры. Фигура Аллат подражает изображениям Афины в греческом искусстве, однако трансформирована в парфянском стиле. Высота 1,28 м.

61. Религиозный рельеф из Хатры. Четыре божества в странных головных уборах держат всевозможные земные плоды. Инкрустированные глаза придают лицам большую выразительность. Высота 35 см. Вероятно, II в. н. э.

62. Круглая алебастровая плитка из Хатры с бюстом богини Луны над рельефным изображением полумесяца. Богиня имеет неожиданно греческую внешность. Высота 36 см. I или II в. н. э.

63. Две алебастровые фигурки богов Хатры. Вероятно, II в. н. э.

а) Бог с арамейской надписью. Высота 30 см.

б) Бог Солнца в позе благословения. Высота после реставрации 19 см.

64. Резная дверная перемычка из храма Хатры. В центре возлежит бог, который держит в руке чашу. Его сопровождают две крылатые Победы и другие фигурки. Над этой плоской перемычкой поднималась арка. Ширина 2,50 м. Конец I или II в. н. э.

65. Верхняя часть крупной мраморной статуи царя Хатры Санатрука из Храма X. На нем богато украшенная туника (расшитая жемчугом?), шейное украшение, ремень и штаны. Его диадему украшает орел Хатры. Правая рука поднята в жесте поклонения. Общая высота 2,24 м. Начало II в. н. э.

66. Известняковая фигура на архивольте. С арки на фасаде айванов святилища Солнца, Хатра. Мы видим верхнюю часть фигуры богини Луны, или Анахиты, над полумесяцем. Высота 72 см. Конец I или II в. н. э.

67. Религиозный рельеф: стела Афлада из Дура-Европос. Священнослужитель в коническом головном уборе бросает благовония на курильницу перед богом, который стоит лицом к зрителю и облачен в кирасу эллинистического типа. Греческая надпись содержит посвящение и дату: 54 г. н. э.

68. Внутренний вид южного айвана святилища Солнца, Хатра, до начала реставрационных работ. Над входом можно увидеть пилястр, украшенный тремя театральными масками греко-римского типа, видимо имеющими религиозное значение. Справа — задняя стена и вход в святилище Шамаша. Конец I или II в. н. э.

69. Настенное изображение бога Митры в виде верхового охотника, в Митрее, Дура-Европос. На нем обычный парфянский костюм, а техника живописи преимущественно линейная, хотя к этому времени город уже оккупирован римлянами. Около 200 г. н. э.

70. Настенная фреска в Храме пальмировских богов, Дура-Европос, с частью сцены, называемой «Жертвоприношение Конона», которая в настоящее время утрачена. Два священнослужителя в конических головных уборах, держащие ритуальные предметы и сопровождаемые прислужниками, бросают благовоения на курильницы. Около 75 г. н. э.

71. Настенная фреска с тремя фронтальными фигурами богов из Длинной галереи во дворце Кухе-Ходжа, Сейстан. Присутствует сильное влияние греко-эллинистической живописи, однако боги изображены как индоиранцы. Вероятно, I в. н. э.

72. Голова царицы или богини, найденная в Сузах, из мрамора низкого качества с серыми прожилками. Скульптор Антиох, сын Дриаса, подписавший свое имя на диадеме, придал голове мягкие, размытые очертания. Если диадема указывает на царицу, это может быть изображение Музы, жены царя Фраата IV и соправительницы Фраатака, и относиться к 2—4 гг. н. э. Однако пластическое указание на зрачки глаз и легкая полировка поверхности указывают на более позднюю дату. Голова скорее представляет Тихе, дух Суз. Высота 37,5 см. I (или начало II?) в. н. э.

73. Известняковый (погребальный?) рельеф с надписью из Суз. Царь Артабан V вручает кольцо, являющееся знаком власти, Хвасаку, сатрапу Суз. Очень уплощенный рельеф и плохое качество работы, тем не менее, это важное историческое свидетельство: Сузы перешли от элимаидского управления под царское аршакидское. 14 сентября 215 г. н. э.

74. Скальный рельеф из Таг-и-Сарвак, Элимаида. Сильно поврежден, однако имеет большое историческое значение. Рельефы на скалах изображают сцены, связанные с облечением властью. Здесь Ород, местный правитель Элимаиды,

возлежит на ложе и протягивает кольцо, символ власти, двум своим вассалам. Арамейская надпись поверху исполнена на местном варианте арамейского шрифта. Вероятно, около 200 г. н. э.

75. Раннесасанидский скальный рельеф в Фирузабаде, изображающий победу Ардашира над Артабаном V в 224-м или 226 г. н. э. Артабан находится далеко справа: он падает спиной с коня, получив удар копья от Сасанида. Сражающиеся различаются по геральдическим эмблемам. Высота 3,35 м. 225—250 гг. н. э.

76. Индийская миниатюра могольского периода в манускрипте «Шахнаме» Фирдоуси. Пешего Ардавана (Артабана V) убивает Ардашир, изображенный верхом справа. 1602 г. н. э.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
<i>Глава 1. География и исторические упоминания</i>	<i>9</i>
<i>Глава 2. Приход парнов.....</i>	<i>16</i>
<i>Глава 3. Парфия и Рим</i>	<i>30</i>
<i>Глава 4. Царь и правительство</i>	<i>51</i>
<i>Глава 5. Экономика и общество</i>	<i>71</i>
<i>Глава 6. Религия и захоронения</i>	<i>93</i>
<i>Глава 7. Архитектура</i>	<i>111</i>
<i>Глава 8. Изобразительное искусство</i>	<i>140</i>
<i>Глава 9. Падение Аршакидов</i>	<i>165</i>
<i>Глава 10. Эпилог: достижения парфян</i>	<i>173</i>
Приблизительная генеалогическая таблица аршакидских царей.....	176
Подписи к фотографиям	178

Малькольм Колледж
ПАРФЯНЕ
Последователи пророка Заратустры

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгеля*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *И.А. Филатова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.05.2004.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08.
Уч.-изд. л. 10,23 + 2 альбома = 11,98.
Тираж 7000 экз. Заказ № 1162.

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРИ ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУИПП «Курск».
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.